

6
2005

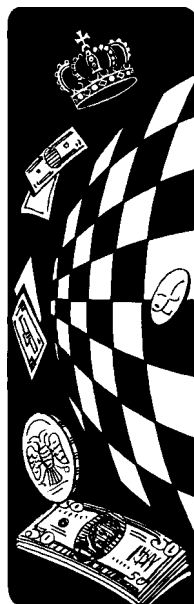
РОСССНЯ XXI

Представь, что в качестве исследователя ты приезжаешь в неизвестную страну, язык которой тебе совершенно незнаком. При каких обстоятельствах ты бы сказал, что люди там отдают приказы, понимают их, подчиняются им, противятся им и т.д.? Совместное поведение – вот та референтная система, с помощью которой мы интерпретируем незнакомый язык. Представим себе, что люди в этой стране заняты обычной человеческой деятельностью и пользуются при этом, казалось бы, членораздельным языком. Присматриваясь к их поведению, мы находим его разумным, оно представляется «логичным». Но, пытаясь выучить их язык, мы обнаруживаем, что это невозможно. Поскольку в нем нет устойчивой связи между тем, что они говорят, произносимыми звуками и их действиями. ... Надо ли говорить, что у этих людей есть язык – приказы, сообщения?

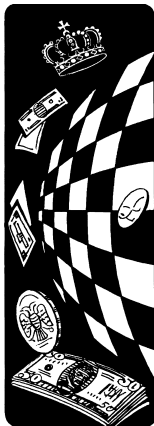
Людвиг Витгенштейн

**Нам следовало бы стремиться
познавать факты, а не мнения, и,
напротив, находить место этим
фактам в системе наших мнений.**

Георг Кристоф Лихтенберг

Сергей Кургинян

ОСЕННИЙ МАРАФОН

ЧТО ПРОИЗОШЛО ЗА ЛЕТО
И КАК БУДЕТ РАЗВИВАТЬСЯ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР

The author holds that in socio-psychological terms Russia is approaching the end of «the epoch of expectations». The most acute schism of elites, the socio-cultural depression, destruction of the aggregate industrial infrastructure are present. To that the gradual realization of the dead-lock by the public at large should be added. Persistent troubles in Caucasus are obvious as well as lack of proper adjustment of the whole sphere of international relations and general unpreparedness for future trials. The gravest point is incapacity to provide the answer to the principal issue: what is your present and future country? So long as there is no answer to the question there can be no substantial, thoughtful analytical study of events and it is senseless to discuss all details of the Russian politics, social and economic life. The author offers possible, the most sharp and relevant versions of the answer to the question. 1. Contemporary Russia is the country which successfully, if painfully could to move from the systemic pathology (the «Soviet regime») to imperfect but normal condition. 2. Contemporary Russia is the country where dismissal of pathology is a myth. The real content of events is aggravation of pathology, transition of pathology to a new phase. 3. Imperfect Soviet civilization accumulated contradictions and exploded like Chernobyl. This explosion created a «zone». On its ruins people make business and settle down with various levels of comfort. Choice of the answer begets the agenda. At least, it is necessary to prepare for unfavorable scenarios. At the maximum a person has to decide whether he/she is willing to exist in «the zone» or not and whether a person is able and willing to fight against such existence or not.

* Доклад на заседании клуба «Содержательное единство» 22 сентября 2005 года.

I.
**Результаты наблюдения,
инструменты наблюдения и
местоположение наблюдателя**

Советский человек очень хотел за границу. А его туда не пускали. Точнее, пускали избранных. И это было отвратительно. Потому что человек должен видеть мир. Обычный человек должен видеть мир, а не эти самые избранные, которым мир-то зачастую не нужен. А если и нужен, то совсем не в лучших своих проявлениях.

Постсоветский человек как бы может уехать, куда он хочет. Правда, у него нет денег. Но тоже – как у кого. И сказать, что деньги есть только у негодяев, так же глупо, как заливаться соловьем по поводу того, что все лучшие достигли экономического успеха. Так что кое-кто вполне может реализовать свое желание увидеть мир. И для этого он не должен быть советским международным избранным служащим (МИДовским, АПНовским или еще каким-нибудь).

И это все хорошо. Плохо другое: что когда ты этот мир видишь очень часто, очень помногу и еще через призму определенных деловых обязательств, то складывается особый психо-эмоциональный комплекс, в чем-то сходный с тем, который у кого-то существовал в предыдущую эпоху, когда никуда не пускали.

Говорю «у кого-то», потому что у меня того комплекса никогда не было. То ли я не любопытен, то ли «помешан только в норд-норд-вест», как известный герой Шекспира. Но, честное слово, положив руку на сердце, не страдал я лично от того, что не видел Парижа или Рима. Ну, не страдал и все. От чего-то другого страдал, а от этого – нет. Но я хорошо понимаю, что другие, очень хорошие, люди, возможно, лучше и правильнее организованные, чем я, могли страдать от отсутствия встречи с миром. И препятствовать этой их встрече было подло, глупо, недальновидно, ну и еще как хотите.

При этом я не хочу сказать, что я совсем не любопытен и что мне неприятно видеть Рим или Париж. Я только то хочу сказать, что сказал: я не страдал от отсутствия всего этого, точно знаю, что не страдал. И думаю, понимаю, как тонко организованные, духовные люди страдали. Я все-таки кое-что смыслю в театральной профессии. И могу жить в чужие чувства. Могу ощутить тот старый психо-эмоциональный комплекс. Не мой – и что?

Так вот, мне кажется, что новый психо-эмоциональный комплекс, складывающийся от профицита этих самых «встреч с миром», есть зеркальное отражение старого комплекса, порожденного дефицитом подобных встреч. Разница только в том, что там все было понятно. А тут все непонятно – но все то же самое. И объяснить это очень трудно. Короче, в 1978 году ты (ну, пусть не ты, а тот, кого ты очень уважаешь и понимаешь, в кого способен вжиться) чувствовал некую обделенность оттого, что должен поехать отдыхать в какую-нибудь деревню, а не в Париж. Этот условный «ты» (Пушкин, например, считал себя обделенным по этой части, и что?) знал, почему он обделен.

А когда уже не условный, а настоящий ты в 2005 году знаешь, что ты должен сесть в самолет, прилететь в Альпы, сесть в такси, доехать до отеля, ездить, смотреть Инсбрук или Зальцбург, переодеться к вечернему ужину в ресторане, объясняться, прошу прощения, с зарубежной вежливой челядью, потом ехать назад, опять лететь самолетом, опять... Ты в этот момент ощущаешь себя обделенным – и ни один психоаналитический гений не объяснит тебе, почему. Но ты точно знаешь, что это та же самая обделенность, только вид сбоку.

И только ты воображаешь это – на тебя уже, как волки на Красную Шапочку, начинают в этом воображении набрасываться пока еще виртуальные Вены, Каиры, Парижи, Мадриды, Канны, Афины... И все эти прелестные, изящные города почему-то кажутся в этот воображаемый момент злобными животными, от которых куда-то как-то надо спрятаться. То ли под кровать, то ли на чердак, то ли еще куда. И тогда ты едешь в деревню. Но не так, как в 1978 году. И не от нормального ощущения жизненной полноты: захотелось – и поехал в деревню. Ты туда бежишь, прячешься, забираешься, как в нору. И чуть-чуть отдышавшись, начинаешь оттуда смотреть на мир.

Назвать этот взгляд адекватным никак нельзя. Стресс и адекватность – «две вещи несовместные». Но стресс стрессу рознь. Как и адекватность адекватности рознь. И, может быть, в таком норином стрессе... про кого-то, помнится, в начале 90-х говорили: «Это норный политик»... может, что-то, повторяю, есть в этом самом стрессе. Может, из норы-то оно виднее... Конечно, не все виднее. Что-то из картины исчезает... Но, может, что-то и появляется?

Хочу быть правильно понятым. Это появляющееся не имеет никакого отношения к элементарному хождению в народ. К приобщению к почве и прочему. Потому что ты не к почве приобщаешься – ты в нору зарываешься, а это совершенно разные вещи. Почему разные? Да пото-

му, что... Словом, тем, кто так не зарывался, это все равно не объяснишь... А кто зарывался, тем и объяснять не надо.

Я не окунаюсь в родное и близкое, отряхивая пыль странствий со своих заморских одежд... Пусть какой-нибудь почвенник окунается. Я бегу. И если бы мог убежать куда-нибудь еще от этих «зубастых зверюг» (они же – милые, действительно интересные, духовно тонкие культуры и города), я бы еще куда-нибудь убежал. Мне просто бежать больше некуда.

II.

В норе не вопрошают, в норе отлеживаются

Прибежав же, я хочу в норе отлежаться. Я не спелеологией занимаюсь в этой деревенской норе-пещере. Я не рекогносцировку провожу. Я не новых впечатлений набираюсь. Я отлеживаюсь. Я раны зализываю. А поскольку просто отлеживаться я не могу – сразу эти виртуальные «звери» начнут кусаться на расстоянии, – то я хочу чего-нибудь «некусучего». Каких-нибудь умных книг, которых в другой обстановке не прочитаешь... Каких-то альтернативных раздражителей на сетчатке.

Это пусть Зюганов ходит в народ. Или его оппоненты. Такие же, как он, патриоты. Ведь непатриотических политиков просто нет. Они, так сказать, элиминировались – рассеялись, испарились. Оставшиеся, конечно же, ходят в народ. Ходят и вопрошают. А я туда не хожу.

У моих летних наблюдений совершенно другой контекст, так сказать. Не социологический, не аналитический, не политологический. Если бы я мог все 30 дней отпуска просто спать по 24 часа и все, я бы и спал. Но я не могу. Если бы я мог бродить по лесу и не думать, так я бы и не думал. Но я не могу. Просто мысли мои другие, потому что от «кусучих зверей» я себя каким-никаким заборчиком оградил. И одно дело, когда ты думаешь, а они бегут за тобой по пятам или висят у тебя на холке, а другое дело, когда ты ходишь за забором, а они порывают по другую сторону. Порывают, но укусить не могут.

И вот в этой новой психо-социальной атмосфере, прошу прощения за заумные термины, ты что-то другое видишь, слышишь и понимаешь. Ты иначе склеиваешь образы в условиях информационного дефицита. Понимать ты начинаешь какие-то очень простые вещи. Вначале те, ко-

торые просто проплывают перед твоими глазами. Ты же не слепой. И хоть ты не собрался на охоту за впечатлениями, а даже наоборот – совсем отстраниться от впечатлений ты не можешь.

Ты вдруг видишь вокруг заросшие картофельники. Раньше ты видел просто заросшие поля. Их ты видел этак с 1992 года. Поля все более зарастали. Но и они теперь заросли как-то иначе. Шел раньше по краю поля. Вначале это был край поля и вокруг дорожка. Потом поле заросло, и дорожка осталась. Потом и дорожка заросла, но травяной след остался – вокруг совсем бурьян, а там, где была дорожка, теперь, конечно же, трава. Но какая-то она более мягкая и робкая. А теперь приезжаешь и видишь, что трава сравнялась с бурьяном.

И не в том дело, что тебе нужно возмущаться сокрушительными действиями Грефа и Кудрина, этих преемников Гайдара и Чубайса. Ты хочешь идти по привычной тропинке и выкинуть из головы Грефа, Кудрина, Чубайса, Зюганова, Слиску, Грызлова и даже мудрейшего господина Миронова. Все это хочешь выкинуть из головы – и у тебя получается. Но только ты вдруг понимаешь, что идти-то по тропинке уже нельзя. Потому что это не тропинка и не мягкая трава, а бурьян, через который не продерешься. Сначала ты думаешь, что заблудился, но эта дорога знакома тебе 16 лет. А потом ты понимаешь, что, говоря философским языком, природа заполняет депрессию культуры и цивилизации. Природа это делает так просто. Ей, природе, это раз плюнуть...

Ты еще продираешься через бурьян в надежде, что выйдешь на знакомую тропинку, а у тебя из-под ног взлетают три глухаря. Поле так заросло, лес (он же природа) так наступил на деревню (она же культура и цивилизация), что для очень разборчивых птиц это уже никакое не поле, часть окультуренного космоса, а их лес, то бишь их природа.

И не для птиц только. Змеи заползают в деревню. В соседнем овраге разместился совершенно невыдуманный медведь, и ему засеивают овес. Чтобы в деревню не заходил. Скоро будут жертвы приносить: девок связанных ему выкидывать на съедение. Если только девки останутся. И веревки, чтобы их связывать.

Но это все – фигня в сравнении с картофельниками. Потому что вот тут была тоже тропка по краю картофельника, и можно было выйти к любимой дороге и пройти в лес. А теперь тропки нет. И картофельника нет. Поля заросли сразу после 1991 года. Но картофельники держались 16 лет, первый год их нет. И сразу на их месте бурьян. А почему их нет? Потому что усталость разлита в воздухе. И кладбище стремительно

разрастается. И коров уже почти никто не держит. В 1993-м держали многие. А теперь – почти никто.

Но я же не Василий Белов, чтобы по коровам хныкать. И потом – кто-то еще держит... Мне молоко привозят на велосипеде очень милые ребятишки из соседней деревни. Такие белобрысые, веселые, очень вежливые. Они тут все такие лет до двенадцати. Потом встречаешь этих ребятишек в четырнадцать – глаза уже мутно-злые. А к восемнадцати это спившиеся загубленные парни и девчата. Хуже всего, когда девчата.

Но опять же – я не Зюганов и не Чайнов. Я не горечь коплю, чтобы оборотить в политический яд, и не деревенской экономикой занимаюсь. Мне просто, прошу прощения, в этой норе жрать что-то надо. И я питаюсь, говоря более культурно, этой самой молочной пищей. Простоквашей, толстенным слоем сметаны, остающимся, когда делают эту простоквашу. И я понимаю, что это не «Седьмой континент», а неизмеримо лучше.

Но потом мне надо пойти в поселковый магазин. Говорят, что с магазинами стало у нас гораздо лучше и там изобилие продуктов. Конечно, продуктов больше, чем в 1990 году. Только есть эти продукты могут исключительно отважные люди. Я, например, купил пачку масла. И у меня никаких, вообще-то говоря, проблем с пищеварением нет. Но когда я намазал это масло на хлеб, и попробовал откусить, и выплюнул, конечно, немедленно, то болел я после этого еще сутки. А отважный народ это все потребляет.

Это то, что сначала выбрасывают на помойку из какого-нибудь гамбургского или лейпцигского магазина, потом с предпринимательской дерзостью собирают с этой помойки, везут в «Седьмой континент», потом выбрасывают на помойку из «Седьмого континента», оттуда, с этой помойки №2, собирают и везут в костромской супермаркет «333 лакомства», оттуда выбрасывают на помойку №3 оставшееся дерьмо, прошу прощения за выражение, оттуда это дерьмо везут в Кинешму и там продают в магазине «50 лакомств», самую гадость выбрасывают на помойку №4 и потом уже доставляют деревенскому жителю в лавку нового типа. Сугубо частную. Сугубо рыночную. И еще более скотски грязную, чем самые мерзкие магазины на пресловутом БАМе. Точно знаю, что говорю.

Грязь именно скотская, последняя и недопустимая. Рои мух и прочих летучих насекомых такие, что никакому Тарковскому во сне и не приснится. Посреди изобилия помоечных продуктов и этих роящихся насекомых сидит новая частница, бывшая учительница или бухгалтерша.

Немного под шафе или с бодуна. Руки грязные. Платье грязное. Лицо грязное. Никакой самой паскудной БАМовской продавщице образца 1978 года такая грязь свойственна не была. Потому что раз в полгода какая-нибудь санэпидемстанция все-таки забредала.

Здесь этого нет и в помине. Рядом с грязной мамашей сидит совсем грязный – то есть так, как в современном фильме нельзя заgrimировать, – отупело-пьяный пацан лет семнадцати, ее сын. Этому пацану мать командует, чтобы он подносил продукты покупателю. Он приносит. Когда-то это был очень милый мальчик. Но мальчик давно забыл, когда это было. И иногда впечатление, что я единственный, кто еще что-то помнит. Я что, ужастики накачиваю, что ли?

III. Российский капитализм и моя нора

Я совсем про другое. Про нечто парадоксально непатриотическое. И, возможно, даже антигуманное. Я про то, почему коров не стало. А в 1993 году были. Потому что в 1993 году не платили совсем, а в 2005-м стали платить чуть-чуть, но унижительно мало. А за эти 12 лет что-то с людьми произошло. И как только им чуть-чуть приплатили, они не захотели лучше жить. Они захотели больше пить и меньше работать. И это правда. Я ничего не обобщаю. Я даже выводов не хочу делать. Я только фиксирую тот минимум, который невозможно не зафиксировать.

А поскольку это все происходит в какой-то норе, то в нору доносятся какие-то совсем старые впечатления. Какого-то мужика, то ли приехавшего в шотландский Финдхорн, где я читал лекции в 1990 году, то ли появившегося на какой-то еще вполне советской интеллигентской пьянке, я спрашиваю, кто он такой, а он говорит... не помню, американский или английский фермер. И завязывается разговор.

Я его спрашиваю: «А ты зачем на ферму спрятался? Ведь все равно грязь, все равно работать надо больше, чем в городе, все равно получаешь меньше».

Он мне отвечает: «Все так. Но есть четыре причины».

Я спрашиваю: «Какие?»

Он отвечает: «Во-первых, я ненавижу начальников. Любых. На заводе, в институте, в библиотеке, в мэрии – везде у меня будут начальники, а тут я сам себе начальник».

Во-вторых, я люблю землю и животных.

В-третьих, мне нравится понимать, что я ем. Я ем свою пищу и понимаю, что она настоящая. А в магазинах... я там что-то покупаю, там какой-то сертификат, но я не понимаю, что я покупаю.

В-четвертых, я люблю свежий воздух и ненавижу город. А не было бы у меня этих причин – я никогда бы не стал так на ферме корячиться».

Я совершенно не собираюсь кидаться из крайности в крайность и противопоставлять этому умному американскому или английскому фермеру русского дурака. Я вообще ничего ничему не хочу противопоставлять и не ищу в этом никакого идеологического содержания. Я просто не могу понять мамашу, которая живет на земле, знает, как доить корову, может ее держать, понимает, что в этом случае будут есть ее дети, и вместо этого идет в этот русско-частный ларек покупать то, что я вижу. И дает это детям. Как-никак, своим детям. Если это совсем спившаяся мамаша – полбеды. Но ведь это не только таких крайних случаев касается.

И следующий голос, доносящийся до моей норы, – это интеллигентский, паскудный, нервно-взвинченный вопль, такой ядрено-интеллигентский, портяночно-московский, оголтело-амбициозный вопль: «Дайте землю крестьянину, освободите крестьянскую частную инициативу – и страну завалит изобилие сельскохозяйственных продуктов самого высокого качества! Только уберите этот коммунистический бред!»

Ну, хорошо, убрали. Что получили? И куда этот голос делся?

И тогда другой голос доносится мне из раннего детства. Такой смутный, дальнородственный и мною совсем не любимый: «Да что вы все – "Столыпин, Столыпин"! Столыпин и погубил Россию. Поздно мы его шлепнули! Все товарное зерно давали наши поместья, а вовсе не какие-то столыпинские хутора. Чушь, ахинея!» Я очень не любил подобные дальнородственные голоса в детстве. Мне они казались реакционными и бесперспективно-озлобленными. Но то ли нора моя меняет обортона... То ли слишком сильны первичные впечатления... Но я начинаю что-то понимать. Еще смутно, сквозь пелену...

И тогда я из магазина прихожу назад, в свое деревенское логово. Намазываю масло, пытаюсь полакомиться таким городским бутербродом, срочно все выплевываю и выкидываю. И с тоски делаю то единственное, что умею делать – то есть читаю разные там умные книги. Поппер... Сорос... Хабермас... Модернизация... Открытое общество... Нищета историцизма... Ошибки «этого ужасного Маркса»...

В чем ошибки, елки! Я Маркса никогда не любил. Я всегда считал, что он ошибается, до тех пор, пока не стал внимательно вчитываться в критику Поппера. Или Сороса. Или кого угодно еще.

Утверждение №1 (Поппер) – Маркс ошибся в том, что считал неизбежной поляризацию. Накопление богатства на одном полюсе и нищеты на другом. А оказалось, что западный капитал это преодолел. Вот смотрите, нет такой поляризации в Швеции, Англии или даже Италии.

Утверждение №2 (Сорос как ученик Поппера) – у нас на глазах капитал становится глобальным.

Утверждение №3 (вся статистика ООН) – в глобальном смысле идет поляризация богатства и нищеты. С каждым годом идет увеличение разрыва, концентрация указанной поляризации. На одном полюсе абсолютное обнищание, на другом – преуспевание. Контраст усиливается.

ТАК В ЧЕМ МАРКС НЕ ПРАВ-ТО, ЕЛКИ?

Не понимаю! То есть либо я совсем идиот – и я готов в это поверить. Либо... Либо эти все умники – просто воинствующие кретины. А поскольку они все-таки не совсем кретины, то, значит, они притворяются, а такое притворство еще омерзительнее любого кретинизма.

Утверждение №4 (Поппер) – Маркс считал, что государство будет обеспечивать только интерес капитала (аппарат насилия). А демократическое государство приобрело характер посредника между элитой и народом, капиталистическим меньшинством и работающим большинством. Называется это – интервенционистское государство или как-то там еще. Маркс такого не предусмотрел.

Утверждение №5 (Сорос как ученик Поппера) – глобальный капитал выходит на сцену, захватывая слабые государства периферии и устанавливая там режим абсолютной эксплуатации, не имеющий никакого отношения к эффективным демократическим интервенционистским нормам. То есть он на периферии именно превращает государство в свой аппарат насилия. С периферии глобальный капитал атакует ядро.

Утверждение №6 (и Поппер, и Сорос) – сдержать глобальный капитал может только глобальное интервенционистское государство. То есть население всей Земли должно избрать глобальный парламент, глобального президента, создать все глобальные институты, включая глобальные профсоюзы, и сдержать глобального зверя капитализма, надеть на него узду.

Даже под сильными галлюциногенами невозможно представить, как произойдет что-нибудь в этом роде. Но иначе зверя сдержать нельзя, и он приобретает все собственно марксовские характеристики.

Так в чем Маркс не прав? Мне совершенно не нужно, чтобы он был прав. Это не мой конек, не моя епархия. Но вы мне, пожалуйста, хоть что-нибудь объясните. Потому что если вы мне не объясните, то весь ваш антимарксистский пафос – это не наука, не воля к истине. Это даже не махровая сусловщина. Это просто Геббельс без берегов. Истерически взвинченная брехня, знающая самой себе цену.

Но главное даже не в этом. Никто не говорит, что капитал – это добрый хороший дядя, который всем сделает хорошо. Понимаете, теперь этого не говорит уже никто! Была так называемая Чикагская школа, рассуждавшая о Лессе Фэе – невидимой руке рынка. Школа эта молилась на Милтона Фридмана и других. Но нигде эта школа не была сколько-нибудь доминирующей. Ее кредо – каждый должен делать хорошо для себя и только для себя, и тогда будет достигнут социальный оптимум. Рынок сам все сделает оптимальным. Это то самое, про что в смурном состоянии бухтел Ельцин, когда признавал, что все сейчас плохо, но, когда заработают дремлющие силы рынка, все станет хорошо.

У нас эта слабая Чикагская школа стала всем. Гайдару было выгодно выставить себя учеником Милтона Фридмана. Теперь уже сам Фридман отказался от всего этого, если меня не обманывают источники. Отказался, между прочим, под влиянием постсоветского опыта. Кого-то из этих ребят чикагцев уже, кажется, начинают судить за то, что они в России устроили. Кто еще говорит, что капитализм – это добрый джинн, который всем сделает хорошо? Поппер это говорит? Сорос? Хабермас? Фукуяма? Никто не смеет этого говорить! Говорят совершенно другое: «Да, капитализм – это страшный дикий зверь. Ну и что? Конечно, давать свободу этому зверю нельзя. Но и пугаться его нельзя. Потому что данный зверь – это единственная энергия мира. И если вы убьете зверя, то вы еще неизвестно что сотворите. А вы используйте энергию, взнуздайте зверя, и все будет хорошо! Слон может вас растоптать, но может и распахивать поля, выкорчевывать деревья. Кобра может вас укусить, но змеиный яд в другой дозе может вас вылечить. Не шарахайтесь от зла, а используйте его для добра! Усмиряйте его, управляйте им!» Вот что все говорят. Теперь уже фактически все без исключения.

Итак, капитализм – это дикий зверь, которого коммунисты хотели убить, а на самом деле его надо приручить, взнуздать, ибо это единственная энергия. Сразу, правда, вспоминается «Верхом на тигре» Юлиуса Эвола, ну да ладно.

Но взнудать глобальный капитализм может только глобальное интервенционистское демократическое институционализированное государство. Однако никаких технологических путей к созданию такого государства нет и в помине.

Далее, многие экономические философы уже давно поняли: капитализм потому и зверь, что ему куда-то надо сбрасывать издержки, он не умеет работать с издержками.

А теперь – мои утверждения.

- Если будет создано именно глобальное интервенционистское демократическое институционализированное государство, то издержки сбрасывать будет некуда!!!

- Уже хотя бы по одному этому, а также еще по двум–трем сотням причин ничего подобного создано не будет.

- Но глобализация капитализма будет идти полным ходом.

- В этих условиях (а также в результате обрушения хотя бы декларативно некапиталистической альтернативной системы) глобальный капитал будет приобретать все марксово-звериные качества.

- Этому базису нужна будет соответствующая надстройка. Компромиссной она не будет, но без нее тоже нельзя. Значит, она будет аппаратом насилия – чем же еще? Называется это «Железная пята». Или глобальный фашизм – в том смысле, в каком фашизм и интерпретировали «коминтерновские идиоты», над которыми издевается Поппер. «Высшая стадия развития империализма», видите ли!

То есть простая логика приводит к выводу: Поппер и Сорос, ругающие Маркса, фактически полностью доказывают его правоту!

Я все это читаю, потом выхожу в поле. Змеи, медведь в овраге, бурьян... Для капитализма нужен капиталист. А ну как были правы эти скверные дальнородственные голоса по поводу господина Столыпина! Мне-то сейчас не Столыпин сам по себе интересен.

Жила-была община. Не капиталистическая, никакая. А какая была. Собирала она урожай. И на сходе начинался дележ: «У Марьи Ивановны умер муж... У нее шесть детей. Надо дать столько-то, а то детишки помрут с голоду. А этого деревом в прошлом году завалило – калека. Ему тоже надо дать на пропитание. И так далее». Какой-нибудь матерый деревенский мужик – кровь с молоком, этак 110 килограммов чистых мышц, не пьет, не курит, только работает, семья большая, все тоже работники – смотрел на это все и матерился. Почему он должен это все на себе волють? Марью Ивановну с детишками, калеку, прочих разных? Видите ли, община!

Потом пришел Столыпин и сказал: «Никакой общины! Марья Ивановна с детьми пусть сдохнет, калека тоже отойдет в мир иной, зато этот самый, непьющий, 110 килограммов чистых мышц, как освободится от общинных вериг – так начнет пахать, что всю страну завалим сельскохозяйственными товарами!» Дальше – про отсутствие великих потрясений и великую Россию, но это уже поэзия.

Нелюбимые мною дальнородственные голоса утверждали, что Столыпин наломал дров, а хлеба не дал. Но это даже неважно. Может, дал, а может, не дал, установить уже невозможно. Потому что все насквозь идеологизировано. Никаким цифрам, никаким данным нельзя верить. Поэтому, предположим, дал. Но он что по сути сделал? Он расковал скованного зверя капитализма и решил на нем побыстрее ехать. А зверь – он на то и зверь, чтобы сбрасывать издержки на все другое. Страна задохнулась в этих метаболизмах, она не умела в них жить, не могла их освоить, и кончилось тем, чем кончилось.

Чтобы я считал, что это хорошо кончилось – так нет. И вот уже 16 лет я днем с огнем ищу в этой самой постсоветской России мужика под столыпинские деяния. Пусть будет злой, эгоистичный, замкнутый на свой интерес. Пусть вокруг что-то погибнет – лишь бы он выбрался. Выбрался и дал какой-то социально значимый результат.

Я 16 лет в этой деревне живу по месяцу. Я ответственно заявляю, что на ближайшие несколько десятков деревень нет такого столыпинского мужика. Нет и в помине. Все, кто подавали какие-то надежды, либо спились, либо сбежали. Я их знаю по именам. А если бы кто-то и был – то справа ментовка, а слева банда расправились бы с этим безоговорочно. А для того, чтобы это дало отпор, нужен другой закон об оружии. И другая внутренняя нетравоядная психика. Это уже не Столыпин, это «Оклахома как она есть».

А это, между прочим, уже совсем не Россия. Я почему с такой ненавистью цитировал уже несколько раз Смелякова:

*Не упрекай сибиряка,
Что держит он в кармане нож.
Ведь он на русского похож,
Как барс похож на барсука.*

Я видел и вижу в этом подкоп под русское единство и заход в сторону сибирского сепаратизма. Я особо ненавидел эти строки, поскольку они звучали с трибуны Съезда народных депутатов СССР и имели явно

сепаратистско-подрывной характер. Но, помимо этого, я знаю жестокую правду таких строк.

Да, действительно в этой самой Сибири не было крепостного права. И большевики все под свою руку брали не так сильно. И природа другая. Так вы этого «барса» в натуре видели, который на барсука не похож? Я на него насмотрелся «по самые-самые», как говорили бабоньки у Васильева в «А зори здесь тихие». Я из сибирских геологических и геофизических экспедиций не вылезал. Не поволокут эти «барсы» на себе государство. Не та это энергия, не та прыть, а совсем другая. А то, что здесь волокло на себе государство, было лишено барсового норова. Другим было начинено – ну, кому нравится, кому нет, – но другим. И либо это другое заработает, либо не заработает ничто и никогда.

И что уж говорить-то, 70 лет это действительно выкорчевывали! А когда перестали на словах выкорчевывать, то стали выкорчевывать еще круче, но другими, совсем уж гадкими и подлыми методами.

И теперь последний мужик, спившийся совсем донельзя, и тот понимает: либо какая-то странная сила все это построит строем, воодушевит непонятно как, и тогда, может быть, зазеленеют поля и отступит бурьян, либо все это умрет. Окончательно и бесповоротно.

Этот эксперимент завершен. Черта подведена. Что произойдет дальше, не знаю. Может быть, какая-нибудь еще большая гадость. Но с этим покончено.

Мне очень жаль, что ни одну дрянь из тех, что выли, что «надо только разогнать колхозы, и мы захлебнемся от сельскохозяйственного изобилия а-ля Столыпин», – ни одну эту психопатическую личность либерального или почвенного розлива нельзя привлечь к ответственности, хотя бы моральной. В сущности, я и хотел бы ответственности моральной. Но ее-то и быть не может, потому что морали нет, а ответственности – тем более.

Но уже и не это главное. Главное, что как-то, каким-то образом, у каждого произойдет его встреча с реальностью. Мне в этой встрече помогает нора. Кому-то поможет что-то другое. Но эта встреча с реальностью произойдет. И как только она произойдет – весь морок схлынет одномоментно.

Так закипает вода. И так внезапно рушится лед, которым скована река, просыпающаяся после зимней спячки. Никто не знает, как складываются и накапливаются подспудные напряжения. И вода отрицает пар, и ее так много... И так мало нагревающего воду огня... И такой мощностью обладает сковывающий реку лед... Но ко всему прикасается ре-

альность. И если есть что-то живое, то оно внутри просыпается. И начинает служить реальности. И приводит данность в соответствие с нею.

Так происходит в естественном мире с его естественными законами. Имеем ли мы право распространять это на мир собственно человеческий?

Соросу очень хочется выглядеть учеником Поппера. Он и свой фонд «Открытое общество» создал, чтобы как бы служить идеям Поппера. Он только в одно не верит – ну, просто не может верить, как финансист. Он не верит в объективность того, что разворачивается в собственно человеческом мире. Объект не знает, что субъект проводит над ним эксперимент. А субъект знает, что другой субъект его почему-то считает объектом и гоношит какую-то ахинею.

Единственное возражение против Маркса как раз и состоит в том, что, как только капиталисты прочитали «Капитал», «Капитал» перестал быть объективной истиной, а стал предметом рефлексии. Сорос знает финансовые рынки и знает, что эти рынки влияют на экономику. А также он знает, что эти рынки рефлексивные, то есть на них, по определению, не может быть всеобщих «объективных» закономерностей. Поэтому Сорос хочет «дополнить» своего учителя Поппера рефлексивностью – и просто убивает его! Где есть рефлексивность – там не может быть Поппера, и наоборот.

Мы живем в рефлексивной, то есть во многом виртуальной, среде. Пробриться от нее к реальности человеку труднее, чем кому бы то ни было. А человеку XXI века – с телевидением, Интернетом и прочим... Такому человеку можно и никогда не выпутаться из контрреальных пут. Так ли?

IV. Российская пиар-технология и все та же, знаете ли, нора

Нора хороша еще и тем, что виртуальность из нее выглядит весьма специфически. Опять же, не хочу утверждать, что сканирование усеченной виртуальности из подобной, весьма убогой, норы абсолютно репрезентативно. Но что-то в этой усеченности есть.

Прежде всего, из норы нельзя смотреть CNN. Из норы можно смотреть ОПТ и отчасти РТР. НТВ уже с трудом. Точка.ру.

От этого аналитическая чувствительность обостряется. Контекст, фактура, рефлексия. Фактура глазами того, кто смотрит главные государственные каналы, выглядит так.

Август месяц. Некий больной мальчик Дима из провинции приезжает в Москву и ухитряется попасть в детскую гематологическую клинику. В этом центре мальчика с трудом спасают. Но мальчик, приехавший из провинции, помимо лечения, имел еще одну экзотическую мечту. Он хотел поесть блины с президентом России Путиным. И даже написал президенту домой или на работу письмо. Письмо попало к президенту. Президент прочитал письмо, испек блины и приехал к Диме есть блины. Начальство гематологической клиники об этом не знало. Зато это как-то тайно узнало вездесущее телевидение. Президент привез с собой, помимо блинов, подарки Диме. А телевидение – что уж с ним поделаешь – за это за все схватилось и начало непрерывно показывать.

Затем телевидение показало, как президент дает инструкции по развитию детской гематологии (у нас это называется «первое разветвление пиар-схемы»).

Затем телевидение показало, как от гематологии забота президента переходит на медицину вообще, науку, социальную сферу (это называется «второе разветвление пиар-схемы»; дальнейшие разветвления фиксировать не буду).

Затем телевидение вернулось к Диме, который стал героем больницы. Это называется «пиар-возврат».

Затем надо переходить на новый сюжет. Этим сюжетом оказался полет президента в самолете Ту-160. Для справки: Ту-160 – это тяжелый ракетный бомбардировщик, способный нести на себе десятки ядерных ракет по 100 килотонн. Для справки: на Хиросиму и Нагасаки сбросили 40 килотонн. То есть бомбардировщик Ту-160, если он как следует начинен, несет на себе одном... ну, в общем, полномасштабную глобальную катастрофу.

Президент сначала летит на этой крылатой крепости. Причем в кабине пилота. Он следит за ракетами, сознательно движется на крылатой крепости в рабочем режиме, то есть на двух скоростях звука. Перед телекамерой фиксируют его медицинские показатели. При измерении давления ему говорят, что оно как у космонавта. Президент шутит: «В космос мы в этот раз не полетим!»

Следующая фаза – президент прилетает. Его опять интервьюируют, и он говорит, что так, видимо, летают во сне.

Следующая фаза – президент на корабле в морской форме. Форма ему очень идет. Корабли выполняют боевые задания, в том числе испы-

тывают тяжелые баллистические ракеты (которые правильно попадают на Камчатский полигон с Северного моря).

Следующая фаза – президент уезжает на отдых в Бочаров ручей. Но ему скучно без летчиков. И летчики с Ту-160, на котором летел президент, приезжают в Бочаров ручей. 40 минут президент разговаривает с ними под телекамеру. Потом говорит, что летчики устали от телеобъективов и ему надо остаться с ними наедине. Но под занавес президент говорит, что хотел бы встретиться и с моряками, но они в море, исполняют служебный долг. Можно встретиться и потом.

Злопыхатели начинают говорить по поводу полета: «А где же был ядерный чемоданчик?» Президент парирует: «На борту есть все необходимое». Меньше всего я хочу присоединяться к злопыхателям. И рассуждать о секретах, в которых являюсь специалистом. Я просто в общем-то считаю, что у каждой профессии своя карма. У летчиков одна, у президента другая. Кесарю кесарево... и так далее.

Президент – Верховный главнокомандующий ядерной страны. И это его карма. У него может быть яхта, самолет, вилла. Но яхта не яхта, самолет не самолет, вилла не вилла, автомобиль не автомобиль. Все на самом деле – спецобъекты высшей категории, инструменты потенциального управления театром военных действий в ядерной войне. А все вместе – инфраструктура этого управления ядерной войной. И этой совокупной инфраструктурой может обладать один человек в стране – Верховный главнокомандующий, он же президент. Скопировать эту инфраструктуру невозможно, слишком дорого и неправильно. Она на то и такая структура, чтобы быть уникальной, иначе секретность пропадает.

Президент – живой человек, и ему тесно в этой инфраструктуре. Но в том-то и его карма, чтобы жить в ней. Власть – это всегда сладкогорькая штука. Сразу же вспоминается классика неореализма – «Римские каникулы». Вернулась все-таки высокопоставленная беглянка, вырвавшаяся из своей постылой инфраструктуры. Но эта беглянка – не Верховный главнокомандующий ядерной триады и всего остального на седьмой части Земного шара.

И это еще не все. Президент – очень здоровый человек, и по нему это видно. Но он человек. Если у меня лопнет сосудик или сменятся биоритмы – это дело моих близких и, в крайнем случае, моего коллектива, но не страны. А если это произойдет у президента, то это ЧП в общенациональном масштабе. Две скорости звука, вообще военный полет – это стресс. То есть это риск биологических неприятностей даже у самого здорового человека. Когда рискует летчик – это понятно. Когда Верховный главнокомандующий – то это вопрос.

На маневрах отрабатывалась ядерная война. Ядерная война – это штука серьезная. Принятие решения, способ обсуждения решения, состояние лица, принимающего решение, – все это требует идеальной психобиологической формы, оптимальной, то есть президентской, инфраструктуры. Во встречном ударе решающим является фактор времени. Поздно отвечать и наносить удар после того, как ракеты противника начали подлетать к твоим объектам. Бить лучше на взлете, реагируя на соответствующие аномалии физических полей, порождаемые взлетом тяжелых ядерных ракет. Или, по крайней мере, во второй фазе полета. Но в любом случае как можно раньше. Условия, созданные для одного лица в стране – Верховного главнокомандующего – и позволяющие ему и только ему оптимально принимать решения, и условия, созданные для летчика в кабине тяжелого ракетно-ядерного бомбардировщика, не могут быть идентичными.

Не говоря уже о том, что тяжелый ракетно-ядерный бомбардировщик – это тоже не игрушка. Сколько бы там ни было мест в кабинах, но они нужны для специалистов или для резерва. Заняв чье-то место, президент повысил риск, в том числе для себя. А у него работа скучная и выматывающая – она подобных рисков не предполагает. Она потому и выматывающая, что нет места для таких адреналиновых ситуаций, которые мужественный, здоровый, нестарый человек всегда ищет. А в случае президентской профессии должен обходиться без них. Это и называется «положение обязывает».

Мне, предположим, хочется прыгнуть с парашютом, и президенту хочется. Но я могу, а президент сможет, только когда истечет его срок и будет другой президент.

В чем я не прав? Что в моей логике противоречит реальности?

Я сам отвечаю, что противоречит. Что и у президента есть особые ситуации, в которых он как бы не имеет права все это делать, но и как бы должен, с другой стороны. Называется эта ситуация – выборы. И в этой ситуации можно встать в ханжескую позицию и заорать: «Все равно не имеет права!» А можно признать, что у жизни свои права. И с этой поправкой... да перекрестившись... да плюнув через плечо... и так далее.

Но где у нас выборы? Они за очень далеким горизонтом, если мне не изменяет память. Или я ошибаюсь?

Кроме того, с точки зрения пиара все описанные мною ситуации – это спринт. Они имеют нужный эффект на интервале двух, максимум трех месяцев.

Кроме того, август – совсем не лучший месяц. Это то, что называется «мертвый сезон». Если цель лежит за горизонтом ноября, то начинать

надо в сентябре. Это всегда удобнее. И так далее. Значит, цель лежит где-то ближе, между сентябрем и октябрём. Но что это за цель? Я лично ее не вижу.

Если нет электоральной цели – есть цель кризисная. Нужно набрать потенциал перед каким-то возможным политическим кризисом.

Во-первых, для этого нужно знать, что потенциала недостаточно.

Во-вторых, нужно знать, что кризис может быть масштабным, потребует поднятия электорально-рейтинговых возможностей в общенациональном масштабе. Этого, а не опоры на какие-то слои, чья поддержка в случае кризиса является особо желательной.

В любом случае, летний просмотр эфира, его особо важных виртуальных пассажей как-то тревожно вклинивается в ту реальность, о которой я говорил.

Даже пиар – и тот в августовский отпускной месяц начинен не благостью, а тревогой. Предошущением большого кризиса. Чем-то скверным, трудноуловимым. Но вовсе не безопасным. Такова, по крайней мере, моя оценка.

Оценку эту я не абсолютизирую. Считаю ее сугубо специфическим аналитическим продуктом. Иначе – извлечением из норы. Но, кто знает, может быть, в этой оценке все же что-то уловлено. Причем такое, что не улавливается другим способом. Тем более, что я этой оценкой (слишком общей и совсем не количественной) ограничиваться отнюдь не намерен. Как не намерен и постоянно отлеживаться в норе. Мне просто, увы, никто не даст это делать.

V. Нора и светская жизнь

Из норы я попал сразу – день в день – на клуб «Валдай». Очень милая и действительно широкодиапазонная компания плыла по Волге три дня. От Москвы до Твери и обратно. И три дня разговаривала о политике. После чего иностранная часть данной компании встретила с президентом. Об этом так много написано, что дополнять это своими собственно политическими впечатлениями я не считаю нужным. Но кое-какие впечатления считаю существенными, поскольку я не с корабля попал на бал как некий герой, а из норы на корабль. И, может быть, мой ракурс окажется не бессмысленным.

Прежде всего, это касается всего проводимого обсуждения. Я не считаю это обсуждение ни пошлым, ни чрезмерно зарегулированным, ни злокозненно-антипатриотическим. Оно, напротив, было уважаемым, корректным и в чем-то, безусловно, содержательным. Именно это и выявило слабые места всех подобных обсуждений. Я ведь их тоже веду и поэтому ничем здесь не хочу противопоставлять себя имеющемуся.

Был такой исследователь Ноам Хомски. Исследователь, прямо скажем, весьма уважаемый. И он утверждал, что в нашем мозгу есть определенные матрицы. И без этих матриц мы не в состоянии улавливать никакой информации. Мы будем видеть нечто, оно будет попадать на наши рецепторы. Но мы будем это отбрасывать, ибо это не отвечает матрицам.

Что такое матрица, в которой уважаемая российская публика вместе с публикой иностранной обсуждает все перипетии российской политики, российской социальной, экономической, политической жизни? Это стоит обсудить отдельно.

Не будет и не может быть никакой аналитики, не только экзистенциальной, метафизической, но и кондово-прикладной, если не получит ответа один-единственный, самый большой вопрос: «Что такое сегодняшняя Россия?» Нельзя на такой вопрос отвечать, сохраняя идеологическую обусловленность. Тут «или – или». Или примат идеологии над анализом, или наоборот.

К сожалению, никто не хочет и не может скинуть с себя шоры идеологической заданности. Никто в России и никто за рубежом. Я имею в виду нечто авторитетное и уважаемое. Подобное нежелание всегда ощущалось мною как нечто порождающее почти все наши конфликты, беды и «многозначности». Но иногда подобное ощущение бывает очень острым. А иногда притупляется. Все вокруг волокут на себе эти шоры, а я что, рыжий? И потом – может, это и не шоры вовсе, а весьма уважаемые очки.

Когда прямо из норы попадаешь в подобную светскую всезашоренность, то острота, с которой эта всезашоренность воспринимается, скачкообразно возрастает. При этом совершенно не возникает желания браниться на окружающих. Основные претензии возникают к самому себе. Если тебя так зашкаливает, то стоит ли бесконечно длить профессиональное приключение?

И чего, собственно, ты хочешь от окружающих? Между прочим, как минимум, далеко не глупых людей. Чтобы они отказались от своего

ответа на этот самый вопрос о том, что такое Россия сегодня, и начали покорно тиражировать твой ответ?

Отнюдь. Чего уж я там хочу по большому счету – пусть это остается запрятанным в норе, из которой я оказался вынужден выбраться. Но уж то, что я не хочу ничего подобного, что никаких своих ответов никому не хочу навязывать, это точно. Может, и хотел когда-то, но давно это было. Тогда чего я хочу?

Как минимум, я хочу, чтобы люди признали саму возможность разных ответов на данный вопрос. При том, что ответы могут быть не чуть-чуть разные, действительно разные. Качественно разные, фундаментально разные. И еще я хочу, чтобы, увидев перед собой саму возможность столь разных ответов, эти люди... ну, хоть чуть-чуть преодолели рамки своей, никуда уже не ведущей, идеологической заданности.

Так что же это за множественные ответы?

Ответ №1. Современная Россия – это страна, сумевшая болезненным образом перейти из системной (экономической, политической, социальной, культурной) патологии, имя которой «советский режим», в некое несовершенное, но нормальное состояние.

Ответили подобным образом на вопрос – самим ответом породили определенную повестку дня.

1.1. Как превратить это несовершенное и несвободное от примесей патологии состояние в более совершенное и нормальное? Иначе – как продвинуться вперед на пути рыночных и демократических преобразований общества?

1.2. Как не допустить возврата к предыдущей патологии – иначе говоря, коммунистического реванша?

1.3. Как не допустить патологий других, сходных или сильно отличающихся? Националистических, исламистско-халифатистских или еще каких бы то ни было.

Все это и есть повестка дня российского и международного respectable сообщества. Я совершенно не собираюсь мешать обсуждению этой повестки дня, тем более что я и не могу помешать. Я только обязан зафиксировать, что эта повестка имеет смысл только в рамках ответа №1. Только в рамках определенной матрицы, определенного дискурса, определенной парадигмальной заданности.

Но могут ли быть другие ответы? Конечно, могут. И я просто обязан их привести. Пусть не все, но хотя бы пару наиболее контрастных и релевантных.

Ответ №2. Современная Россия – это страна, в которой освобождение от патологии – это миф, рекламный политический ролик. То есть видимость. А сущность – в углублении патологии. В ее переходе в новое качество. При том, что это качество задано предыдущим. И освобождено от его отдельных непатологических элементов. Если это так, то нужна совсем другая повестка дня. «Am I true?»

Ответ №3. Была некая советская цивилизация, несовершенная, ущербная, как хотите. Она, не обладая пластичностью по отношению к новым вызовам, накопила противоречия. Помогли ли ей в этом или нет – даже не это важно. Она их накопила и взорвалась, как Чернобыль. И образовалась некая зона. На месте Чернобыля сейчас подобная зона. В ней растут растения, кипит какая-то особая жизнь. Есть рост – при желании его можно считать экономическим или социально-экономическим. Семи-, восьми- или двенадцатипроцентным. Тут главное поменьше спрашивать: «Рост чего?»

При желании возможна корреляция параметров зоны с параметрами чего-то нормального. На кого похож этот клыкастый свинокот? Он всегда на кого-то больше похож, даже если он мало похож на кого бы то ни было. Всегда есть ближайшая точка между двумя множествами. И эту точку можно принять за точку уподобления. И тогда такой-то «новый русский» – это капиталист, а такой-то «новый русский» – это политик.

На самом деле уподобление ложное. И танцевать надо не от нормы, а от зоны. Как мы пели-то в застойные годы? «А кроме зоны отдыха, есть зона просто так». На руинах зоны делают бизнес. На руинах этих устраиваются с разной, иногда весьма высокой, степенью удобства. Для кого-то это очень сладко, для кого-то не очень. В пределах зоны можно очень красиво жить. Красивее, чем за ее пределами. Продукты зоны пользуются спросом. Тут надо просто не забывать, что все-таки это зона. Зона находится в динамике. Симпатичные и хорошо востребованные руины продолжают осыпаться и рушиться. Кому-то это нравится, кому-то нет. При очередном обрушении кого-то придавило, а кто-то выбрался на поверхность.

Хозяева руин могут быть суперуспешны! Супер-супер! Надо только не забывать, что речь идет о специфическом, руинном успехе. Идет острейшая конкуренция за то, кто будет этими руинами управлять. Кто и как. Будут они управляться на основе свободы средств массовой информации или при удушении оной? Понятно, что в условиях свободы будут управлять одни, а при нарушении этих условий – другие. Надо только не забывать, что средства массовой информации носят руинный характер. А

управление руинами – специфическое занятие. И смысл этого занятия коренным образом отличается от смысла управления необрушившимися зданиями.

Кто будет торговать у главного руинного прилавка? Кому достанутся самые симпатичные обломки? Для спорящих за это обладание предмет спора представляется крайне важным. Но не надо этот спор выдавать за... ну, скажем, за нормальную жизнь.

И надо сделать выбор. Надо либо что-то восстанавливать, превращая руины в новые здания, либо продолжать руины утилизировать. Но с открытыми глазами и разделяя ответственность за последствия.

Потому что зона, о которой я говорю, – это очень крутая зона. Она живет, дышит, чавкает, шипит, поглощает в себя очень и очень многое. Она может превратиться в воронку, которая все в себя засосет. И она превращается в эту воронку. Тут и метафора взрыва не все объясняет, отнюдь не все. Ну, взорвался какой-нибудь Санторин. Сергей Чернышев очень любит эту метафору. Так он взорвался и все. А оставшиеся критоминойцы оплакивают погибшее.

А тут не взрыв – тут непрерывный рост какой-то зонной динамики. Глубоко нелинейный процесс, положительная обратная связь... И так далее. И как прикажете это описывать?

Что такое обычное описание? У вас есть 10 переменных, вам известно, что это за переменные. И вам нужно только расставить коэффициенты. А если из 10 переменных 8 новых и непонятно каких – что тогда?

Пока я все это для себя внутренне прорабатывал, аналитический корабль приехал в Тверь. Мы вышли на берег. Вокруг было черным-черно от милиции. В очередной раз я вспомнил (видимо, под влиянием все того же синдрома норы), что во время Олимпиады 1980 года все было под еще более сильным контролем. Что, в принципе, правильно. Но контролирующий контингент был в рубашках, и его никто не видел. То же самое происходит в Пекине в настоящее время. И совсем другое происходит в Египте, где вот так все черным-черно от полиции.

Пока я это сопоставлял, пассажиров просвещали по полной программе. Весьма современный и абсолютно новорусский высокий новый чиновник, более подходящий для Давоса, чем для Твери, приветствовал собравшихся, рассуждая о соединении патриотизма и дружбы с Западом. Вокруг стояли участники приветственного шоу, одетые «а-ля рюс» (кокошники, кафтаны и прочее). В промежутках между речевыми пассажами пелись приветствия «а-ля рюс», что-нибудь типа: «Ой, ёй, ми-

лай мой, мериканец дорогой! Ой, ёй, гой еси! Ты приехал – так вкуси!» (за точность текста не отвечаю).

Дальше – снова о соединении бизнеса и патриотизма, открытости и государственности.

Дальше – снова «ой, ёй!».

Если кто-то скажет, что я нагнетаю или злопыхательствую, – это не так, честное слово! Я если тут и свожу счеты, то с собой и своей норой. Ну, да ладно. Что потом?

Потом нам предложили выбирать между музеем и вагоноремонтным заводом. Кто-то выбрал вагоноремонтный завод, я – музей. Экскурсоводшей нашей была абсолютно русская остроносая девица лет 25 – 28. Так мне, по крайней мере, показалось. Девица была вполне культурная и натасканная, с приличным запасом слов и знаний в том, что касается краеведения. На хорошем языке и с приведением такого набора фактов, который требовал определенного профессионализма, она стала темпераментно рассказывать собравшимся о героизме немецких войск в годы Второй мировой войны, о том, как эти героические, высокопрофессиональные войска подо Ржевом сломали миф о талантах Жукова и военных способностях русских... О том, как немецкие рыцари, державшие эти рубежи, немерено истребляли русских беспомощных лохов в серых шинелях, руководимых преступными советскими генералами.

Девица была местная. И абсолютно русская. Она очень гордилась тем, что она тверская! И именно тверская, а не московская! Она длинно и убедительно доказывала, что Тверь важнее Москвы, а Москва – преступный город. И что преступления эти со времен Юрия Долгорукого проводят кровавую черту между тверянами и москвичами. Что Тверь – это Запад и либерализм, а Москва – это Азия и диктатура.

Но вновь и вновь она возвращалась к героической немецкой теме. Тема получала все новые повороты. Героические немцы вернулись в Тверь с инвестициями. Но они захотели поставить мемориал своим соотечественникам, погибшим здесь в ходе Второй мировой войны. А косное тверское начальство (конечно, не это, а предшествующее) отказывало им под давлением ветеранов. Но тогда они пригрозили забрать назад инвестиции, и косное начальство все-таки согласилось.

Девица аж заходила от всего этого. При этом она совсем уж нелогично жаловалась на то, что Твери, Ржеву, ее родным антимосковским западно-демократическим пенатам, не дают азиатские гады звание Городов солдатской славы, и уж тем более Городов-героев.

«Чьей боевой славы? – с затаенным бешенством спросил один из присутствующих. – Немецкой, что ли?»

Девица на секунду приутихла и тут же затарахтела снова: «Немецкие воины сражались у Ржева так, что их оттуда так и не могли выбить советские войска».

«Они что тут, до сих пор живут?» – спросил один из присутствующих.

«Может, ты их дочка?» – спросил я, уже теряя самоконтроль.

Экскурсоводша даже не поняла юмора или не захотела понять. И, посетовав, что она, конечно же, не их дочка, увы, начала рассказывать о том, что немецкие войска не были выбиты из Ржева, а ушли отсюда в одну ночь в полном боевом порядке, выравнивая линию фронта. Все в соответствии с классическими сводками доктора Геббельса.

Уловив что-то не то в моем взгляде, экскурсоводша спросила: «Ну что, что вы на меня так смотрите? Я что-то не так сказала?»

Я ответил: «Просто интересно, как вы живете».

Она ответила с вызовом: «Да вот, видите ли, живем».

«Ты не живешь, а доживаешь, у тебя "период доживания" рано начался, по тебе черви ползают!» – сказала с зашкаливающим бешенством одна из моих близких знакомых.

Видимо, образ достиг подсознания.

«Ой, ой, что это вы такое говорите!» – закричала барышня и начала отряхиваться. Обращаясь ко мне и всхлипывая, она стала рассказывать о том, что, когда в музее она рассказывает старшеклассникам о подвиге Александра Матросова, те ржут в голос. И говорят: «С перепоя устроил парень такую дурь». А первоклашки все-таки еще плачут. Но потом взрослеют – и все то же самое.

Потом в ужасе стала шептать, что нацисты (наши, местные, тверские мальчишки) приходят в музей в фашистской форме и орут: «Зиг хайль!» Конечно, можно было бы пожаловаться. Но ведь и гранату в окно могут кинуть. Они же такие... Что делать?

Я говорю: «Что делать? Не воспевать силу немцев и слабость наших. Или пенять на себя. Мальчишки всегда тянутся к силе. Они всегда к ней тянутся. А когда такое унижение, такая слабость разлиты вокруг, то в особенности. Так что вы же и виноваты! Вы, местная тверская интеллигенция, так сказать, провоцируете мальчишек на нацизм, а потом жалуетесь».

«Ой, ой, что вы такое говорите!» – заахала экскурсоводша.

После этого она бойко перешла на другую тему и стала рассказывать, что по проституции Тверь ставила рекорды в XIX веке и тем самым подтверждала свою причастность к западной культуре и цивилизации. Время от времени экскурсоводша испуганно оглядывалась на меня, мою знакомую и кое-кого еще. Но потом она успокоилась. К моменту приезда на место обеда она на повышенных тонах беседовала с шофером, рассказывала ему, какие у нее красивые ноги, и как ей начальство запрещает носить короткую юбку и требует надеть брюки, и какое это страшное ретроградство.

Место обеда, куда мы приехали в сопровождении многочисленного ГАИ, было тоже выбрано с идеологических позиций. Высоким гостям показали торжество открытости – итальянского повара, который, сбежав от итальянской мафии, осел около Твери и открыл итальянскую сыроварню. Было грязно и неаппетитно, столы были почти как на БАМе в 1978 году, а пища хуже, чем на БАМе. Итальянец стоял с каменным лицом, вокруг бегали телеоператоры. Посетители шептались между собой: «Если он так кормит, то понятно, что ему пришлось убежать от мафии!»

Но девица говорила об успехах... Потом переходила на злодеяния советской власти, которая тут рядом расстреляла поляков и кулаков. А кулаков аж облила серной кислотой, чтобы не было возможности провести генетическую экспертизу.

«Ее что, не по костям, а по мясу проводят, что ли? Кто про нее знал в 40-м году, про эту генетическую?»

Девица сочла вопросы недопустимыми и фыркнула, отвернувшись. Высокие гости давились, но поглощали несъедобные достижения открытости постсоветского общества. Признавая фантастичность всех достижений, они судорожно глотали «Мезим».

Но вот все кончилось, и мы поехали дальше. Путь наш лежал в город Торжок. И тут мне стало совсем не по себе. Наверное, все дело в том же синдроме вылезания из норы. И мне вдруг вспомнилась по ранним детским впечатлениям приезжавшая к моей относительно молодой бабушке совсем древняя старушка. Ее, кажется, звали Мария Александровна. Она была коротко стрижена и постоянно курила сигарету в мундштуке. Это называлось «приезжает Марья Александровна из Торжка».

Марья Александровна была, кажется, анархисткой, может быть, крайней эсеркой. На заре событий 1905 года она кинула бомбу в губернатора... скорее, все-таки смоленского, чем тверского... точно, увы, не помню. Ей грозила каторга. Моя уже замужня и потому не столь вели-

косветская прабабушка попросила карету у совсем великосветской по причине незамужества сестры и в этой карете приехала к губернатору. Губернатор выскочил, поцеловал ручку, спросил, в чем дело. Его попросили выпустить Марию Александровну, объяснив, что она, так сказать, компаньонка. Губернатор очень помрачнел, но сказал сквозь зубы: «Увозите в 24 часа в Швейцарию или куда хотите». Марию Александровну вывезли в Швейцарию.

Это было начало событий. Через несколько месяцев уже не оглядывались на то, какого качества карета у приехавшей с просьбами госпожи. Через несколько месяцев уже расстреливали и вешали.

В Швейцарии Марья Александровна, перед этим заядлая патриотка Запада, стала крайней русофилкой. А когда начали преследовать священников в послереволюционный период, то она из заядлой атеистки превратилась в верующую и стала ходить в церковь, не выпуская из зубов мундштук сигареты.

Воспоминания потянулись одно за другим. Вспомнились все сразу. Дед, сгинувший в 1937 году то ли за то, что был сыном предводителя дворянства, то ли за то, что солдаты выбрали красным командиром в 1917-м. Дальние родственники, говорившие, что великие князья и белые генералы так запродали Россию, что даже Ленин с Троцким – большие патриоты. Отец, который воевал под этим самым Ржевом в пехоте. Начал воевать до 1941-го, в Финскую, кончил под Кенигсбергом и никогда не любил говорить о войне.

Вспомнилось, что кровь не высыхает. Вся кровь. И если есть какое-то оправдание, то оно в том, что сделано. Да, зашли в дом, да, перестреляли хозяев. Но ведь чем-то потом занялись, а не просто предались грабежу и сексуальным утехам. Чем-то занялись и что-то создали. Войну выиграли, космос там и все прочее. И кровь как-то поусохла. А теперь? Нечто было сделано, и это сделанное теперь должна растаптывать кокетливая остроносая девка. С кровью что происходит при этом? Вот метафизическая проблема власти в постсоветской России. Вот она, проблема соотношения власти и смысла.

Или кто-то думает, что это умничанье? Что к конкретной власти эта проблема отношения не имеет? Еще как имеет! Сколько ни пиарь стабильность, сколько ни демонстрируй открытость, а метафизическая тревога разлита в воздухе. Сколько ни давай инструкций, что может понравиться западникам, а когда такая девка несет свою ахиною, западники удовлетворенно ставят очень, очень нехороший диагноз. Совсем-совсем нехороший. Они же не дураки. Они же знают, что если их экс-

курсовод будет так рассказывать про войну с Роммелем или про Перл-Харбор (а тут можно такого порассказать!), то государства развалятся.

И на открытость они смотрят специфически. Фыркая и принимая «Мезим». При этом похлопывая иронически по плечу. Толку ли!

В Торжке не было достижений открытости. Не было даже итальянской сыроварни. В Торжке была умирающая русская прелесть и очень много совсем плохо одетой милиции. Один из милиционеров, одетый в китель на голое тело, держался одной рукой за кобуру, а другой остервенело чесал промежность и тупо глядел на высоких гостей. Другие просто спали на ходу и ждали, когда вся эта бодряга кончится.

Гости должны были увидеть главное достижение: некогда бывшая церковь, превращенная Советами в тюрьму, теперь опять превращена в церковь. На покраску и штукатурку церкви денег не было. В церквях-тюрьмах стояли гости и жители прелестного города. Что-то там такое происходило...

Я попытался вообразить себе во всем этом происходящем Марию Александровну, но не смог.

Сирены снова завывали, и мы поволоклись назад из Торжка в Тверь.

Там был прием. На приеме выступал губернатор Зеленин. Он снова говорил о патриотизме и открытости. Перед этим о том же говорил его вице-губернатор, видимо, товарищ по предыдущей бизнес-команде. Речь была длинной. Я постоянно ловил себя на том, что она вполне могла быть произнесена в 1978 году. Зеленин держался интеллигентно и скромно, но с достоинством. Он перечислял достижения, говорил о том, как бизнесмены, пришедшие в политику, оживили Тверь. Какая теперь во всем открылась динамика. В отличие от 1978 года, недостатки не упоминались вообще.

Зато активно упоминался стержень, стратегия в развитии Твери, ноу-хау новой команды нового губернатора. Стержень был в создании во-круг Твери свободной экономической зоны, зоны рекреации и туризма. Все силы молодая команда бросала именно на это. Она разрабатывала бизнес-планы, применяла современные методы проектирования, вводила новые формы контроля за инвестициями. В результате возникла фантастическая динамика.

Гости слушали и балдели. Но тут Зеленин сказал, что переход от выборов губернаторов к назначению губернаторов знаменует собой новую фазу открытости и политической демократии. Гости немножко начали нервничать. Но тут речь кончилась. На сцене появились артисты – почему-то в основном армянской национальности. Они скверно пели, но

танцевали еще хуже. Гости ели фаршированную рыбу, закуски, мясо, выпивали и разговаривали.

Все хорошее, как и все плохое, увы, имеет конец. И нас повезли из ресторана снова на пароход. Было темно. На причале (ядре инфраструктуры рекреационной системы) не работал ни один из фонарей, оставшихся дерзким инвесторам и обновителям от проклятого советского наследия. Ступеньки, по которым гостям нужно было спускаться перед тем, как сесть на корабль, были разрушены вдрабадан и вообще не освещены. Гости падали, рисковали сломать ноги.

Но матрица на то и матрица, чтобы видеть все под идеологическим углом зрения. Гости материли ступеньки на разных языках мира и прославляли современных бизнесменов, дерзко делающих ставку на могучую рекреационную обновительную стратегию. Лидеру этой новой тверской стратегии для того, чтобы поправить ступеньки и включить фонари в ядре своей «рекреационной инфраструктуры», нужно было затратить чуть более одной тысячной процента своего личного состояния.

Но ему эта рекреационная лабуда была не нужна даже в качестве рекламного ролика. У него не было желания даже потемкинскую деревянную соорудить. Это был даже не практикабль (перевязь Портога из «Трех мушкетеров» Дюма, шитая золотом только с одной, видимой стороны). Это был именно симулякр – воинственное пренебрежение реальностью даже на уровне имитации.

Носителю данной стратегии ее соотношение с реальностью было до... словом, именно до того самого женского органа, о свободном отношении к которому тверских прозападных женщин в XIX веке так яростно повествовала экскурсоводша.

Прибыв после рекреационного раута на корабль и не сломав себе ног о поломанные ступеньки, гости продолжили дискуссию о судьбах новой России. Вот так – а вы говорите «матрица», «парадигма», «варианты ответа», какой-то там Ноам Хомски и прочее. Когда люди знают, что они хотят увидеть, они видят это во всем. И даже если возникают вопиющие разрывы, сознание их не улавливает. И даже если речь идет совершенно о другом, о чем-то, не имеющем никакого отношения к происходящему, это другое и будет выдаваться за содержание происходящего. И так будет до тех пор, пока реальность не отомстит. Когда-нибудь она обязательно отомстит. Ей отмщение, она воздаст. Но, к сожалению, совсем не тому, кто заслуживает подобного отмщения.

Прошу прощения за норный мой пессимизм.

Не отвлекаясь ни на какого Хомски, гости обсуждали функциональные коэффициенты в отсутствующих переменных. Главная переменная, как всегда, экономическая. А что у нас в экономике главное? Конечно, цены на нефть. Россия – нефтеэкспортер. Цена на нефть высокая. Значит, с экономикой все будет хорошо. Значит, и с политикой все будет нормально.

Почему высокая цена на нефть хороша для экономики, даже для экономики страны, экспортирующей нефть, мне не может объяснить никто. Почему это хорошо корпорациям, экспортирующим нефть, я понимаю. Почему, если эти корпорации платят налоги, это помогает бюджету, я тоже понимаю. Но при чем тут граждане, потребители?

Граждане не только продают эти самые энергоносители. Они их еще и покупают. Напрямую – в виде носителей, необходимых для обогрева, освещения, проезда и прочего в северной, некомпактной и очень неблагоприятной стране. И это можно назвать покупкой №1. И опосредованно – в виде покупки всего, в чем есть нефть: продовольствия, одежды, техники, стройматериалов... Всего. Ибо во всем есть транспортные расходы! И во всем есть энергия. И если вы ее продаете (экспортируете), то для чего ее кто-то покупает? Для того, чтобы что-то произвести и вам вернуть. Причем с надбавкой. Как вообще экспортер сырья может выиграть у экспортера конечной продукции?

Короче, есть продажа (скажем так, продажа №1) и есть две покупки (покупка №1 и покупка №2). И есть баланс. Если продажа №1 больше, чем покупка №1 и покупка №2, то у потребителя положительное сальдо. Опять же, если продает он, а не нефтяной миллиардер. Но предположим, что это так. А если суммарная покупка, состоящая из покупки №1 и покупки №2, больше, чем суммарная продажа, она же продажа №1, то у потребителя отрицательное сальдо.

Я хочу добавить к совсем элементарным вещам нечто тоже ясное, но чуть менее элементарное. Предположим, вы производите машины на экспорт. И цена вашего продукта, скажем, 100 долларов. А чтобы вывести продукт на рынок, вам надо чуть-чуть подемпинговать, продать дешевле, чем продает этот же продукт ваш конкурент. Оставим в стороне технологические инновации и вызванную ими производительность труда. Грубо и в первом приближении ваши 100 долларов за продукт – это, например, 50 долларов за энергию и 50 долларов рабочим. 50 долларов за энергию – тут что есть, то есть. А вот рабочим можно заплатить не 50 долларов, а 40. И тогда ваш продукт будет стоить не 100 дол-

ларов, а 90. И вы его продадите. А рабочий недополучит 10 долларов, то есть 20% своей зарплаты.

Теперь представьте себе, что цены на энергию резко скакнули.

Вы должны заплатить за энергию... ну, скажем, не 50, а 200 долларов.

И продукт ваш будет стоить на рынке 250 долларов.

А чтобы продать его, вы должны снять с цены те же 10%. То есть теперь 25 долларов. Но снять вы это можете только за счет все того же снижения зарплаты. Зарплата сколько составляла? 50 долларов. А теперь она должна составить 25 долларов. То есть вы должны поднять процент эксплуатации рабочего (а иначе вы продукт просто не продадите!) с 10 до 25.

А почему от этого рабочему должно стать хорошо? Почему это будет обеспечивать социальную, а значит, и политическую стабильность? Даже при условии, что уровень жизни рабочего и его протестность связаны нормальной корреляцией (что совсем не всегда так), даже в этом случае – почему?

Короче – рост цен на нефть устраивает нефтяных магнатов, а не Марью Ивановну. Если вы вспомните, какие были цены при Клинтоне (который как представитель Демпартии отвечал за интересы машиностроительного комплекса США) и какие цены стали при Буше (который как республиканец отвечает за интересы нефтяного лобби), то многое станет понятно. И – предсказуемо. Было 8–10, стало (или станет) под 80. При определенном развороте опять станет 8–10. Или, если победят другие интересы, – 180. Но при чем тут Марья Ивановна? У нее-то все происходит с точностью до наоборот.

Возвращаясь к этому самому сальдо продаж и покупок энергии, производимых рядовыми гражданами страны...

Чем больше граждан в стране и чем больше они потребляют энергии и ее дериватов, тем хуже дело обстоит с совокупным сальдо. Для того, чтобы дело обстояло хорошо, нужна теплая маленькая страна с маленьким населением и невероятно большой, энергетически дешевой добычей. А также – без армии, которая требует немерено этой самой энергии в виде горючего для танков и самолетов. Ну, и всего остального тоже. Кувейт еще может, условно, процветать в этой ситуации. Саудовская Аравия может. Но не Россия!

Вроде бы это понятно. Но только «вроде бы». Потому что и для этого нужна матрица. А иначе информация сама по себе, а декларация сама по себе. Декларация же состоит в том, что «все в шоколаде».

Хочу, чтобы так было. Видит бог, не хочу кризиса. Ничего плохого в этой стабильности не вижу. Но где она? Откуда будет стабильность, если нет легитимности? Все-таки надо понимать, что такое легитимность! Ельцин был совсем дикий мужик. Дикая, но неглупый. Свободную прессу он ненавидел еще больше, чем все совокупное, так сказать, ЧК вместе взятое. Но он понимал, что его должны ругать. Потому что только его победа в условиях отсутствия монополии на электронные СМИ, только такая победа делает его демократически легитимным. И он понимал, что такое потерять эту легитимность. Он чувствовал на себе взгляд тех, на кого он должен был опереться после расстрела 1993 года в условиях, когда не было никакой легитимности. Он понимал, что теперь он для тех, на кого он должен опереться, просто пицца и марионетка. Он их разводил три года подряд. А в 96-м от них избавился. Он мог приказывать любому из олигархов что угодно, но он пиарил их, как господствующий класс, который поручает ему стать властью. Мне ли не знать?

То, что произошло с легитимностью через демократические институты, без комментариев. Я что, против? Мне эта легитимность как-нибудь особенно дорога? Но тогда нужна другая легитимность – «коммунизм – светлое будущее всего человечества». Надо переходить на эти рельсы и реально что-то делать. А не удобно размещаться в зоне, где нет ни демократической, ни авторитарной легитимности.

Что, заморские гости этого не понимают? Еще как понимают! Но матрица, елки, матрица!

Ноам Хомски плюс необходимость отрабатывать по полной программе некий идеологический формат, согласно которому был верный демократический курс, а теперь есть проблемы, но нужно на них тактически воздействовать. Например, интересоваться по поводу третьего срока. Et cetera.

Вот такая видится мне из норы специфическая история.

Матрица правила бал. В том числе и по отношению к Ходорковскому. Все крутилось вокруг анекдотических объяснений... Чекисты... Либералы... Заплатил он налоги, не заплатил... Политическое дело, не политическое... Вот ведь из тюрьмы пишет. То есть? То есть все с ним очевидным образом выправляется!

Человек из тюрьмы нечто пишет, избирком потрясается написанным и строго соблюдает закон, демократическая общественность двигает человека на выборы.

То, что Ходорковский пишет полосные статьи в прессе, которая чувствительна только к административному ресурсу и ни к чему больше...

То, что Вешняков может реагировать исключительно на этот административный ресурс...

То, что самые элементарные лингвистические программы указывают на одного возможного спичрайтера, создающего все эти «левые повороты». И то, что этот спичрайтер связан с одной-единственной группой Кремля, причем группой, отнюдь не чуждой пресловутой чекистской обусловленности – это... Тут опять-таки нужна матрица. Но другая.

Если бы все сводилось к тому, что весь совокупный Кремль решил выпустить на свободу господина Ходорковского... Кто-то по этому поводу ликует. Кто-то это проклинает. Я же этому умеренно обрадовался бы – и только. Когда кто-то сидит в тюрьме, а кто-то хочет его выпустить, и когда речь все-таки идет о достаточно понятных мотивах посадки... Нельзя не радоваться, когда человек покидает тюремную камеру. Просто даже как-то нехорошо не радоваться.

Но речь-то идет о другом. И тут не нужно быть семи пядей во лбу или непрерывно питаться дворцовыми тайнами. Тут нужно знать, что спичрайтер, который причастен к одной чекистской группе Кремля, вкладывает в уста Ходорковского проклятия в адрес другой, чекистской же, группы. Текст однозначно говорит о том, что проклятия адресуются, так сказать, «банде Сечина».

Это как называется? Это называется «раскол в элите». А поскольку параллельно с этим расколом мы наблюдаем непомерно длинные интервью представителей других кремлевских групп и все-таки понимаем механизмы, порождающие подобные длинноты, то речь должна идти о множественном расколе в элите. И образовании подвижных элитных конфигураций. Причем таких конфигураций, которые прицеплены к конфликтующим транснациональным терминалам.

Если бы даже жители Торжка при этом могли черпать нефть из колодцев, а цена нефти была бы 1000 долларов за баррель, если бы в Торжке была регулярная африканская жара и вместо елок росли банановые пальмы, если бы даже на этих пальмах вместо бананов висел сплошной сервелат вперемешку с компьютерами и шмотками, – все равно одного того, что я сказал, было бы достаточно для политического кризиса любого масштаба, с любыми, в том числе и катастрофическими, последствиями.

Раскол в элите, о котором с таким беспокойством говорил глава президентской администрации Д.Медведев, не только не снят, он стреми-

тельно нарастает. И этот раскол накладывается на международные распри самого разного толка. Они же – неснимаемые антагонистические противоречия.

Лето оказалось заряжено этим наверху и тем, что я описал, внизу. Там, внизу, нарастает комплексная депрессия, социально-культурная в первую очередь. Она чревата не просто политическим разочарованием, хотя и это имеет место. Главное, что такая депрессия как прорва. Заплатите деревенским бабушкам большую пенсию. Что это даст? Пенсию отберет внук и пропьет. Крохи повышения сожрут цены. А оставшиеся крохи не усилят, а подавят остаточную трудовую мотивацию. Вместо молока от своих коров – чужой помоечный импорт. И пьянка, пьянка без берегов.

И, наконец, все считают какие-то колоссальные накопления. Аж сотни миллиардов долларов! Что спорить, деньги немалые. Но никто не считает, сколько нужно затратить на восстановление совокупной индустриальной инфраструктуры огромной северной страны. Страны, в которой эту инфраструктуру дербанят вот уже 20 лет, никак системно не восстанавливая, не воспроизводя даже. Нельзя считать доходы, не считая расходы. В конце концов, это не только элементарно нечестно. Это еще и просто опасно.

К концу подходит целая эпоха ожиданий. Может быть, мне одному так кажется. Но что я могу поделать? Мне-то так кажется. Может быть, это только норные настроения. Но куда я их дену? Я же их никому не навязываю, я ими делюсь.

Я не жду ничего хорошего от осеннего марафона. Я не верю в долговременный российский застой.

Раскол элит, социокультурная депрессия, назревающий бунт машин, постепенное осознание системной тупиковости (парадигмальной, сущностной, как хотите – ну, не работает этот капитализм, и все!)... Что еще тут добавить...

Застой, о котором идет речь как о прецеденте, этот самый брежневский пресловутый застой, позволял в условиях высоких внешних цен на нефть держать низкие внутренние цены. Административная система работала. Сейчас, даже если вы отдадите куда-нибудь солярку по низкой цене, ею не будут топить. Ее продадут по высокой цене за рубеж и построят виллу во Франции или Италии. Готовьтесь к увеличению срывов нового отопительного сезона, а не утешайте себя победными бессмысленными реляциями, а также бессмысленными сравнениями.

Неутихающие неприятности на Кавказе... Неотрегулированность всей сферы международных отношений (начнешь дружить с одним из полюсов сил – сразу же получишь удар от другого)... Странные маневры на глобальном поле, где война с исламскими радикалами медленно перерастает в новую волну очень неприятных и неоднозначных использований этих радикалов...

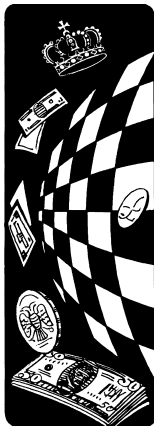
Абсолютная неготовность к будущим испытаниям, абсолютная декоративность всего – всех уличных тусовок, всех пиаровских упражнений, всех фигур речи, всех идеологических и семантических композиций... И полное, полное, полное нежелание дать себе ответ на главный вопрос: что такое твоя сегодняшняя страна?

Полная, полная, полная готовность выдавать желаемое за действительное вопреки всякой логике, всякому сообразию.

Нет и не может в этом быть добра. Надо, по крайней мере, подготовить себя к неблагоприятным сценариям. Это как минимум. А как максимум – все же решить, согласен ли ты на «зонное» существование. Или что ты можешь с этим бороться. Тогда – как бороться? Вместе с кем – и против кого?

Осенний марафон, основа которого заложена этим летом, будет подсказывать нам ответы. Главное – не пропустить мессиджи, исходящие от реальности. А для этого нужно как-то сохранять с этой реальностью связь. Что с каждым месяцем все труднее делать по вышеизложенным обстоятельствам. Но нельзя отступать перед этими трудностями. Просто потому, что отступать теперь уже действительно некуда. Не в нору же нам, в конце концов, отступать. Тем более, что и норы-то скоро не будет.

Юрий Бялый

ЭКОНОМИКА ИНФЛЯЦИИ И ЭКСПОРТНО-СЫРЬЕВОЙ СТАГФЛЯЦИИ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР

The author considers inflation as a complicated and multi-dimensional phenomenon. The greatest danger is presented not by inflation per se, but its impact on the economic climate in the country. In order to understand this impact one has to know the real condition of the Russian economy. And official reports and statements are utterly unfit for this end. The official statistics disguises inflation as index on consumer prices. At the same time unprecedented withdrawal of money from the economy is connected with greater influx of money to the country. A «machine» for reception and use of investments has not been created in Russia. In result of that despite the permanent «sterilization» of money the country found itself in condition of short supply of money in the real economy. Such policy accelerates the tempo of the Soviet economic heritage dissaving. The principal point is how to change the state and prompt it to develop and implement a new and effective economic strategy is not discussed in earnest. This question is not even raised.

Сейчас все СМИ постоянно говорят – с оптимизмом или, напротив, пессимизмом – об инфляции. Высокая она или низкая, выйдет за бюджетные проектировки или не выйдет, какой будет на будущий год, насколько «съест» рост доходов населения и т.д.

Но что значит «определить уровень инфляции»? Какими данными для этого надо располагать?

Если ВВП (валовой внутренний продукт) складывается из некоей системы произведенных продуктов (П-1, П-2 и т.д.), то у каждого из этих продуктов (товаров и услуг) есть цена (Ц-1, Ц-2 и т.д.).

Предположим, что Ц-1 повысилась за год на 10%, Ц-2 – на 11%, а Ц-22 – на 50%. Что значит при этом определить уровень инфляции?

Нельзя же просто взять сумму повышений цен ΔC для всех N имеющихся продуктов и усреднить. Ведь все эти ΔC не одинаково «весомы». Продукты P имеют разную долю в ВВП и по-разному влияют как на экономику, так и на жизненный уровень населения. Значит, каждое изменение C надо чем-то взвесить. Хотя бы долей соответствующего продукта в ВВП – p .

И тогда получится следующее:

$$\Delta C_{cp} = (p_1 \times \Delta C_1 + p_2 \times \Delta C_2 + \dots + p_N \times \Delta C_N)$$

Но ведь эти продукты входят в разные цепочки производства и потребления, причем тоже в разных весовых соотношениях. Поэтому строгий учет их вклада в ВВП, инфляцию и т.д. должен быть, в принципе, намного сложнее.

Такие попытки предпринимаются. При этом, например, каждый из основных продуктов, входящих в номенклатуру, слагающую ВВП, расщепляется на простые продукты – алюминий, нефть и т.д. Рассчитываются коэффициенты, определяющие значимость этих простых продуктов в производственных циклах, создающих сложный продукт. Строятся некие матрицы цен, где каждый продукт имеет не только собственный индекс значимости, но и индекс значимости по отношению к тому или иному конечному продукту (возникают двойные или множественные индексы). А потом высчитывается средневзвешенное по этим матричным конфигурациям.

Кто так делает? Да на практике никто! Потому что для такой методики нужно точно и детально отслеживать слишком много параметров хозяйственно-экономической системы (что сделать реально не удастся). Кроме того, подобная сложность просто не окупается.

В принципе, демонстрируя эту сложность, я показываю неоднозначность самого понятия «инфляция». Как перейти при расчете инфляции от простых продуктов с повышением их цен к сложным продуктам, а от сложных продуктов к ВВП? Конечно, можно. Но путь очень непростой. И потому на практике речь идет об упрощениях этого пути до уровня средневзвешенного по развернутой номенклатуре продуктов (товаров, услуг и пр.), составляющих ВВП. Что и показывает, в грубом приближении, приведенная выше формула.

Мы видим, что такой показатель немного сродни «средней температуре по больнице».

Поскольку профессионалов это мало устраивает, то они используют для детального выявления структуры инфляции (и для определения ее влияния на состояние отраслей, финансового сектора экономики, потребительского рынка и т.д.) также и другие показатели.

В частности, для этого используют дифференцированные **индексы роста цен** – индексы цен промышленности, цен торговли, цен производителей, потребительских цен и т.п. При этом на практике такое взвешивание проводят более сложно – отдельно для продукции разных отраслей, путем нескольких приближений-итераций и т.д.

Кроме того, при анализе причин инфляции обычно выделяют **монетарную** составляющую инфляции и **немонетарную** составляющую той же инфляции.

Что это такое – опять-таки, хотя бы в грубом приближении?

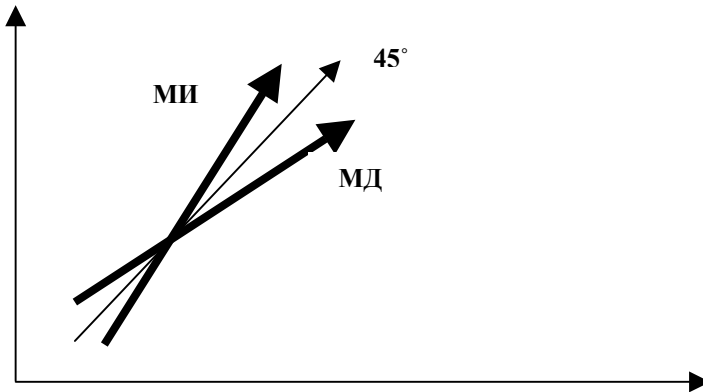
В стране есть масса денег D . Вы ее увеличили. Возникла ΔD .

И у вас есть масса товаров T . Она тоже увеличилась. Возникла ΔT .

Если, например, масса денег D увеличилась вдвое и масса товаров T тоже увеличилась вдвое, то монетарной инфляции нет.

В математическом виде это определяется через показатель $\Delta D / \Delta T$, то есть через первую производную от денег по товарам (см. рис.).

Если прирост денег меньше, чем прирост товаров (наклон функции зависимости роста денег от товаров меньше 45 градусов), то имеет место **монетарная дефляция** $MД$ (либо, что бывает чаще, просто сокращается производство). Если же объем денег растет быстрее, чем объем товаров (угол больше 45 градусов), то налицо **монетарная инфляция** MI .

Теперь – что такое **немонетарная инфляция**.

Предположим, что Центробанк не напечатал ни одного нового рубля, а банки не выпустили никаких дополнительных «заменителей денег». Но у вас возросли издержки производства на некий продукт. Повысилась цена сырья или комплектующих, понадобилось сменить оборудование или оплатить инновационные программы. Постольку, поскольку все это привело к повышению цены товаров или услуг, возникает немонетарная инфляция.

Отметим, что сама по себе инфляция, если она держится в разумных рамках и более или менее предсказуема, не является особенно страшным «экономическим зверем». В мировой истории известны примеры успешного роста и развития экономики на фоне большой (до сотен процентов в год) инфляции. Таковы были в течение многих лет, в частности, экономики Турции, Бразилии, ряда других стран.

Логика поведения экономических акторов (и производителей, и потребителей) в инфляционной «благополучной» экономике понятна. Поскольку деньги завтра подешевеют, их надо тратить сегодня – на товары, услуги, инвестиции в производственное оборудование и сырье и т.д. В этой логике инфляция подогревает и потребительский, и инвестиционный спрос и служит дополнительным «мотором» для развития экономики.

Страшна не сама по себе инфляция, а ее влияние на экономический (прежде всего, инвестиционный) климат в стране, а также угроза выхода инфляции из-под контроля и приобретения ею «галопирующего» характера.

И опасность здесь не только в обесценении сбережений населения и снижении уровня жизни. Это – когда деньги на счетах и в кубышках «сгорают», а доходы отстают от инфляции – нам хорошо знакомо. Еще более опасны со стратегической точки зрения потеря населением и бизнесом доверия к собственной экономике, осознание риска ее возможного банкротства.

Это резко ослабляет или даже блокирует хозяйственную активность в большинстве сегментов экономики, особенно в отраслях с длительной оборачиваемостью капитала. И тем самым подстегивает негативные ожидания реальным экономическим спадом, то есть ведет к краху.

У нас всех в памяти опыт постсоветской экономики с огромной инфляцией, приведшей к катастрофическому обнищанию населения, а также опыт краха и девальвации 1998 г. И потому страх перед инфляцией оказался крайне важным социально-психологическим фактором устойчивости или неустойчивости общества. А одновременно – своего рода инструментом массового «экономического наркоза» и манипулирования, которые проводятся властно-элитными «аналитиками» и правительством. Достаточно сказать, что параметр инфляции оказывается в массовом сознании главным (иногда чуть ли не единственным, кроме ВВП) критерием успешности работы российской власти на «экономических фронтах». Это видно и по высказываниям Кудрина, Грефа, Фрадкова, и по той экономической полемике, которая идет в прессе, на телевидении и радио.

При этом, **во-первых**, уходит из сферы внимания и обсуждения то обстоятельство, что регулирование инфляции – лишь средство управления экономическим развитием, а не цель. Предположим, что у вас инфляция равна нулю. Нет роста цен. И что? Это означает, что у вас экономическое благолепие? Вовсе нет!

Допустим, вы сократили вдвое количество продукции (товаров и услуг). И вдвое же сократили количество денег. Соотношение денег и товаров осталось прежним, инфляции нет. А экономический потенциал упал вдвое!

И, **во-вторых**, возникает обширная сфера недомолвок и фальсификаций, призванных спрятать серьезное неблагополучие даже во всем, что касается добросовестного определения самого этого инфляционного показателя.

Это связано с тем, что рассчитать реальную инфляцию, как мы видим, очень непросто. Для этого нужно объективно и детально, не по

официальным отчетам предприятий, знать состояние отечественной экономики. А в том же правительстве регулярно сетуют, что многое просто не знают даже на уровне крупных и средних компаний и фирм.

Ну, так и что же мы все-таки имеем?

Сначала – о самой инфляции и некоторых парадоксах, которые связаны с правительственной статистикой.

Здесь я буду цитировать последний официальный справочник Росстата.

В 2004 г. инфляция в России была равна 11,7%

При этом по продукции отдельных сегментов и отраслей экономики инфляция цен производителей составила:

- по промышленной продукции в целом – 28,3%;
- по продукции металлургии – 37,4% (в том числе по прокату – 59,5%, а по трубной продукции – 50,9%);
- по сельскохозяйственной продукции – 17,7%;
- по строительству – 14,9%;
- по транспортным средствам и оборудованию – 20,8%;
- по энерготарифам для населения – 17,2%;
- по строительно-монтажным работам – 18,6%;
- по нефтепродуктам – 50,6%;
- по жилищно-коммунальным тарифам – 28,3%.

Даже при беглом взгляде на эти цифры очевидно, что суммарная инфляция в экономике неправдоподобно ниже, чем инфляция цен производителей.

Частично данное расхождение объясняют тем, что значительная доля перечисленной продукции идет на экспорт и на фоне гигантского роста экспортных цен наши производители успешно продают произведенное гораздо дороже, чем год назад.

Например, мы продаем металл за рубеж вдвое дороже, чем год назад. Но поскольку груз этого подорожания ложится в основном на зарубежного покупателя (этот металл почти целиком идет на экспорт), то вклад в отечественную инфляцию и оказывается якобы незначительным.

Но, даже если принять это объяснение, следует признать, что оно явно не лишено лукавства. Например, мы видим, что взлет жилищно-коммунальных тарифов, цен на нефтепродукты, цен на строительство огромный. И он вообще никак напрямую не корреспондирует с экспортно-импортной проблематикой.

Далее, говорится, что инфляция у нас низкая за счет того, что большинство потребительских товаров очень давно не дорожает или, напротив, дешевеет – за счет конкуренции с импортом. Это и обувь, и одежда, и другой ширпотреб, и телевизоры-магнитофоны-компьютеры-холодильники. А эти товары, мол, составляют большую часть «потребительской корзины».

А когда спрашиваешь, при чем тут потребительская корзина, если речь об инфляции в целом, то выясняется, что официальная статистика под видом инфляции нам постоянно преподносит совершенно другую величину – **индекс потребительских цен**.

Но как рассчитывают этот индекс? Преимущественно за счет опросов по выборкам. А как делаются выборки? Да по-разному, отвечают, но по разным группам доходов населения, с последующим осреднением.

И при этом признают еще одну очень важную правду.

А именно – то, что у богатых, «среднедоходных» и бедных россиян «потребительская корзина» очень разная. И что в потребительской корзине бедных доля «неинфляционных» товаров вроде холодильников и компьютеров ничтожна, а доля высокоинфляционных, вроде продовольствия и услуг ЖКХ огромна. А потому и индекс потребительских цен (реально ощущаемая инфляция) для бедных намного выше «среднего по российской больнице» – до 13–16% в год, а в некоторых регионах даже «зашкаливает» за 20–25% в год.

Но и это не все. Еще одну часть правды об инфляции сообщают те же правительственные аналитики, но уже, как правило, в неофициальном порядке.

Вкратце признается, что в статистику инфляции вообще не входят сотни тысяч малых предприятий. Они не оцениваются ни по масштабам производства товаров и услуг, ни по ценовой политике. Предприятия эти, может, и показывают товары (хотя не всегда). Но нет механизмов для сбора и обобщения этих данных.

Кроме того, есть (помимо официально зарегистрированных предприятий) еще и теневой сегмент экономики. Он, по определению, не может быть учтен правительственной статистикой. Но он производит и продает, и очень немало. По самым скромным оценкам, его доля в производстве товаров и услуг – не менее 25% ВВП, по более реалистичным – до 40%.

А что в этом сегменте происходит? Как там ведут себя деньги и товарная масса? Ответить нельзя: данных нет. Власть, по сути, парализо-

вана отсутствием этих данных. Но каждый из тех, кто реально живет в стране и тратит деньги, видит, насколько быстрыми темпами растут, например, цены на рынках, а также «неофициальные» тарифы тех, кто нас лечит, учит, ремонтирует сантехнику, обувь или автомобили.

Я пока оперировал сводными данными Росстата за 2004 г. Недавно опубликованы данные за первое полугодие 2005 г. И они сообщают, что в первом полугодии 2005 г. по сравнению с первым полугодием 2004 г.:

- тарифы ЖКХ выросли на 30,5%,
- цены на топливо – на 19%,
- цены на мясо и птицу – на 13%,
- цены на плодоовощную продукцию – на 38%.

А официальная инфляция за полгода составила всего 8,4%.

То есть мы видим, что и в нынешнем году максимальными темпами растут – при вроде бы низкой официальной инфляции – индексы цен, прямо затрагивающих и без того катастрофически скудное «благосостояние» бедных.

Теперь – о следующем, крайне немаловажном, обстоятельстве.

Большинство осведомленных экспертов убеждено, что основная причина инфляции в России – это неконтролируемая «инфляция издержек» (то есть немонетарная инфляция), связанная с ростом цен производителей. Дорожают сырье, комплектующие, услуги смежников и так далее. В частности, в числе основных причин инфляции в 2004 г. называют рост цен естественных монополий и олигополий (производителей на рынках с очень ограниченным числом продавцов, которые осуществляют ценовые сговоры).

Но у правительства и Минфина, следующих неолиберальному лозунгу «максимального ухода государства из экономики», инструментов влияния на эти цены практически нет.

Они считают, что не могут, провозгласив рынок, директивно влиять на «немонетарные» показатели. Хотя в США, например, с конца XIX века и по сию пору существует государственная «Комиссия по контролю за ценами»; аналогичные органы существуют и в других высокоразвитых рыночных странах.

Однако правительство и Минфин не могут влиять на цены и косвенно, потому что никаких других инструментов и институтов государственного управления ценовыми процессами (обязательных для любой нормальной рыночной экономики) у нас в России также не создано.

В Германии, например, еще со времен Людвига Эрхарда, то есть с послевоенного периода, действует сложная система договоренностей государства с крупными корпорациями по поводу ценовой политики. В рамках этих договоренностей «правильная» ценовая политика корпораций получает поощрение в виде государственной поддержки. Таким корпорациям даются более выгодные кредиты, облегчается налоговое бремя, по ним в первую очередь распределяются госзаказы и госзакупки, и т.д. А более мелкие корпорации и фирмы оказываются вынуждены в своей политике цен «следовать за лидерами».

В разных странах есть разные гласные и негласные системы подобных мер, включая антидемпинговое законодательство, инструменты нетарифного регулирования и другие подобные вещи. Но в России их нет. Знаю лишь один недавний пример – «добровольное» (после скандального вызова «на ковер» к вице-премьеру) согласие компаний ТЭКа на замораживание внутренних цен на автомобильное горючее.

Тарифы естественных монополий – вот та единственная сфера, где государство хоть как-то «ловит мышей». Монополии хотят задирать тарифы на 20, 30, 40% в год. А государство этому сопротивляется. Но – вяло. Ведь в основе экономической практической философии по-прежнему идея необходимости движения к «ценам мирового рынка».

Таким образом, почти единственный инструмент, вокруг которого «зациклена» финансовая политика кабмина, – это регулирование монетарной инфляции. То есть «торможение» предложения экономике денег и, таким образом, ограничение спроса промышленных потребителей и домохозяйств, не позволяющее продавцам слишком быстро повышать цены.

Еще раз напоминаем, что можно всегда так «зарезать» количество денег в экономике, что инфляции как бы не будет. Но речь пойдет только об отсутствии монетарной инфляции.

Хотя и здесь все далеко не так просто.

Ведь денег в страну в последнее время идет очень и очень много. И то ведь – беспрецедентный рост мировых сырьевых цен.

Просто вбрасывать в экономику рублевую массу, эквивалентную экспортным валютным поступлениям, – это значит действительно разгонять инфляцию. Поскольку почти никакого другого применения, кроме как «покупать, покупать, покупать», при нынешней структуре российского хозяйства для этих денег нет. Эти деньги предъявят громадный спрос, и продавцы товаров и услуг тут же задерут цены за облака.

В самом деле, пусть даже речь идет об импорте за доллары, а не продажах за рубли. И что? Тогда цена товара будет складываться из прибыли продавца, расходов на доставку товара и цены товара в местах закупки. А почему это продавец ограничится умеренной прибылью? Потому что есть конкуренция? А везде ли она есть? Кроме того, понижение прибыли продавца – это процесс, распределенный во времени. А у продавца будет масса проблем как с ввозом товара из-за границы, так и с его продажей. Это будут во многом «неформализуемые» проблемы. Не только таможенные пошлины, но взятки и многое другое.

Побудить внутреннего производителя больше произвести?.. Тут, знаете ли, надо еще заново раскручивать утраченные потенциалы этого производителя. А это процесс не автоматический. И не будет внутренний производитель без мощного конкурентного давления производить больше и продавать дешевле. Он просто будет продавать дороже и, опять-таки, разгонять инфляцию. И что же?

Да то, что правительство настойчиво ищет способы избавиться от «лишних» с его точки зрения денег, и называется это «стерилизация денежной массы».

Вот данные из экономического доклада за 2004 г., составленного Центром макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования.

В 2004 г. прирост экспортной выручки за счет увеличения мировых цен составил, по сравнению с 2003 г., около 33 млрд. долл.

Из них было:

- стерилизовано в Стабилизационном фонде (то есть изъято из экономики) 14 млрд. долл.;
- дополнительно (по сравнению с 2003 г.) вывезено из России предпринимателями 9 млрд. долл.;
- 2 млрд. долл. – потери экспортеров в результате укрепления обменного курса рубля.

И лишь жалкий остаток в размере около 8 млрд. долл. остался «работать» в российской экономике на увеличение ВВП.

То есть денег у России стало, благодаря беспрецедентно благоприятной конъюнктуре мировых цен на сырье, довольно много. Валовые сбережения (деньги, которые не используются напрямую в экономике) к началу нынешнего года достигли ранее небывалой цифры в 32,6% ВВП.

Но чьи это деньги? В структуре валовых сбережений неуклонно растет доля сбережений так называемого «расширенного правительства», а

доля сбережений домохозяйств быстро падает. Это, опять-таки, по официальным данным.

Кроме того, налицо новый виток наращивания разделения населения по уровню доходов (то есть этой самой, и без того вопиющей, социальной дифференциации). Соответствующие показатели – так называемый «децильный коэффициент» и «коэффициент Джини» – с 2003 г. начали неуклонно расти.

Даже официальная статистика (как мы показали выше, очень спорная) сообщает, что децильный коэффициент (отношение доходов 10% самых богатых россиян к доходам 10% самых бедных) вырос с 13,8 до 14,7. Неофициальные источники утверждают, что этот показатель превысил 25. А эксперты, которые вводят в свои расчеты «теневые» доходы (максимальные у наиболее обеспеченных слоев населения), говорят, что децильный коэффициент в России приближается к 50!

Но даже официальные цифры говорят о росте дифференциации. О росте, а не о падении. Одна из самых тревожных социально-экономических тенденций продолжает нарастать, вопреки кажущемуся отсутствию причин.

Итак, денег много, а социальное большинство живет не лучше или даже хуже.

А тратятся эти идущие в Россию «шалые деньги» почти исключительно на «охрану страны от лишних денег». Их «стерилизуют любой ценой», лишь бы не пустить в экономику.

И тогда становится более понятно, почему, говоря о крайней необходимости привлечения в Россию крупных иностранных «стратегических инвестиций», власть для их привлечения реально ничего не делает. А ну, как эти деньги придут? И что с ними делать? Свои-то прячем, а тут еще чужие!

В стране не создана «машина» приема и использования любых стратегических инвестиционных средств. И мы имеем все основания считать, что эта машина и не создается.

Кстати, заодно понятно и то, почему иностранные инвестиции в России если и появляются, то очень осторожно, неохотно и лишь в отраслях с быстрой оборачиваемостью капитала. Логика инвесторов проста: если вы, сидя на мешках с деньгами, их у себя не инвестируете, – значит, что-то здесь нечисто. Значит, есть неизвестные и непредсказуемые инвестиционные риски. Так мы тоже не дураки, и лезть в эти риски не станем.

Что при этом может делать и делает правительство для того, чтобы подавить хотя бы монетарную инфляцию?

Оно может продолжать стерилизовать деньги любыми способами. Прежде всего, наращивая профицит бюджета и Стабфонд. И оно может сокращать эмиссию рублей в обмен на покупаемую Центробанком валюту, блокировать выдачу банками кредитных денег за счет повышения ставки рефинансирования и укреплять реальный курс рубля.

Но рамки укрепления рубля, во-первых, заданы законом о бюджете (не более 8% в 2005 г.), и этот лимит к нынешней осени уже был превзойден (оценки – около 10%).

Во-вторых – и это гораздо важнее, – укрепление рубля ослабляет и без того хилую конкурентоспособность российских товаров и услуг не только на мировом, но и на внутреннем рынке. Если цены производителей «зажаты» сверху конкуренцией с импортом, а снизу – ростом издержек в результате укрепления рубля, это приводит к вытеснению отечественных производителей даже с внутренних рынков и стремительному росту доли импорта в совокупном российском потреблении. И в итоге – к разорению этих самых отечественных производителей.

А потому кабмин действует практически только инструментом сдерживания роста денежной массы в обороте. И в результате над Россией нависает серьезная угроза «кризиса демонетизации». Иначе – кризиса недостаточного количества денег в экономике.

Что это за кризис и чем он чреват?

Возьмем, например, состояние банковской системы. Ее ликвидность (среднее отношение абсолютно ликвидных активов к стоимости обязательств перед клиентами и вкладчиками) к середине 2005 г. снизилась до 22%.

Это, прежде всего, приводит (раз налицо дефицит денег, их не хватает для удовлетворения спроса) к росту стоимости кредитования и сокращению кредитной активности. То есть к сокращению кредитных инвестиций и стагнации кредитуемых производств.

Это одновременно приводит к преклонению активности банков с кредитования на рисковые спекулятивные операции, что наращивает общую неустойчивость финансовой системы.

Это, далее, приводит к росту недоверия к банкам у отечественного бизнеса и населения. И в результате к повышению оттока российских денег за рубеж, а также росту объемов использования иностранной валюты (долларов) в качестве средства сбережения.

Это, наконец, приводит к возникновению угрозы «домино неликвидности», способного обрушить весь банковский сегмент экономики.

По ряду авторитетных экспертных оценок, критический порог ликвидности, ниже которого опускаться опасно, около 20%.

В связи с этим следует напомнить, что крах банковской системы в 1998 г. произошел на фоне падения средней ликвидности банков до 10–14%. А также – что так называемый «банковский кризис» лета 2004 г. тоже возник на фоне резкого сокращения количества денег в экономике и падения ликвидности банков. И еще один факт: в нынешнем году некоторые крупные западные банки начали закрывать у себя счета банков российских. Причина – повышение рисков в результате падения ликвидности и роста спекулятивной активности российских банков...

Отмечу, что политику демонетизации не проводили нигде в цивилизованном мире со времен Второй мировой войны и создания Бреттон-Вуддской валютной системы. Потому что все хорошо понимают: последствия демонетизации и кризиса ликвидности для национальной экономики гораздо хуже, чем последствия инфляции. Демонетизация рыночного хозяйства – это исключительно наше, российское «ноу хау».

В любом случае, банковская система с низкой ликвидностью не в состоянии обеспечивать эффективное развитие национального хозяйства. Прежде всего, она не может выдавать стратегические (долгосрочные) кредиты – основной инвестиционный ресурс в любой нормальной рыночной экономике. Что мы и наблюдаем.

В результате в отечественном хозяйстве растут – и то не слишком активно – в основном экспорт-сырьевые сегменты экономики, а также торговля, отчасти жилищное строительство (но не для бедных!) и связь. То есть те сектора, которым хватает для инвестирования собственных средств.

Мы добываем в год 460 млн. тонн нефти. И при этом гоним на экспорт 260 млн. тонн нефти и 82 млн. тонн нефтепродуктов (данные за 2004 г.). Примерно такая же картина – по газу, немногим лучше – по другим видам сырья.

Так, в 2004 г. экспорт нефти вырос на 15,2%, газа – на 6,1%, черных металлов – на 5,1%, цветных металлов – на 7,9%.

В итоге больше половины нашего роста ВВП приходится на увеличение физических объемов и стоимости экспорта сырья и полуфабрикатов.

Но ведь возможности использования «ценового» фактора роста зависят вовсе не от нас, а от конъюнктуры мировых рынков! Да и в том, что касается расширения объемов сырьевого экспорта, дела обстоят вовсе не благополучно. Так, например, в нефтяной отрасли в последнее время прироста инвестиций почти нет, новые месторождения, по большому счету, не разведываются и не осваиваются. И так обстоят дела не только в «нефтянке», но и в большинстве других сегментов хозяйства.

Почему? В том числе потому, что в постсоветской России до сих пор нет закона об обязательных нормативах амортизационных отчислений, направляемых на инвестиционные нужды. В либеральных рыночных Соединенных Штатах такой закон есть и эти нормативы утверждаются Конгрессом. А у нас ни такого закона, ни других механизмов «принуждения» предпринимателей к производственным инвестициям нет. И тогда зачем обновлять производственные фонды, если они еще работают и приносят прибыль?

То есть на наших глазах идет расширенная эксплуатация «советского наследства». И за счет этого в страну поступают громадные экспортные деньги. Хотя всем вменяемым людям понятно, что это деньги именно от «советского наследства» и что это наследство не может не иссякнуть.

А куда идут эти вырученные за экспорт деньги?

Частично мы выводим их за границу. И не только прямым «вывозом капитала». Наши золотовалютные резервы в основном размещены в ценных бумагах иностранных государств, то есть лежат в западных банках и кредитуют (то есть обслуживают и развивают) чужие экономики. И то же самое сейчас происходит в отношении средств Стабфонда.

Частично мы эти деньги «стерилизуем» в разного рода кубышках (прежде всего, в Стабфонде).

Частично мы торопимся отдать внешние долги (хотя кредиторы от этих наших «подарков» открещиваются, да и уровень нашего госдолга в отношении к ВВП существенно ниже, чем у большинства развитых стран).

На остаток денег мы – прямо и косвенно – наращиваем товарный импорт.

Так, по данным Росстата, в 2004 г. импорт рос вдвое быстрее, чем внутренний спрос. А за первое полугодие 2005 г. импорт машин, оборудования и транспортных средств вырос, по сравнению с первым полу-

годием 2004 г., на 33,5%, продукции химической промышленности – на 36,8%, продовольствия и сельскохозяйственного сырья – на 27,6%. При этом промышленный рост к нынешнему лету, по данным того же Росстата, практически прекратился.

В результате уже многие эксперты говорят о том, что в российском хозяйстве явственно чувствуется запах приближающейся **стагфляции** – высокой инфляции при фактической стагнации в ключевых сегментах экономики.

Очевидно, что при такой экономической политике никакой стратегической модернизации экономики, и даже снижения ее катастрофического «сырьево-экспортного» перекоса, произойти не может. Российская экономика растет в денежном, а по ряду отраслей и в натуральном выражении, но оказывается все более деформирована в направлении модели слаборазвитых «сырьевых» стран. Основные фонды обновляются крайне недостаточно или не обновляются вообще. Инновации появляются в удручающе мизерных масштабах и преимущественно заимствованные у развитых стран, то есть далеко не «первой свежести». А перспективные ниши на российских рынках все быстрее заполняются импортом.

То, насколько плачевна ситуация, показывают даже неполные (и потому, вероятно, чрезмерно оптимистичные) данные Росстата. Так, в частности, производительность труда в России растет темпами не более 4–5% в год, резко отставая от роста ВВП (около 7% в год), заработной платы (10,9%) и реальных потребительских расходов населения (более 12% в год).

Что этот дисбаланс, эти «ножницы», по большому счету, означают?

Этот дисбаланс означает, говоря грубо, продолжение «проедания» того, что создано ранее. Продолжение проедания упомянутого выше «советского наследства». Включая построенную ранее инфраструктуру, ранее разведанные и подготовленные к эксплуатации месторождения и т.д. И уже очевидно, что «новая социальная политика», провозглашенная в нынешних бюджетных проектировках, лишь нарастит этот дисбаланс. То есть увеличит «скорость проедания».

Сейчас и значительная часть элиты, и общество гадают, почему это вдруг в экономической политике власти произошел столь резкий и значительный «социальный крен»? Ведь явно дело не в письмах Ходорковского из «Матросской тишины» о «левом повороте»!

Кто-то говорит, что власть, наконец, поняла, что пора «повернуться лицом к народу». То ли власть просто «опомнилась». То ли осознала, в ходе скандалов с монетизацией льгот, что впереди маячит социально-политический кризис. То ли загодя готовит «популистский электоральный батут» для своей поддержки на грядущих выборах парламента и президента.

Возможно, все отчасти так и есть, и эти соображения играют большую роль.

Но, помимо этого, власть оказалась в очевидной ситуации «цугцванга», когда «любой ход плохой» в сфере управления финансовой политикой. Она обнаружила, что не может, не рискуя крупными потрясениями, избавиться от «лишних денег». И оказалась перед развилкой, когда надо принимать серьезные решения, делать стратегический выбор.

Либо – продолжить попытки «косметическими» монетарными мерами как-то сглаживать накапливающиеся в результате избытка «горячих денег» кризисные процессы и явления. Продолжать в надежде на то, что мировые сырьевые цены упадут и проблема «рассосется сама собой».

Либо – основательно заняться (от лица государства и под руководством государства) кропотливой работой по реальной модернизационной трансформации российского хозяйства. То есть выбирать хозяйственную стратегию, разрабатывать и реализовать промышленную политику, уделять специальное внимание инновационной экономике, создавать и наполнять кадрами соответствующие структуры, строить в системе власти и общества необходимые законодательные и иные институты и т.д.

И, по большому счету, возвращать государство в экономику. Не отказываясь от рыночных принципов регулирования, но используя эти принципы так и в той мере, в какой этот путь проходили все развитые страны (США, страны Европы) после кризисов XX века. И в той мере, в которой сочетали и сочетают в последние десятилетия принципы рынка и активное государственное участие в экономике Япония, Корея, Китай, другие так называемые «новые тигры».

На этот, второй, путь власть явно не решилась. Появление в новом бюджете передаваемого в распоряжение ведомства Грефа так называемого «инвестиционного фонда» (условия использования которого еще только предстоит разрабатывать) – крохи по сравнению с реальными потребностями российского хозяйства. А также по сравнению с нашим

долгом российским основным фондам, который, по разным оценкам, достиг 1,6–2,3 трлн. долл.

Почему власть на второй, стратегический, вариант не решилась? Мы знаем о двух основных объяснениях.

Официальное объяснение дал президент в своем выступлении перед Федеральным собранием в начале сентября. Он сказал, что мы не имеем права тратить появившиеся у государства деньги на всякие там инфраструктурные и прочие проекты. Это нельзя делать, потому что цены на нефть могут упасть и тогда деньги иссякнут. И мы в таком случае останемся с неоконченными «долгостроями» и будем влезать в новые долги, чтобы их завершить или хотя бы не дать им развалиться. А потому мы будем вкладывать появившиеся «лишние» деньги не в инфраструктуру и промышленную политику, а в «человеческий фактор», то есть в социальные программы.

Другое, неофициальное объяснение дал один из участников состоявшегося недавно «круглого стола», посвященного российской экономической политике. Он заявил, что нынешнее российское государство допускать в экономику нельзя ни в коем случае и ни в каких формах, поскольку оно совершенно не понимает, что в ней можно и нужно делать. А далее – процитировал неназванного высокого министра, который привел еще один очень важный довод: «если при строительстве дороги частной фирмой украдут примерно 30% средств, то при строительстве фирмой государственной – минимум, вдвое больше».

Казалось бы – давайте госзаказы частным фирмам, и все. Но в том-то и дело, что уже нет частных фирм, способных принять такие заказы. Они если и появились в начале нашей «рыночной эпохи», то ликвидировались за 15 лет отсутствия спроса на инфраструктурные услуги. И воссоздать их – задача, во-первых, не быстрая и, во-вторых, далеко не тривиальная.

Отметим, что в высказываниях наших министров «экономического блока» в последнее время заметна определенная трансформация генерального тезиса относительно хозяйственной роли государства. Если еще недавно главным аргументом был неолиберальный лозунг «государство ни в коем случае не должно лезть в экономику и мешать рынку», то теперь тезис несколько видоизменился. И звучит примерно так: «наше государство вообще не может тратить деньги с толком».

«Наше государство» – это кто? Это сами министры? Это власть, которая не способна воспользоваться благоприятной конъюнктурой, а

боится ее как огня? Боится, поскольку выстроена хозяйственно-экономическая система, которая при этой конъюнктуре рискует обрушиться, а не выйти на новые горизонты развития?

Но тогда это полный тупик! И тогда речь может идти только о постановке и реализации целей создания новой хозяйственно-экономической системы. Однако этим никто не занимается. А рынок сам по себе нигде и никогда эту задачу не решал. Это уже общеизвестно. Это признает даже такой апологет рынка, как Джордж Сорос, регулярно заявляющий: «Рынок не формулирует целей».

Однако наши министры не Соросы и думают иначе. Глава Минэкономразвития Г.Греф на днях публично назвал мнение о необходимости увеличения присутствия государства в российской экономике «неандертальской идеологией».

Итак, похоже, власть решила, что лучше экономическая политика, приводящая к стагфляции, чем разработка и реализация нормальной стратегии хозяйственно-экономического развития.

При этом вопрос о том, как изменить государство с тем, чтобы оно оказалось способно создать и исполнить такую стратегию, вообще, в принципе, не ставится.

На экране, в газетах и солидных научных журналах власть говорит о другом. О мелких механизмах, радостях и горестях «поддержания штанов» у впадающей во все более острый кризис нынешней уродливой российской хозяйственно-экономической системы.

Налицо – глубокая инфляция самой экономической политики, ее подмена примитивными комплектами лозунгов, пустых фраз и популистских социальных обещаний.

Но эта подмена, которая, как показано выше, крайне опасна стратегически, вовсе не безопасна и в краткосрочном плане.

По следам принятия Госдумой в первом чтении нового российского бюджета группа аналитиков крупнейших инвестбанков составила «письмо турецкому султану», то есть премьеру Фрадкову. В этом письме авторы резко разносят бюджет по главному основанию. Речь идет о повышении, по сравнению с предыдущим годом, непроцентных (то есть за вычетом расходов на обслуживание госдолга) государственных расходов.

В письме говорится, что в результате «популистского» повышения непроцентных бюджетных расходов непременно подскочит инфляция и

столь тяжело давшаяся стране «макроэкономическая стабильность» неизбежно рухнет.

В связи с этим стоит все же обратить внимание на наши бюджетные расходы (то есть тот экономический ресурс, при помощи которого государство так или иначе вмешивается в хозяйственную и иную деятельность страны). Эти данные приведены в таблице.

Бюджетные непроцентные расходы России и развитых стран ОЭСР (в % от ВВП)

Страны	2004 г.	2005 г.	2006 г. (проект)
Россия – федеральный бюджет	15,5	14,8	15,5
Россия – консолидированный бюджет	26,4	24,3	26,4
Страны ОЭСР (средний уровень)	43		

Невозможно поверить, чтобы указанные аналитики не знали, что в развитых рыночных странах, на которые Россию призывают равняться, бюджетные расходы гораздо больше, чем у нас. Но эти аналитики резко атакуют правительство за то, что оно – очень осторожно – вроде бы пытается исправить этот очевидный перекося.

И трудно себе представить, что эти аналитики начнут так атаковать правительство Фрадкова без какой-то внятной – властной же – «отмашки». Не те это люди, не те структуры, чтобы так рисковать. Так в чем же тогда состоит их игра?

Для большей ясности еще раз подчеркнем, что показатель расходов консолидированного бюджета по странам ОЭСР, то есть по нынешним наиболее развитым (и «наиболее рыночным») государствам, в последние годы составляет – при всех тамошних либеральных лозунгах насчет ухода государства из экономики – в среднем около 43% ВВП. Это чуть ли не вдвое больше, чем у нас. А Россия по уровню расходов бюджета попадает в компанию некоторых слаборазвитых стран – «сырьевых экспортеров».

Так что дело вовсе не в каких-то чрезмерно больших российских бюджетных непроцентных расходах. Это явная ложь. Дело в том, что экономика России в своем нынешнем убогом и малоуправляемом со-

стоянии действительно весьма уязвима в отношении монетарной инфляции.

То есть и при поступлении в нее огромных денег выползти из группы слаборазвитых стран она не может. Между тем власть нам говорила (и очень долго), что все дело именно в деньгах, которых России остро не хватает. Именно сейчас впору спросить: ну, есть деньги, есть много денег – и что? Где результат?

Однако частная проблема, о которой говорят в своем письме аналитики, действительно существует. Так называемая «социальная политика», провозглашенная президентом с подачи кабинета, выраженная новыми бюджетными проектировками и сосредоточенная исключительно в сфере развития «инфраструктуры потребления», может вправду разогнать в России, обладающей нынешними свойствами хозяйственно-экономической системы («в современных условиях», если пользоваться словами президента), серьезную монетарную инфляцию.

Но это, еще раз повторим, значит лишь одно. Это значит, что надо менять стратегию и хозяйственно-экономическую систему. То есть эти самые негодные «современные условия»!

К этим соображениям нужно добавить еще и то обстоятельство, что заявленные в бюджете социально-популистские расходы вполне могут оказаться частично неисполнимы.

Это относится, в первую очередь, к «бедным» субъектам федерации, которым просто неоткуда взять для этого деньги. Например, к республикам Северного Кавказа и ряду областей Сибири.

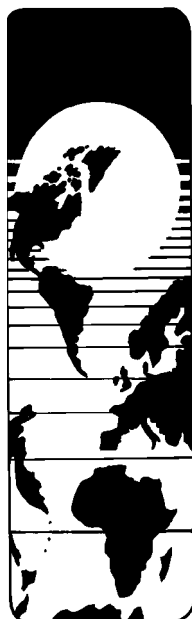
А если они не смогут исполнять указанные социальные обязательства нового бюджета, тогда на общий инфляционный всплеск наложатся другие, вовсе не благие – и не безопасные! – последствия. Провоцирующие уже не только экономический, но и социально-политический, террористический и т.п. кризис.

И тогда уместны вопросы: люди, которые все это делают, понимают перечисленные последствия или не понимают? А если понимают – кто это делает и зачем?

Нам предстоит размышлять о тревоге нашего времени. Мы должны понять наше время. Это нужно хотя бы для того, чтобы говорить на адекватном ему языке. Тем не менее, нам следует ориентироваться не столько на наиболее яркие особенности нашей эпохи, сколько на внутренний динамизм диалектики тревоги...

**Обращаясь к современности,
вместо того, чтобы отдаляться от
нее, мы, возможно, будем лучше
подготовлены к тому, чтобы понять
ее, то есть определить роль
тревоги и отделить ее от эмоций,
напряженность которых тем выше,
чем менее они подлинны.**

Поль Рикер

Александр Неклесса

ПОРАЖЕНИЕ РОССИИ

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

The author analyzes the present condition of Russia-the Russian Federation, its past and prospects for the future, the rapid changes that occur in political, economic, social and cultural domains, discusses the situation of civilization and mechanisms of change and traces their historical origins. The author focuses his attention on transformation of foreign (external) context as well as on dynamics of the social mentality, emergence of new social corporations and elite groups, transformation of the world order terminology which has been formed earlier. According to the author at the present the humankind resides in the transitory state when a new social agent is already present and active on the world arena and post-modern constructs of the world has already emerged while fundamentals of the Modernity epoch are still present.

Глобальная революция на сегодняшний день достаточно затертый термин, ярлык, инициированный в свое время Первым докладом Римского клуба и успевший за прошедшие с 1991 года 14 лет обветшать, если не «пожелтеть», но, по моему разумению, в своей взрывной сущности *глобальной социальной революции* так до конца и не раскрытый.

Изменения, происходившие как в российском, так и в мировом обществе, слишком уж часто описывались с сенсационной, спекулятивной точки зрения (преимущественно как новации во внешнеполитической либо технической сфере) и почти исключительно в конъюнктурном обрамлении сиюминутных обстоятельств, с обязательным противопоставлением прежнему, несовершенному порядку вещей. Иначе говоря, внимание фиксировалось скорее на ярких образах и деталях, на бросающихся в глаза признаках новизны, нежели на постижении ее сути и генезиса. Новизны, воплощаемой в жизнь безликими «кротами истории» – этими могучими движителями социальной природы.

В России с началом «перестройки», в критический момент национальной истории, под эгидой официального оптимизма и лозунга «иного не дано» практически вне *mainstream*'а публичной дискуссии, да и профессионального анализа, оказалась реальная палитра переживаемого «момента истины»: трансформационные хитросплетения, сложности и препоны. Страна, однако же, быстро соприкоснулась с ними, причем достаточно болезненным образом, синхронно вводя в русло открытой дискуссии – и надолго – прежде глухо звучавшие, а то и сознательно замалчивавшиеся (если прямо не подавлявшиеся) негативные обертоны.

Прошло несколько лет, и социальные сценарии теперь уже яростно обсуждались в диапазоне от «свершившегося вхождения в мировую цивилизацию» до «образования корпорации ликвидаторов великой России». Ретроспективно эти дискуссии подчеркнули – правда, скорее в публицистичном, нежели аналитическом ключе, а, главное, задним числом, – то реальное многообразие путей в будущее, которое открывалось перед страной на рубеже восьмидесятых и девяностых годов.

Что же касается целостного образа грядущего мира, архитектоники складывающегося на планете миропорядка, то и по сей день они во многом остаются за горизонтом политологического и философского осмысления, развернутого аналитического прогноза. То же можно сказать и об опознании главного механизма сотворения будущего – о «темпераментной», тугой пружине перемен, лидирующем субъекте исторического действия. Подобные материи на переломе тысячелетий так и

остались в значительной мере нерасшифрованными, скрытыми под флером общих фраз и пафосных рассуждений о научно-технической революции, набирающем темп прогрессе, наступлении эпохи постиндустриализма и информационного общества. Непонятая механика нового порядка вещей, однако же, властно проявила себя в крахе советской империи, а реальное целеполагание элиты – в торжестве «животного идеала» на просторах стран-беспризорниц постсоветского помета. Но, как писал в свое время Карл Манхейм, «человек (а мы можем добавить – общество. – А.Н.), для которого не существует ничего, помимо его непосредственных обстоятельств, не является человеком»¹.

Искусство социального действия между тем интенсивно развивалось за пределами данного круга, породив, в частности, новое поколение *высоких социальных технологий*, включая системы управления, основанные на таких инновационных принципах и подходах, как деятельность в условиях неопределенности, потоковые модели социума, концепции фазового пространства, контролируемого хаоса, рефлексивный и матричный методы проектирования операций и т.п.

Сегодня речь идет уже о новом поколении социальных конструкций и форм *антропологической организованности*. Именно не об организациях – тем более не «учреждениях» в современном понимании, – поскольку сам термин «организация» оказывается чересчур громоздким, не вполне уместным, неадекватным описанию нелинейной природы новых социальных организмов, их тяготеющей к турбулентности критической сложности. Именно инновационные *гибкие и сверхгибкие организованности*, которые не представляют собой ни учреждений, ни организаций в прежнем смысле этих понятий, являются образчиками новой оргкультуры, тем, что я называю, в частности, «амбициозными корпорациями», распыленными, словно споры, на просторах от Нового Севера до Глубокого Юга. Определяются подобные структуры и как «астероидные группы». К новым социальным организмам теперь можно вообще прилагать массу языковых новообразований – это открытое поле действия: простор для лексических набегов и театр семантических войн.

Но все же главная пружина перемен – новый постиндустриальный класс, причем речь идет не столько о его предтечах и агентах (хотя и о них тоже), сколько о созидателях и движителях совершающихся трансформаций. А заодно о глубинных мотивациях глобального сдвига.

¹ К.Манхейм. Демократизация культуры. 1932.

Новый интеллектуальный класс – энергичное и яркое племя, явившее миру калейдоскоп своих прозрений и миражей где-то на пороге 70-ых годов прошлого века. (Оставим пока за скобкой прагматичную и гротескную тень его предтечи – джиласовский «новый класс», да и всю противоречивую тему «марксизма без пролетариата».) Энергии социального переустройства ворвались в мир, породив массу впечатляющих явлений – прежде всего в американской культуре, – феномены и тренды, которые ныне во многом определяют политический ландшафт не только США, но также Европы, Евразии...

Новое деятельное сословие, даже если не было до поры предметом бурных дискуссий (хотя, пожалуй, было: вспомним, к примеру, полемику, связанную с проблемой «восстания элит», а ныне политическую эквилибристику, связанную с феноменом «разноцветных революций»), то время его полноценного обсуждения за пределами замкнутых профессиональных групп, равно как и всей темы *глобальной социальной революции*, совершающейся на планете Земля, явно не за горами.

Так что именно о социальной, а не о постиндустриальной или информационной революции идет речь, о борьбе за ценности и архитектуру нового эона, о Революции с большой буквы, с грандиозными целями, оригинальными предметными полями, деятельными субъектами и акторами перемен.

АНОМАЛИЯ

Вопреки давно сложившимся стереотипам о творческом изобилии России и неисчерпаемости ее потенциала в данной области, меня с некоторых пор не оставляет ощущение интеллектуального и духовного оскудения, истощения страны. И, прежде всего, это проявляется в сфере государственного строительства, политической философии, стратегической мысли.

Это, конечно же, осознается не только мною. Всякий национальный организм, в конечном счете, опирается на некое мировоззренческое обоснование и перманентное обновление энергий своего существования. Вокруг такого смыслового ядра концентрируются политика, экономика и все прочее. Если же гармония порушена, социальные связи ослаблены, то случается то, что у нас и случилось. Страна потерпела поражение не на суше и не на море. Пораженными оказались сама ее душа и сердце, а сумма социальных контрактов – сброшенной со счетов.

В России любят или, по крайней мере, до недавнего времени любили ссылаться на разбойничий период «первоначального накопления капи-

тала», скажем, в Америке. Во многом это, конечно, иллюзия. Реально Соединенные Штаты проектировали и строили (причем в определенном смысле «с чистого листа» – отсюда необходимость копить и созидать, а не делить и перераспределять созданное ранее) потомки тех особых людей, кто пересек океан на «Мейфлауэре», что, впрочем, совсем не исключало практичности и прагматизма, просто *«тьнь должна знать свое место»*.

Упомянутый выше Карл Манхейм констатировал: *«Существование элиты определяется не жаждой власти отдельных индивидов, а общественной потребностью в исполнении стратегических функций особо квалифицированными людьми»*. Именно такой элитой, *национальной корпорацией*, была вирджинская аристократия, и в результате родилась американская политическая философия, созданная и осмысленная когортой отцов-основателей, сотворивших не просто конституционное устройство очередного государства, но костяк социального организма, устремленного в будущее, проникнутого дерзновенным духом вселенского творчества. Как-то забывается, что социальное устройство Америки формировалось еще до Великой Французской революции, в значительной мере повлияв затем на судьбы и Франции, и Европы, и, как мы видим сейчас, всего мира.

В качестве контрпримера приведу пример страны, вначале не называя ее. Есть в мире огромная территория, в геокультурном отношении принадлежащая Западу, населенная деятельными людьми и обладающая фантастической природой. Но вот в истории роль ее как-то несопоставима ни с размерами, ни с численностью населения... Речь идет об Австралии, государстве-континенте, почему-то кажется, имевшем шанс на создание собственного исторического проекта, но этого, однако, не произошло. В чем дело? Ответы могут различаться. Возможно, определенную роль сыграла как раз история заселения континента на этот раз не идеалистами-пуританами, видящими перед собою Богом данные пространства для созидания нового мира, но совершенно иной породой людей.

Очевидно, что сегодня в России нет «смыслового строительства», отсутствует и стратегическое проектирование ее исторической, политической судьбы, что, конечно, не исключает определенных *замыслов* и политических интриг правящего слоя. Суть проблемы меж тем в дефиците совершенно иного регистра национального целеполагания и строительства... По-прежнему, хотя и глуше, слышны разговоры об удвоении ВВП, экономических и административных реформах, выплатах/по-

вышени выплаты бюджетникам, что, однако, на практике не приводит ни к сокращению высокого уровня смертности, ни к ликвидации резкого разрыва уровней доходов населения. А если речь заходит «о доблестях, о подвигах, о славе» – это всегда апелляции к прошлому, иногда весьма почтенному и в прямом, и в переносном смысле слова, отражением чего оказывается двусмысленная сентенция: *«У России одно великое будущее – ее прошлое...»*.

Мир тем временем становится сложнее и динамичнее, а вопрос о национальной судьбе более чем злободневным – ведь под сомнением оказалось само право: историческое, метафизическое, да просто право России на существование в качестве значимого и суверенного субъекта новой исторической полифонии и мирового концерта держав. Примеры критических мнений об участи и перспективах России в XXI веке приводить не буду, они с некоторых пор стали достаточно многочисленными. Нельзя слишком долго жить на ренту, проживать наследство, гордиться прошлыми заслугами и строить благосостояние на сокровищах, которые зарыты в твоей земле.

Цивилизация имеет определенные мировоззренческие корни, сакральные тексты, на которых зиждутся ее претензии на существование в настоящем и право на будущее. Из Писания мы знаем: когда возникала критическая ситуация в том или ином народе ли, городе, Бог обещал пощадить негодных, если Ему будет предъявлено некоторое, пусть минимальное, число праведников. Сейчас это воспринимается как притча. Пусть так. Но остается вопрос: наберется ли в России это минимальное число людей, которые могут оправдать ее бытие в качестве суверенной, оригинальной державы, чье присутствие на планете обогащает также других представителей рода человеческого?

Однако если подобное право обосновывается только прошлыми заслугами, безбрежными просторами, природными богатствами, а элита определяется лишь по близости к владению и управлению материальными ресурсами, то разговор ведется из совершенно иного культурного измерения, где отсутствует понимание необходимости для государства иметь некую миссию, равно как для личности – предназначение. Коль скоро нужно образное сравнение, представьте огромную яму, до краев заполненную водой, которая, ссылаясь на размер и наличие мокрой субстанции, мнит и представляет себя морем...

Последние годы я несколько неожиданно для себя начал играть в своеобразную игру: просил приятелей и знакомых, а заодно и не слишком знакомых людей написать двенадцать фамилий россиян, которые

могли бы сегодня, в XXI веке, предстать на подобном суде свидетелями защиты. Правда, в силу собственной профессиональной ориентации, я несколько сузил круг поиска. И поскольку обычно действие происходило во время различного рода интеллектуальных посиделок, то слово выбрал «мыслители» и просил сделать список 12 *мыслителей* современной России. Слово смушало. Никто не сумел составить полного списка, не прибегнув ко всякого рода оговоркам и длительным паузам. А большинство останавливалось после нескольких дежурных фамилий.

Ситуация заинтриговала. И после декабрьских выборов 2003 года возник проект ИНТЕЛРОС («Интеллектуальная Россия»), одной из целей которого являлось проведение комплексной экспертизы – рейтинга *социо-гуманитарных мыслителей* страны; сразу же соглашусь, что выбрано было не лучшее словосочетание. Однако хотелось ввести высокую планку – «мыслители» – и одновременно ограничить разговор какой-то важной, но вместе с тем внятной, конкретной сферой: в нашем случае теми людьми, которые размышляют (и публикуют свои мысли) о судьбах страны и мира на том историческом вираже, где застало нас время. Сверхзадачей же проекта было восстановление связи социальной, политической философии и прагматики, породившей на рубеже веков, к примеру, такой социальный феномен, как *политтехнолог*.

Результаты изысканий пока не слишком утешительны с точки зрения открывающейся картины. С выводами экспертизы, осуществленной в несколько этапов, можно ознакомиться на официальном сайте Группы ИНТЕЛРОС – www.intelros.ru. Там же размещены и «правила игры» – регламент проведения рейтинга, полный, поименный список членов Экспертного совета, иная сопутствующая информация.

С каждым новым кругом экспертизы мы стремимся совершенствовать ее, оттачивая с помощью опытных социологов процедуру. Речь идет уже не только об «ансамбле» признанных солистов в хоре. Последняя версия опроса в значительной мере ориентирована непосредственно на создаваемые «здесь и сейчас» тексты – другими словами, опубликованные только за последние полтора года (2004–2005). Тут сказывается опыт перманентных нестыковок с обветшавшей картографией интеллектуального ландшафта, с вьезшимися в сознание стереотипами и репутациями, принадлежащими скорее прошлому веку (это касается весьма квалифицированных экспертов/номинантов да в определенной мере и всех нас). Как-то одного известного в экспертном обществе специалиста, выступавшего по телевидению, ведущий спросил о его трудах последних лет. Возникла неловкая пауза...

ГЕНЕЗИС

У кризиса, переживаемого сейчас не только Россией, но, пусть и в других формах, также на Западе, кажется, весьма глубокие корни. В мире, где мы обитаем, существует два космоса: один – физический; он, несмотря на ускоряющееся разбегание галактик, достаточно инерционен, и речь пойдет не о нем. Существует иной, ближний нам космос – социальный, который создается людьми, определяющими его аксиомы, законы, траектории движения, принципы устройства, основываясь на господствующем мировоззрении, взглядах на смысл бытия и жизнь человека. И время от времени меняющими их, подчас довольно резко.

В принципе, в настоящий момент имеются три основные концепции, объясняющие происходящее. После 11 сентября 2001 г. Фрэнсис Фукуяма заявил в одной из статей², что локомотив Модернити несется столь быстро, что сметает все на пути, отсюда кризис, т.е. кризис в том, что модернизация мира резко ускорилась. У многих тезис вызывает серьезные сомнения, хотя бы потому, что вряд ли можно назвать модернизацией происходящее, к примеру, в Ираке или в Афганистане.

Другую популярную позицию, объясняющую усиление нестабильности и рост кризисных ситуаций в мире, вроде бы можно подвести под тезис Сэмюэля Хантингтона о столкновении цивилизаций (что зачастую и делается). Однако и с подобной оценкой также трудно согласиться, поскольку на планете фактически господствует одна цивилизация – Модернити, втянувшая в себя прочие известные нам культуры, которые ведут текущие споры, пусть с теми или иными специфическими отклонениями, но на едином, признанном и внятном для всех языке.

Я полагаю, что истинный оппонент нынешней цивилизации Модерна – это новый бродильный фермент (пост)современности, некая неопознанная культура, идущая к нам «из будущего», а точнее продуцируемая из глубин истории и подсознания.

Кризис рационализма, даже если это кризис одной из его форм, не проходит бесследно. Человечество переживает культурный шок, рождающий свои химеры. Прежняя культура – культура Нового времени – находится в состоянии системного упадка и разрушения, причем непростая коллизия ее институций сопряжена, в частности, с неосознанным возвратом к спорам и аргументам, доносящимся из времен утверждения

² F.Fukuyama. *Was History Started Again?//Policy.(Winter), The Center for Independent Studies, St.Leonards, 2002.*

в Западной Европе городской цивилизации; скажем так, из Парижского университета далекого XIII века и даже раньше.

Теодор Адорно писал в середине прошлого века о явном для него кризисе сложившихся форм ментальности и схем интеллектуальной деятельности. В своей знаменитой «*Негативной диалектике*»³ Адорно отмечал, что конкретное превосходит общее, а обобщающие реальность модели принципиально дефектны и потому с какого-то момента превращаются в недействительные и разрушительные. Дальнейшие шаги по этому пути совершила в последующие десятилетия когорта французских философов и затем исследователи проблем хаососложности.

Мир не состояние, он процесс. Если вы основываете свои действия на социальных моделях, которые всегда приближительны и зависят от позиции наблюдателя или точности измерений, то в какой-то момент обязательно окажетесь в ловушке. Еще важнее – динамичный и непериодический характер реальности, ее самоорганизующаяся сложность, в которой мы обитаем и действуем. Мир постепенно перестает соответствовать привычным прописям, причем с какого-то момента значительно, и человечество либо начинает его мистифицировать, либо искать утешение в досужих стереотипах, поскольку, говоря откровенно, для людей, воспитанных в рамках прочно сложившейся культуры восприятия мира, происходящие судьбоносные события все чаще демонстрируют качества анонимности, враждебности, а заодно театральности.

Специфическая ментальность человека Нового времени, основы которой были заложены воспринятым в свое время Европой аристотелизмом (точнее, аверроизмом) и закреплены впоследствии эпохой Просвещения, уводила человека от великой сложности бытия. Проясняя, *просвещая* сознание, сокрушая традиционалистские дебри и языческие кумирни, линейная, причинно-следственная ментальность одновременно воздвигала невидимый забор между реальной, *критической* сложностью мира и, как оказалось, человеческой, слишком человеческой методологией его исследования. А заодно выработанной за столетия и канонизированной, «рабочей» моделью мироустройства, этой, как сейчас выясняется, погремушкой истинного порядка вещей.

С какого-то момента пространство внутри заботливо воздвигнутого забора оказалось сплошь вытопанным. Стали множиться противоречия, конфликты. И подросшие люди потянулись заглядывать за ими же выстроенные ограничения в поисках иной формулы рациональности и

³ Т.Адорно. *Негативная диалектика*. М.: Научный мир, 2003.

другого смысла/замысла реальности. Вернувшись, таким образом, к полемике и ментальным кодам, столь характерным для истоков цивилизации Большого Модерна. Обновление, одновременно его императивность и притягательность были во многом предопределены казусами, парадоксами прорывных достижений науки, что в свою очередь предопределило экзотику философских, да и социальных, метаний XX века.

Устройство мира оказалось более сложным, нежели гармоничным или какофоничным, выяснилось, что оно иное, что истоки его лежат вне привычных человеческих мерок и представлений. По крайней мере, характерных для культуры, развившейся за последние несколько веков, и соответствующих моделей человека, общества и природы. Социальная история последнего столетия, наряду с тенденциями развития массового потребительского общества, все настойчивее декларировала, что люди, если выражаться в терминах данной культуры, – *переменные, способные к независимому перемещению*, и потому создают неисчислимое поле вероятностей. Или, говоря другими словами, освобожденный социум являет собой некое подобие фазового пространства. При этой, кажущейся на первый взгляд непреодолимой неопределенности бытия человечество тем не менее оказывается способным и к глубокому замыслу, и к долгосрочному, масштабному по своим последствиям действию.

Так прежняя европейская культура с интеллектуальными и социальными производными вступила в полосу великого кризиса, оказавшись на перекрестке расходящихся троп, сводимых воедино где-то вдали грядущим и неведомым до поры аттрактором.

Переход к нараставшему на протяжении XX столетия пониманию гораздо более сложного, критичного характера окружающей нас реальности, практики и структур повседневности оказался все-таки достаточно неожиданным для просвещенного общества. Сложность композиции жизни, балансирующей на грани хаоса, с трудом поддавалась прочтению либо не поддавалась вообще, в особенности, если исследователь так или иначе продолжал ориентироваться на прежний круг «аксиом».

У нового образа мира, отразившего, словно разбитое зеркало, критичность самой жизни и подлинный динамизм/драматизм бытия, существенно меняется семантика, но при этом практически отсутствует категориальная лексика. Хорошая иллюстрация – события 11 сентября 2001 г. Сейчас практически с равной степенью убедительности можно говорить, что теракт провели исламские экстремисты, американские спецслужбы, израильтяне, европейцы, транснациональные корпорации и т.д. И у каждой из подобных точек зрения найдутся свои квалифици-

рованные сторонники. Попытка же скрупулезно описать происходящее наталкивается на те или иные лакуны. Язык перестает адекватно отображать реальность. Это означает, что мир вновь становится анонимным. Ибо, если на один вопрос находится десяток ответов, чаще всего это означает, что ответа нет вообще. Вы не понимаете, что происходит в мире, а просто *рассуждаете* об этом, ибо рассуждать стало жизненно важной привычкой. Тем временем социальный космос стремительно приближается к состоянию Большого Взрыва, который, возможно, породит совершенно новую антропологическую вселенную.

КОНТЕКСТ

Россия в настоящее время является не субъектом, а скорее объектом в системе мировых связей, причем – что создает дополнительные сложности – объектом сразу нескольких проектных комплексов, включая закрытые. Однако картография данной сферы вряд ли может быть прочерчена двумя–тремя векторами стратегий: (пост)современное политическое поле напоминает, скорее, ломберный или, так сказать, «покерный» столик, нежели классическую шахматную доску.

Более или менее на виду, естественно, американский проект, который, в частности, выстраивает *другую*, «дополнительную» Европу как противовес прежней континентальной конструкции, т.е. как действенный рычаг для атлантической, проамериканской, ориентации Евросоюза. Иначе говоря, есть Европа, которую мы понимаем как континент *«поросших мхом каменных плит истории»*, чья целостность возродилась одновременно с муками объединения Германии (что было далеко не всем по душе), и несколько версий будущего Евросоюза. Сейчас – частично в рамках Евросоюза, этого потенциального глобального конкурента американскому мессианизму (одна из возможных версий), – складывается специфическая «Европа-2», конструируемая на основе Балтии, Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Объективно она размывает границы и целостность Евросоюза, становясь противовесом намечавшимся конфигурациям и замыслам европейской элиты, которая оказывается, таким образом, в ситуации цугцванга: либо отказа от сложившегося дизайна Евросоюза, либо его коренной реконструкции, на что, как минимум, уйдет драгоценное время.

Другими словами, сегодня, как и в период холодной войны – хотя на иной основе, – на континенте складываются две различные ипостаси европейского концерта, кажется, приходящего в замешательство.

Постсоветское пространство и Россия-РФ шаг за шагом вписываются в этот генеральный проект. Вопрос, правда, каким образом они туда вписываются: вместе или раздельно. То есть поток «бархатных» революций, формирующий карту *другой Европы* – по сути, образования проамериканского, – очерчивает, в конечном счете, свой вектор непосредственно до Китая. В рамках данного проекта американцы не заинтересованы в распаде России-РФ, но при условии признанного, устойчивого отмежевания от имперских поползновений на восстановление «советского мира», а также определенной «стилистической» реконструкции.

В многомерном – скорее многомерном, нежели многополярном, – политическом контексте присутствует и европейский (западноевропейский) замысел с собственными темами и вариациями, нацеленными на поиск стратегических/конъюнктурных союзников, не всегда, правда, выставляемых напоказ. Атлантическое сотрудничество-соперничество с американским «кузеном», на поверхности представляющееся более или менее гладким, в глубине сплошь усеяно острыми подводными рифами. Но, помимо хитросплетений этой подспудной борьбы, существуют иные направления, включая рассматривавшуюся в свое время возможность, причем сразу в нескольких проекциях, союза с Россией. Или особые отношения с миром ислама, либо более изощренный, но одновременно прагматичный вариант – система стратегических координаций и далеко уходящих связей с обширной мусульманской диаспорой.

Кроме того, мы подчас забываем о социальной и политической онтологии, различной даже внутри, на первый взгляд, генетически близких миров. У тех же Соединенных Штатов принципы перманентной революции, строительства нового мирового порядка, мессианизм заложены в основах их политической и правовой культуры. Образно говоря, американская культура, в отличие от европейской, склонна питаться не столько токами прошлого, сколько энергиями будущего. *«Наша страна со всеми ее институтами принадлежит народу, населяющему ее. Если народу надоест существующее правительство, он может воспользоваться своим конституционным правом и изменить его политику, или использовать свое революционное право, чтобы заменить часть министров, или даже полностью сместить правительство»*, – слова эти принадлежат главе государства – американскому президенту Аврааму Линкольну.

Именно на подобной философии строится сейчас Америкой идейный и политический каркас *«глобальной демократической революции»*,

включающий тезис о естественном праве народов на свержение тираний. Сегодняшние «бархатные революции» на этом фоне смотрятся как разведка боем обширного политического и исторического замысла. Схожие принципы, кстати, не менее четко прописаны в «Декларации независимости США»⁴: «...когда длинный ряд злоупотреблений и насильий... свидетельствует о коварном замысле вынудить народ смириться с неограниченным деспотизмом, свержение такого правительства и создание новых гарантий безопасности на будущее становится правом и обязанностью народа».

Вудро Вильсон, американский президент-провидец, еще в начале прошлого столетия открыто провозглашал пришествие (причем не вполне добровольное) нового мирового порядка: «Нынешний век... является веком, отвергающим стандарты национального эгоизма, ранее правившего сообществами наций, и требует, чтобы они дали дорогу новому порядку вещей...»⁵. Он обозначал цели мировой политики в выражениях, которые звучат для нас, современников Ирака, Афганистана, Балкан и всевозможных «разноцветных революций», вполне привычно и даже слегка банально. Но эти слова в свое время потрясали и шокировали современников. Так, 4 июля 1918 года Вильсон призвал к «уничтожению любой деспотической державы, где бы та ни находилась, которая могла бы самостоятельно, тайно и по собственному усмотрению нарушать мир во всем мире, а если таковая в настоящее время не может быть уничтожена, то она, по крайней мере, должна быть приведена в состояние полнейшего бессилия»⁶. И еще один знаменательный его тезис: «Мы не ограничиваем нашу горячую приверженность принципам личной свободы и беспрепятственного развития лишь теми событиями и переменами в международных делах, которые имеют отношение исключительно к нам. Мы испытываем эти чувства всегда, когда имеется народ, пытающийся пройти по трудному пути независимости и справедливости»⁷.

Другое проектное древо наших дней по-своему альтернативно предыдущему. Китай, рассчитывающий максимально использовать исторический шанс своего слабо сдерживаемого извне роста (что уже проявилось в, практически, беспрепятственной реализации программы страте-

⁴ См. в ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия. 2005. №1. С.66.

⁵ Цит. по: Г.Киссинджер. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. С.40.

⁶ Там же. С.41.

⁷ Там же. С.36.

гического ядерного вооружения страны), в настоящий момент озбочен скорее энергетической, нежели глобалистской, проблематикой. Обретая высокотехнологичную экономику, КНР остается промышленно-индустриальной державой: новая «промышленная мастерская мира» в не столь уж отдаленном будущем (по оценкам специалистов – к 2030 году) может стать основным потребителем энергетических ресурсов планеты.

Пекин, однако же, серьезно опасается «энергетической гипоксии», которая, действительно, хотя пока и в косвенных формах, постепенно реализуется. Это быстро растущие цены на нефть, политическая проблематичность выстраиваемых и планируемых нефтегазовых цепочек (как морских, так и сухопутных), трудности, испытываемые при строительстве уже согласованных нефтепроводов, ведущие к возможности разрывов в сроках стратегических поставок, т.е. к нарушению энерго-индустриальной гармонии развития...

Кстати, сюжет с Ходорковским начал развиваться параллельно со спором о конечном пункте российского нефтепровода – Дацин или Находка. ЮКОС, в то время монополюно поставлявший российскую нефть в КНР, выступал за китайское направление. Сейчас проблемы возникают и вокруг казахской «нитки» Восточного нефтепровода, которую тянут в Китай. В ответ КНР, несмотря на неудачи, наподобие попытки купить «Славнефти», старается диверсифицировать географию своей зарубежной нефтяной собственности (от Сахалина и Индонезии до Казахстана и США), отдавая при этом явное преимущество близко расположенным странам и месторождениям. Китай одновременно создает тридцать атомных энергоблоков мощностью по гигаватту каждый, планирует вложить несколько сот миллиардов долларов в гидро-электроэнергетику, закупает и развивает технологии производства искусственного топлива (в 80-е годы применявшиеся в ЮАР в период нефтяного эмбарго страны). Таким образом Пекин последовательно выстраивает собственную долгосрочную стратегию, но действовать старается в «мягкой стилистике».

Так что в нынешних обстоятельствах, наверное, нужно говорить не столько о российской политике в отношении Китая, сколько о масштабных планах КНР по обустройству своей геоэкономической, политической и стратегической безопасности. Сейчас, кстати говоря, страна установила хорошие отношения с Индией, урегулировав ряд серьезных приграничных проблем. (Но и у Индии, отмечу для полноты картины, есть собственные версии стратегического партнерства.) Определенная

группа российской элиты ориентируется на китайское направление, рассчитывая на некие гарантии, прежде всего, своим финансовым капиталом. Кроме того, Восточная Сибирь и Дальний Восток через некоторое время могут стать не вполне жизнеспособными, их придется кем-то заселять. Скорее всего, заселять будут через иммиграционные пункты, и тогда в Россию переместится некоторая часть китайского образованного класса. Возникает контур разделения экономического и социального пространства страны на два макрорегиона, питаемых из различных источников и населенных разными культурными и этническими группами.

Следующий круг сценариев сплетает нити предыдущих проектов вокруг пространств Центральной Азии и Синьцзян-Уйгурского направления. Наверное, следует упомянуть также о проблеме Поволжья и Южного Урала, о стратегических аранжировках гипотетичного российского коридора Юг–Север в его различных версиях. Кроме того, для Америки было бы соблазнительно использовать исламский и российский факторы, чтобы в той или иной форме окружить и потеснить стратегического оппонента – Китай. Но, с другой стороны, возможно и парадоксальное, на первый взгляд, прагматичное сотрудничество Китая и ислама, оппозиционное по отношению к сложившейся формуле мирового истеблишмента. И, быть может, кажущийся еще более парадоксальным вариант – стратегическое взаимодействие Соединенных Штатов и КНР. Или Евросоюза и Китая против *«глобального, неважно нещерного или высокоиндустриального, варварства»*. К тому же сама Америка давно не едина, ее элита в значительной мере расколота, а будущее связано с серьезными социальными, идентификационными и демографическими изменениями.

Подобные рассуждения, хотя и с определенными оговорками, основываются на доминировании в (пост)современном мире таких субъектов, как национальные государства или их коалиции. При этом за рамками рассмотрения остаются уже не раз, хотя и вскользь, упомянутые, но, пожалуй, не ставшие от этого более внятными влиятельные организации старых глобальных и новых, транснациональных, только нарождающихся «диаспор». А также других динамичных, связанных со сценариями управляемого и *управляющего* хаоса, масштабных корпораций и кланов...

Находящаяся в становлении система мониторинга и контроля над глобальными процессами строится на заметно иной управленческой платформе и реализуется другими группами властной координации,

нежели публичные политики и национальные корпорации. Здесь много общего с темами восстания элит, трофейной экономики, территорий смерти, связи квазистабильности одних регионов и режима управляемого хаоса в других. Здесь же истоки основного конфликта XXI века: между «техникой» и «деньгами», между силовыми возможностями *бегемота с совестью* и управленческим могуществом *леваифана глобализации* (мифоисторический конфликт за финальную гегемонию между «змеей» и «волком»).

Иначе говоря, рядом с более или менее традиционными и внятными проектными комплексами проступает тень нового, глобального оппонента драматургии прежнего акта исторической пьесы, нависающая над цивилизацией, корректируя в ходе спонтанных и организуемых турбулентностей реализацию основными игроками «длинных сюжетов».

Все это – тот кипящий бульон, в котором варится современная Россия. Но в критический момент своей истории страна оказалась лишена не только политической субъектности. Приходится повторять уже сказанное: нет у нее в XXI веке ни долгосрочного социополитического проекта (лишь колоссальное «лernerское» болото разнообразных, противоречивых интриг), ни реальных центров национального стратегического планирования, ни соответствующих компетентных кадров. Силы ушли в основном на замыслы, связанные с удержанием и перераспределением власти, на политические игры с региональными и иными элитами. В результате политические институты вырождаются, партийные превратились в род шоу-бизнеса – ожившую карикатуру на прежние замыслы и идеалы.

И что, может быть, даже важнее, нет у России-РФ своего внятного, адекватного времени, национального, имперского или иного, устремленного в будущее и трезво оценивающего настоящее *языка*. Лишь ставшие нормой дежурные, картонные фразы, канцеляризм, нечленораздельность, вызывающая хохот, меняющиеся на ходу «благие намерения», демагогия, болтовня, кривляние (как сказал бы Достоевский, *«познавшее и принявшее мир братство во грехе, пороке и убожестве»*), поскольку у люмпен-элиты напрочь отсутствует неперменная основа связной, заставляющей затихать зал и вызывать подъем чувств государственной речи – политическая философия, мировоззрение, нравственное чувство, метафизика.

ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

Первое – возможно, на планете возникнет еще одна, соответствующая духу времени, сумевшему сочетать тенденции массовизации и индивидуации, транснациональная версия христианской культуры *странников и пришельцев*, для которых «всякая чужбина – отечество и всякое отечество – чужбина».

Другой вариант: христианский мир как система определенной культуры и устройства социума (мировоззренческого обоснования его начал) подходит к концу, и на планете возникает некое постхристианское общество, *Мир игры*, безмерно повышающий ставки, по-своему оценив риск безумия, смерти и вообще бытия.

Третье предположение может показаться чересчур уж экстравагантным: не исключено, что в мире энергично возрождается «новая религия», а на деле вполне определенная, хотя и крайне эклектичная, мозаичная, многоликая древняя культура. Она вечный спутник христианства, его «темный двойник», гностическая традиция, т.е. вышеупомянутую неопознанную культуру постсовременности я опознаю как возрождение гностицизма.

Возможен и четвертый вариант: вышеперечисленные тенденции реализуются одновременно в виде эклектичного «социального коктейля», который ставит мир и жизнь ни во что.

В чем, однако же, тут «уголек»? Гностическая культура в принципе отрицательно относится к жизни как таковой, рассматривая акт уничтожения бремени земного бытия как освобождение. Ее метафизика сводится к массовой гибели и тотальной деструкции, поскольку люди содержат в себе божественные искры, которые могут-де быть освобождены лишь посредством уничтожения тел. Покойный папа Иоанн Павел II в 1995 году в своей энциклике «*Евангелие жизни*» употребил и обосновал понятие «культуры смерти». Сейчас, однако, это понятие приобретает гораздо более широкий и зловещий смысл. Так что гипотетическую (пост)современную культуру смерти я толкую как постепенную формализацию, социализацию и реализацию иерархии ценностей, имеющую конечной целью системную деструкцию, разработку и проведение высокоэффективных действий, направленных на уничтожение человека.

Речь может идти о социальных нормах, в чем-то подобных тем, которые складываются сейчас, на основе признания легитимности эвтаназии; абортс с повышением возраста плода (хотя есть данные, что это уже мыслящие существа); поддержки гомосексуализма, по определению ведущего к падению рождаемости, а также социального геноцида и

стерилизации по социальным параметрам. Уместно вспомнить участвовавшие упоминания о биоэкспериментах и соответствующих технологиях, могущих иметь следствием сокращение жизни на Земле (в частности, в восточноазиатском регионе). О технологиях, создаваемых как в рамках армий и спецслужб, так и вышедших за пределы государственного контроля и разрабатываемых в недрах новых социальных организмов соответствующей направленности. Наконец, упомяну в этом контексте «новый терроризм», что бы под этим ни подразумевалось, теоретически способный продемонстрировать свою деструктивную эффективность на совершенно ином уровне.

Все это – темы и опасения, ставшие привычными за последнее время. Однако у культуры смерти есть более глубокий аспект (частично я разбираю его в статье «*Культура смерти*», опубликованной в №1 журнала «*Интеллектуальная Россия* за 2005 год»), который не просто переворачивает иерархию ценностей, но прямо выворачивает наизнанку привычную для человека траекторию жизни: «...я не могу ничем так послужить любимому делу, как смертью за него, и в смерти я свершу больше, чем за всю свою жизнь». Это слова не современного шахида, а Джо Брауна, «*чье тело в земле, а дух – на небесах*».

И даже еще глубже, переходя в метафизические измерения бытия: «*Дайте мне стать пищей зверей. В полной жизни выражаю я свое горячее желание смерти... Мои земные страсти распяты, и живая вода, струящаяся во мне, говорит: приди ко Отцу. Я не хочу больше жить этой земной жизнью*». Здесь битва разворачивается уже в иной среде, в ней участвуют люди иной природы, равно отвергающие мир, но порой преследующие при этом диаметрально противоположные – как противоположны любовь и ненависть – цели.

Для большинства людей цель жизни – это карьера, следствием которой являются комфорт, деньги, власть, что укладывается, в общем-то, в конструктивные формы существования. В культуре же смерти вершина карьеры – амбициозная смерть, потенциально с невиданными последствиями, в сравнении с которыми разрушения Всемирного торгового центра или Пентагона показались бы просто разбитыми елочными игрушками. И это не геростратова амбиция, она основана на совершенно ином чувстве, не требующем ярмарочного признания во внешнем мире.

Если общественная страсть, лежащая в основании современного мира, то есть безудержная человеческая энергичность, бессознательное влечение к социальному творчеству, стремление к культуртрегерству и мессианизму той или иной версии «*симфонии для всех жителей плане-*

ты» покинули душу цивилизации, пропитавшейся стремлением к индивидуальному комфорту и личной безопасности, если «духи рынка» оставили ее загнивать, постепенно превращая в тотальное корыто всеобщего, всеядного потребления и «райский хутор» коммерческого расчета, это еще не значит, что страсть вообще покинула землю.

Страсть не погибает: падение одних служит наглядным уроком для других, вызывая одновременно и сострадание, и презрение. Пройдя сквозь регресс и перерождение, страсть обретает иные формы выражения (ср. деструктивную энергетику «Бойцовского клуба» или «Королевской битвы II»). Новая земля творится сегодня не «ангелами», и «ночь творения» исходит из очагов хаоса, из бездонных глубин отчуждения, отчасти уже познанных и признанных человеком.

Теперь не только добровольная жертва служит метафизическим оправданием смерти. Из перманентной отверженности, ненужности, отчаяния возникают заповедники иного типа, отмеченные трупными пятнами на окропленной слезами, потом и кровью земле. И почва этих «территорий смерти» тоже иная: она из суммы горстей праха, зажатых в кулаках преждевременных агоний и миллионных конвульсий. Субстанция темной страсти – это не только безнадежная ярость глобальных фавелл и гарлемов. И не только суммарное зло нищеты, междоусобиц, войн, циничного презренья к достоинству человека, когда-то познанному и признанному цивилизацией.

Возникающая в различных точках земли новая порода людей и яростная природа их страсти – заря иного мира, опаляемого темным светиллом, согласившегося воспеть «гимн Чуме», восславить деструкцию как основную, конечную и желанную цель творения. Подобная метафизика – за пределами нашего тварного космоса, она соткалась в черных провалах «Вселенной смерти», поэтически – хотя и с тайным ужасом, требующим невообразимого жертвоприношения, – воспетых Владимиром Лефевром. И эта (полу)скрытая поэтика мира тотальной, универсальной деструкции уже сейчас посылает нам своих перепоясанных смертью вестников.

Однако, предворя драматичный образ вздернутого на дыбу сообщества, флюиды мира раскованного Прометея проявляются пока в других, скажем так, менее колоритных трансформациях практики. Войдя в резонанс со временем, они, тем не менее, существенно модифицируют социальную среду, меняя ее установления, институты, привычные коды и траектории действия. В (пост)современном космосе возникает поколение организованностей, которое я и называю *амбициозными корпора-*

циями. Это «пучки амбиций» конкретных личностей, симпатизирующих друг другу и когерентно взаимодействующих на путях достижения некой сфокусированной цели. Причем цели, которые они ставят перед собой, далеко не исчерпываются экономическими параметрами, речь идет о дальних границах и горизонтах трансэкономических систем.

К культурно-политической смеси метафизического экстремизма и гротескного реализма все чаще добавляются энергии и ценностный компонент, которые могут исходить как из традиционных религий, так и из чрева нетрадиционных сект либо из эклектичного парагностического источника. Национальные корпорации, еще недавно чувствовавшие себя полноценными хозяевами на площадках собственных государств, поколебались и надломились. Из щебня и обломков прежних элит складываются транснациональные конstellации астероидных групп, подобно изгоям глобальных Помпей либо Трои, устремленные в подернутую дымкой неизвестность и смертельно ранящие встречающиеся им на пути планетарные тела иных стран и весей. Поскольку так или иначе они уже пережили неустойчивость родной почвы и отделение от собственных «планет-государств».

Одновременно в мире складывается иерархичная, нелинейная и динамичная система управления, частично уже принятая к исполнению, хотя основана она на не вполне познанных принципах и вовсе неизвестных, по крайней мере, публике, ценностных иерархиях. Мы наблюдаем сияние отдельных новых звезд и созвездий – этих «статичных» элементов меняющегося положения вещей – в виде, скажем, разноликих международных регулирующих органов, нависающих над мозаичным обществом национальных государств, но это лишь часть картины, видимая сквозь сгущающиеся тучи пепла.

Впрочем, национальные государства очевидным образом сохраняются, однако их исключительное прежде положение и полноценная релевантность социальной практике подорвана, а местами – парализована. Этаж за этажом над прежними субъектами международных отношений выстраивается другой мир: вселенский Олимп и турбулентная среда Новой Лапутании или Нового Карфагена, – на летучих островах которого прежние игроки заключают странные сделки, образуют экзотичные альянсы и выстраивают химеричные союзы. Что же касается игроков новых, то, поскольку какая-то особая заинтересованность в социальном позиционировании у них нередко просто отсутствует, они так и остаются анонимными, неопознанными субъектами действия.

В дополнение к начертанной на рушащихся опорах современности огненной скорописи «*мене, текел, упарсим*» хочу добавить лишь одну тезу.

Безусловно все вышесказанное в лучах обыденности вполне может выглядеть гротескной, алармистской страшилкой, почти карикатурой. Обыденность и привычный ход вещей, структуры повседневности и здравый смысл, да просто конвенциональность – все это очевидные барьеры на пути рвущихся из бездны сил и заодно возможности лице-зреть их чужеродный, незнакомый облик. Когда-то я писал, что история напоминает структуру гена, ибо у нее две составляющие, одна из которых «предписывает» устойчивость, а другая – подверженность мутациям. Об инерционности масс и культур уже шла речь, но разговор велся и о том, что в мире существует такой фермент, как свободная личность, рискующая заглядывать в подсознание, исследовать собственную природу. Причем личность эта владеет в наши дни необыкновенным инструментарием – организационным, информационным, финансовым, инфраструктурным, техническим, технологическим, – которым человек не обладал никогда прежде в истории.

Сегодня, как и раньше, люди различных дерзновений могут формулировать – на той или иной основе – долгосрочные проекты, искать симпатизантов, источники ресурсов, реализуя намеченные цели. Однако теперь у них есть не только всегда доступный человеку шанс, но также уникальные, эффективные, остро отточенные инструменты...

Я думаю идущее сейчас к власти четвертое сословие в чем-то сродни первому: и как его продолжение, ветвь, и как карикатура, извращение. Конечно, речь идет о крайних, пограничных позициях.

Я думаю также, что в новом интеллектуальном классе заложено в зародыше нечто большее, нежели «основное противоречие наступающей эпохи», хотя и это тоже. Иначе откуда родиться простому как «да» и «нет», как «черное» и «белое» такому *житейскому* классовому конфликту, привычно драматизирующему социальные проекты сообщества? Причем с обеих сторон общественной иерархии. Но есть в этой дилемме бытия – всегда ощущаемой, однако различным образом толкуемой человеческой дихотомии – нечто большее: здесь кончается долина и начинается предгорье, тут обретаются предел падения и вершина восхождения и даже возможность сверхдолжного возвеличивания человечества.

Это два крайних состояния души и *догадывающегося* интеллекта, а иначе сказать, две породы (природы) нового класса – его основная

внутренняя коллизия, источник разделения, исторический или уже метафизический движитель. Они столкнутся, в конечном счете, продвигаемые своим основным инстинктом и прочувствованным эсхатологическим нетерпением, связанные последним конфликтом истории, обрушив преграду перед вожделенной, желанной целью каждой из сторон. Исход конфликта определит судьбу человечества, но не в смысле его будущности, а как пробу на благородство металла, брошенного на миг в чан с царской водкой, чтобы выявить затем в некотором, прошедшем сквозь горнило остатке весомость и смысл всего прожитого бытия, его главную, тайную страсть или любовь.

И все же, каким лицом новый класс повернется к России? Ведь и для нашей страны этот класс не является абстрактной гипотезой. Он активный субъект и деятельный персонаж всего меняющегося мира. И он стремится к власти. Его конфликт с ветшающими мировоззренческими, политическими, экономическими, культурными представлениями уходящей эпохи предопределен генетикой истории и потому неизбежен. Как неизбежно столкновение со структурами, защищающими эти представления. Умножающиеся на постсоветском пространстве «майданы» – лишь отблески грядущих пожаров глобальной социальной революции.

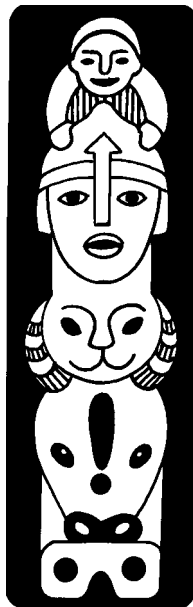
Сопротивление старого мира, умелые, энергичные действия его институтов способны растянуть, заглушить либо, напротив, обострить, подогреть разгорающийся конфликт. Как показывает история России, предпочтение в стране традиционно отдавалось подавлению и уничтожению конкурента. Но, повторюсь, если право на историю обосновывается лишь былыми заслугами, просторами и богатствами, а элита определяется не по признаку своего качества, а по близости к власти и материальным ресурсам, живя соответствующими интересами, значит, в правящем классе напрочь отсутствует понимание необходимости для государства иметь миссию, равно как личности – предназначение. Тогда этот строй не имеет исторической перспективы, и под политикой он, скорее всего, понимает искусство хитросплетенной интриги. Обеспечит ли подобный строй мысли и политической культуры достойную будущность России?

Прежняя Россия живет под дамокловым мечом, хотя сроки можно растягивать, как пружину или гармошку, но не беспредельно, а вплоть до кровавой раны в лоб. И социально активной личности предстоит выбрать свою сторону баррикад в грядущем или уже идущем сражении.

Мотивированность является необходимым условием ... мифа; в мифе обыгрывается аналогия между смыслом и формой; нет мифа без мотивированной формы. Чтобы уяснить себе всю силу мотивированности мифа, достаточно немного поразмыслить над следующим предельным случаем. Представьте, что передо мной имеется некая совокупность предметов, настолько разнородных, что я не могу обнаружить в ней никакого смысла; кажется, что при отсутствии формы, наделенной заранее смыслом,

невозможно обнаружить никаких отношений аналогии и что возникновение мифа в этом случае невозможно. Однако форма позволяет *вычитать* здесь сам беспорядок; она может наделить значением сам абсурд, сделать из него миф.

Ролан Барт

Валерий Каджая

**«ПРОГРАММА ЗАВОЕВАНИЯ
МИРА ЕВРЕЯМИ»,
ИЛИ
ЕЩЕ РАЗ О ТАЙНЕ
РОЖДЕНИЯ
«ПРОТОКОЛОВ СИОНСКИХ
МУДРЕЦОВ»**

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

No single book has brought so much of sorrow and blood to Jews as «The Protocols of the learned elders of Zion» has. During the Civil war in Russia the book used to be the principal ideological substantiation for Jewish pogroms and persecution of Jews. The book played the same role in Nazi Germany. In the first half of the 20th century «The Protocols» broke all records in respect of print runs. However when checked the book of the century, to the utmost snafu, proved to be the forgery of the century. It was concocted by agents of the Tsarist Secret Service (Okhranka) and it was published for the first time in December, 1905, in Tsarskoye Selo where Emperor Nicolas II held his residence. And only in early 1920s, when the world was already flooded with «The Protocols», it was discovered that the book was a mere turned pamphlet «Dialogues in hell between Machiavelli and Montesquieu» written by a French pamphleteer Maurice Joly in 1864 and pointed against Napoleon III.

... Раз и навсегда надо поставить точку в споре о том, подлинны «Протоколы» или нет. Как в свое время французская Академия наук вынесла постановление не рассматривать впредь ни одного проекта «вечного двигателя», ибо такового быть не может по определению, – он противоречит законам физики. Досконально установлено, что «Протоколы сионских мудрецов» на две трети списаны с памфлета Мориса Жоли «Диалог в аду между Монтестье и Макиавелли», сочиненного им в 1864 году и содержащего резкую критику диктаторского режима Наполеона III. Списаны слово за словом – плагиат чистой воды.

Хадасса Бен-Итто¹.

Известен курьезный случай, который легко сошел бы за анекдот, если бы не произошел на самом деле. Один известный японский писатель приехал в Израиль, и ему устроили встречу с Менахемом Бегоном, который был тогда премьер-министром. Судя по тому, что Бегин согласился его принять, это был не последний человек в Японии. В качестве дара японский писатель преподнес израильскому премьеру роскошное издание... «Протоколов сионских мудрецов» на японском языке.

Делая этот нетривиальный дар, японец нисколько не сомневался, что «Протоколы» – действительно еврейское сочинение, но, по его мнению, оно свидетельствовало вовсе не о коварстве и злокозненности, а, напротив, об уме, исторической интуиции, организаторских способностях и прочих превосходных качествах еврейского народа. Он полагал, что еврейский народ вправе гордиться таким замечательным сочинением, и выразил израильскому премьеру свое полное восхищение. Бегин был в шоке. Но и почитатель «Протоколов» был немало поражен, когда выяснилось, что израильские собеседники совершенно не разделяют его искренних восторгов в отношении этой «замечательной книги».

¹ Хадасса Бен-Итто — первая женщина, ставшая членом Верховного суда Израиля, видная исследовательница истории «Протоколов...», автор книги «Ложь, которая не хочет умирать». Родилась она в Польше, в небольшом городке Бжезин близ Лодзи. Ровно за год до нападения гитлеровской Германии на Польшу семья Хадассы эмигрировала в Палестину, что и спасло ей жизнь.

Ровно сто лет назад, в декабре 1905 года, в Царском Селе была издана книга известного религиозного писателя Сергея Нилуса «Великое в малом», а в нее в качестве приложения включены тогда еще никому не известные «Протоколы сионских мудрецов». В предисловии к публикации было сказано, что это перевод «Протоколов заседаний всемирного союза франкмасонов и сионских мудрецов». Книге этой суждено было стать одной из самых читаемых в XX веке. До сих пор на многих языках мира вплоть до корейского и японского продолжают издаваться «Протоколы». Их распространители используют заведомую фальшивку, чтобы взвалить на евреев вину за происходящие в мире войны и революции, экономические кризисы и эпидемии, социальные потрясения и разгул терроризма. Ложь, разоблаченная снова и снова, продолжает свою разрушительную работу, отравляя сознание несведущих людей. На книжных развалах Москвы, Петербурга, Краснодара, да любого крупного российского города, «Протоколы сионских мудрецов» свободно продаются, наряду с «Майн кампф» Гитлера. Я упомянул эти две книги рядом не ради красного словца: Гитлер черпал вдохновение в «Протоколах». И до сих пор, несмотря на то что Адольф Алоизович давно канул в Лету и проклят, «Протоколы сионских мудрецов» продолжают оставаться сильнейшим идеологическим оружием антисемитов всех мастей. А родились «Протоколы» в недрах царской охранки и именно в России начали свой триумфальный путь по миру.

Чем занимался в Париже Рачковский?

Петр Рачковский не просто не любил евреев, у него на них была фирменная идиосинкразия. С самого детства. Будущий шеф российской разведки в Западной Европе родился в 1851 году в захолустном бессарабском городке Дубоссары, где его отец работал в скромной должности почтмейстера. Дубоссары и сейчас полугородок, полудеревня, а тогда это и вовсе было типичное местечко черты оседлости. Расположенное на берегу Днестра, утопающее в уютных садах, оно было бы поистине райским, если бы не евреи. Евреи портили идиллическую картину. Они раздражали местное начальство, к числу которых принадлежал и почтмейстер. Во-первых, потому что их было много, а во-вторых, жили они не как все, то есть не как православные. Начальство же российское, особенно в николаевскую эпоху, было приучено к мысли, что все должны жить одинаково – по ранжиру. Именно тогда в Бессарабии стали распространяться слухи, что евреи

перед своей Пасхой похищают христианских детей, особым способом убивают их, чтобы выцедить из трупа всю кровь до последней капли, а затем эту кровь подмешивают к маце. Один из таких слухов и послужил в 1903 году поводом к ошеломившему весь мир Кишиневскому погрому. За два месяца до него в Дубоссарах был найден убитым 14-летний подросток Миша Рыбаченко. Единственная кишиневская газета на русском языке «Бессарабец»² тотчас объявила это убийство ритуальным, изо дня в день красочно описывая, как евреи зверски мучили в подполье несчастного мальчика, и призывала христиан к мести. В Петербурге и Москве эти заметки перепечатывали местные черносотенные газеты. Истинным же убийцей оказался двоюродный брат Миши: он это сделал из-за наследства, отписанного Мише их общим дедом. Но тут и «Бессарабец», а также «Новое время», «Свет» и другие столичные газеты, как по команде, словно воды в рот набрали.

В Кишиневе в то время проживало 50 тысяч молдаван, ровно столько же евреев и 8 тысяч русских и украинцев. Разогретое почти двухмесячной поджигательной пропагандой неграмотное и невежественное в массе своей православное население Кишинева легко поддавалось подстрекательским выходкам черносотенцев. 6 апреля – в последний день еврейской Пасхи и первый день православной – начались уличные столкновения, переросшие в побоища, продолжавшиеся два дня. Было убито 45 евреев, более пятисот получили ранения разной степени тяжести и около 10 тысяч разорены, ибо распоясавшиеся погромщики крушили подряд еврейские дома, лавки, мастерские...

Маленький Петя, слышавший в семье разговоры о похищениях христианских детей, не только ненавидел евреев, но испытывал некий мистический страх, который пронес через всю свою жизнь. А жизнь его складывалась как захватывающий роман. И лучшие его страницы посвящены евреям. Сначала он искусно маскировал интерес к этому народу, изучал историю его и обряды и даже умудрился около четырех месяцев возглавлять новый петербургский журнал «Русский еврей». Рачковский к этому времени перебрался в столицу и стал заниматься литературным трудом. Но труд этот кормил его плохо, и несостоявшийся журналист предпочел ему службу в Охранном отделении. В 1883 году он уже был адъютантом начальника тайной полиции Санкт-Петербурга, а еще через год получил назначение в Париж резидентом!

² Ее редактором и издателем был Павел (Паволаки) Крушеван, крупный молдавский помещик, один из основателей и лидеров «Союза русского народа».

Этот пост он занимал 19 лет и, фактически начав с нуля, создал мощную агентурную сеть во Франции, Швейцарии, Англии, Австрии, Венгрии и Германии. Она имела специфический характер: ее агентов не интересовали военные и государственные секреты стран пребывания. Их основной задачей было осуществлять тайный надзор за деятельностью русских революционеров за границей, которые в основном оседали в Париже. Поэтому Рачковский и был направлен именно туда и уже из Парижа, как паук, стал ткать свою сеть по всей Европе. В самом же Париже, на левом берегу Сены, в знаменитом Латинском квартале, в котором проживало большинство революционеров, Рачковский открыл ресторанчик, где за умеренную плату гостей вкусно кормили русскими блюдами. Очень скоро место это стало самым популярным в среде эмигрантов из России – левых убеждений, разумеется. Они чувствовали себя здесь как дома, и, в конце концов, все оказались под «колпаком» у Рачковского и его людей.

«Кухня» Рачковского отличалась разнообразием, но излюбленным ее «блюдом», так сказать «фирменным», была фабрикация писем и памфлетов. Например, в 1902 году он сочинил письмо под именем Г. Плеханова, в котором лидер российских социал-демократов обвинял руководителей «Народной воли» в сотрудничестве с британской разведкой. Для пущей убедительности были весьма искусно подделаны почерк и подпись Георгия Валентиновича, да и стиль письма очень походил на плехановский. Плеханову пришлось потом долго отмываться от всей этой грязи и доказывать, что он не имеет к фальшивке никакого отношения.

Не меньше шуму наделала и сфабрикованная Рачковским в 1892 году брошюра «Англичане сотрудничают с нигилистами». В ней русским революционерам приписывались все теракты, совершаемые в Европе. А также утверждалось, что деньги, собираемые на туманном Альбионе в помощь голодающим в России, на самом деле идут на производство ручных бомб, закупку оружия и организацию убийств видных российских государственных деятелей.

Рачковский был непревзойденным мастером интриг и провокаций, список которых мог составить целую книгу. Мы ограничились двумя примерами, ибо они близки к нашей теме. В Париже к мистическим мотивам «любви» Рачковского к евреям добавился четко выраженный политический аспект. Среди молодых революционеров, покинувших по тем или иным причинам Россию, в Европе, особенно в Берлине и Париже, подвизалось очень много евреев. Много их было и в рядах немецкой и французской социал-демократии и других левых партий. Да и в целом

европейские евреи заметно эмансипировались: здесь уже давно забыли про те средневековые стеснения, которыми были опутаны их соплеменники в России.

Но и Европа тоже хороша

Однако удивительное дело: гражданские свободы, полученные евреями в странах Западной Европы, отнюдь не спасли их от антисемитизма. Напротив, именно с середины

XIX в. он стал набирать силу, особенно в Германии и во Франции. В результате индустриализации и технического прогресса крестьяне и мелкие собственники разорались, и причину своих бед они видели в либерализме и демократии. На этом фоне активность евреев в экономике, финансах, культуре и т.д. выглядела своего рода вызовом. Мощный взрыв антисемитизма был вызван крахом крупнейшего католического банка «Юнион женераль», произошедшим в 1882 году и повлекшим за собой разорение огромного числа вкладчиков, принадлежавших в основном к среднему классу. И это в то время, когда банкирский дом Ротшильдов преуспевал, хотя и его вкладчиками были в большинстве своем не евреи, а те же среднего достатка французы. Как отмечает Хадасса Бен-Итто, мысль о том, что евреи действительно намереваются овладеть миром, узурпировав экономическими средствами политическую власть, начала обретать популярность в сознании французского общества. Ведь должно же было существовать какое-то объяснение тому, что евреи, не имеющие ни собственной страны, ни земли, которую они могут называть своей родиной, столь преуспевают и в большинстве свободных профессий, и в мире финансов. Так зародился и начал обретать черты достоверности миф о международном еврейском заговоре. Антисемитизм стал политической доктриной.

Настоящей Библией французских антисемитов стала книга Эдуарда Дрюмона «Еврейская Франция». Вышедшая в свет в 1886 году, она в течение нескольких лет выдержала не менее 200 изданий! Дрюмон описывает еврея как квинтэссенцию безобразия, отвратительно смердящее существо с бескровным лицом, зеленоватой кожей, когтистыми пальцами и т.д. – одним словом, болотный дух, да и только! У Дрюмона даже Наполеон попал в евреи только за то, что велел окончательно внести в законодательство равенство, «столь неосмотрительно дарованное евреям Учредительным собранием», как не преминул подчеркнуть автор теории «Всемирного Израильского Союза».

Апофеозом антисемитской пропаганды, захлестнувшей Францию, стало сфабрикованное в 1894 г. дело А.Дрейфуса, офицера французского Генштаба, обвиненного по ложному доносу в шпионаже в пользу Германии. В 1906-м Дрейфус был полностью оправдан и реабилитирован, но семь лет в тюрьме он таки отсидел.

В то же самое время в Германии пользовался не меньшим успехом роман некоего сэра Джона Редклиффа «Биариц». На самом деле автором его был бывший почтовый служащий Герман Гедше, уволенный с госслужбы за фабрикацию письма лидера левых Бенедикта Вальдека, ставшего главной уликой в доказательстве его участия в заговоре, предполагавшем покушение на жизнь короля Пруссии и отмену Конституции. Оклеветанный Вальдек успел отсидеть в тюрьме полгода, пока не обнаружилось, что письмо, приписываемое ему, – на самом деле фальшивка. Пересмотр дела Вальдека и новый оправдательный приговор скоро забылись, зато по всей Европе гулял отрывок из романа Гедше, получивший название «Речь Раввина». В нем, облаченные в белые мантии представители двенадцати колен израилевых, в том числе и десяти исчезнувших, один за другим являются на еврейское кладбище в Праге, собираясь вокруг гробницы мифического Раввина. Раз в сто лет они встречаются здесь, чтобы спланировать действия, которые приведут к окончательному торжеству евреев над христианским миром, – да, собственно, и над всем остальным, – и рассказать друг другу о достигнутом за прошедшее столетие. На этих сборищах они сообщали о планах сосредоточения всего золота в руках евреев, о своем влиянии на биржи, о контроле над рабочими массами, экономикой и печатью. Они разрабатывали мероприятия, которые позволили бы им подорвать влияние христианской церкви, развязать революцию, направленную против правящих классов, проникнуть в круги правителей и овладеть прессой и даже обсуждали вопрос о том, как можно развратить и обесчестить христианских женщин. После речи очередного представителя все «делегаты» становились в круг, преклоняли колена и приносили клятву верности золотому тельцу, который возносился в сияющей сфере голубого света из могилы Раввина.

До какой же степени ослепления надо было дойти, чтобы всерьез воспринимать весь этот бред! И тем не менее на редкость примитивная выдумка взбудоражила воображение русских антисемитов. Первое время они печатали ее в виде брошюр, издававшихся с 1872 года в разных городах России. В 1881 г. речи, произносимые выдуманскими Гедше представителями двенадцати колен израилевых, были объединены во

Франции в одну-единственную речь, якобы зачитанную вполне реальным Главным Раввином на тайном сборище евреев. Доказательство ее подлинности представил «английский дипломат», который «поручился» за нее и которого звали, разумеется, сэр «Джон Редклифф». Эта «Речь Раввина», вскоре опубликованная в России и других странах как подлинный документ, стала предшественницей сфабрикованных позднее куда более подробных и замысловатых «Протоколов сионских мудрецов». Именно ее Крушеван и его приспешники из «Черной сотни» использовали для подстрекательства кишиневских погромщиков. Когда четыре месяца спустя в «Знамени» начали печататься «Протоколы сионских мудрецов», они попали на уже хорошо унавоженную почву.

Общественный и бытовой антисемитизм, процветавший в Европе, особенно во Франции и Германии, находил живейший отклик в российских реакционных кругах. Или, образно говоря, европейские семена давали пышные всходы на русской почве. Поэтому, осуждая российский государственный антисемитизм, мы не должны забывать, что идейные корни его находились все-таки в Европе, там делалась погода...

Рачковский, и без того пропитанный насквозь юдофобией, оказался в роли козла, запущенного в огород. Лавры Дрюмона и Гедше вдохновляли его на собственные подвиги. Еще в 1891 году он послал в Санкт-Петербург письмо директору Департамента полиции. Сообщал о своем намерении начать кампанию против евреев, которые стали «абсолютными хозяевами положения в Европе, управляя и монархиями, и республиками. Единственным препятствием на пути к мировому господству евреев остается "Московская крепость", и, чтобы одолеть ее, международный синдикат богатых и могущественных евреев в Париже, Вене, Берлине и Лондоне готовится к созданию коалиции против России». Видимо, уже тогда в голове его стал вызревать план очередной мистификации, а возможно, он уже работал над ней...

«Жидовствующий» Витте

Правящая верхушка России всегда была настроена юдофобски. Даже Петр I, отличавшийся национальной толерантностью и веротерпимостью, препятствовал евреям-купцам из

Европы торговать в России, несмотря на значительные убытки, которые терпела от этой дискриминации экономика страны. Его венценосная дочь Елизавета на Представлении о выгодах, которые сулило казне допущение евреев-купцов в Россию, начертала августейшую резолю-

цию: «От врагов Христовых интересной прибыли не желаю». Еще непосредственнее был император Александр III, с детской откровенностью сказавший во время погромов 80-х годов: «А я, признаться, сам рад, когда бьют евреев». Что же тут говорить о В.Плеве, министре внутренних дел и шефе корпуса жандармов – прямом организаторе(!) еврейских погромов – или о Д.Трепове – петербургском генерал-губернаторе, главным виновнике Кровавого воскресенья 1905 года, призывавшем «потопить революцию в еврейской крови». Великий князь Сергей Александрович, московский генерал-губернатор, начал свое служение в Москве с массового изгнания из первопрестольной всех евреев. А долгодлительный министр юстиции И.Щегловитов с особой настойчивостью постоянно внушал царю, что все евреи заражены социализмом. И, наконец, К.Победоносцев – автор формулы растянутого во времени Холокоста: «Треть евреев вымрет, треть примет крещение (то есть ассимилируется и перестанет быть евреями. – В.К.), а треть эмигрирует». Константин Петрович был не просто обер-прокурором Синода, но еще и воспитателем Николая II и его отца Александра III. Понятно, какое отношение к евреям могли воспринять отец и сын – два последних русских императора – от этого «иссохшего старика с оттопыренными ушами и с сухим дыханием измученного постами великого инквизитора». Его называли «человек-мороз», или, как писали тогда о нем, «он, как мороз, препятствует дальнейшему гниению, но расти при нем тоже ничего не будет». Духовные выкормыши Победоносцева настолько глубоко впитали в себя наставления учителя, что и сами смогли бы за просто стать его наставниками.

На этом фоне казался белой вороной Сергей Юльевич Витте, министр финансов при Александре III и премьер-министр (1905–1906) при Николае II, автор Манифеста 17 октября 1905 г. Но он еще был и автором идеи прокладки Транссибирской железной дороги, автором золотого рубля, наконец, автором аграрной реформы, которую не успел осуществить и которая в куцем виде получила «путевку в жизнь» при Столыпине.

Среди всего царского окружения Витте был единственным, кто выступал за предоставление евреям равноправия. Враги Сергея Юльевича объясняли такое его отношение к гонимому племени тем, что его вторая жена была еврейкой. Сам Витте в своих «Воспоминаниях» об этом факте нигде не распространяется, жену называет только по имени-отчеству «Матильда Ивановна», ни словом не упоминая, какого она роду-племени. Косвенное подтверждение национальности Матильды Ива-

новны мы находим в воспоминаниях Арона Симановича, секретаря самого Распутина: «Еврейский врач Липперт попал в плен к немцам. Его жена, родственница графини Витте, обратилась ко мне с просьбой исплопотать обмен его на немецкого военнопленного».

Возможно, Матильда Ивановна и была еврейкой, возможно, это обстоятельство и сыграло определенную роль в отношении Витте к евреям. Уже одного этого было достаточно для Рачковского, чтобы возненавидеть премьера. Но, кроме Рачковского, у Витте были куда более могущественные враги. Одной из самых смелых и наиболее критикуемых его реформ стало введение в январе 1897 г. золотого стандарта, что уже было сделано в большинстве европейских стран. Это сразу привлекло в Россию зарубежные инвестиции и займы, но и одновременно вызвало разорение более пяти миллионов мелких крестьянских хозяйств! В 1898 г. произошел серьезный экономический спад, он вызвал массовую безработицу, падение котировок на бирже и крах нескольких банков. Вот почему с такой озабоченностью читал Витте речь одного из «мудрецов» в 20-м протоколе: «Вы знаете, что золотая валюта была гибелью для принявших ее государств, ибо она не могла удовлетворить потребность в деньгах, тем более что мы (евреи. – В.К.) изъяли золото из употребления насколько это возможно».

Политические противники постоянно причисляли Витте к «жидовствующим». А.Куропаткин³ оставил в своем дневнике записи о том, как министр юстиции Н.Муравьев внушал ему, что Витте, «благодаря своей жене, еврейке чистой крови, Матильде, заключил тесный союз с евреями и опутывает Россию... Инспирируемый своей Матильдою, он тоже ненавидит Государя и в своей ненависти может зайти далеко. Муравьев и ранее намекал мне, что в происходящих внутри России волнениях он готов подозревать Витте. Из числа государственных преступников (уже и государственный преступник! – В.К.) ему, Муравьеву, первично пришлось бы арестовать Витте. Что он, Муравьев, готов подозревать самые коварные преступные замыслы в голове Витте. Что он готовится, если бы была перемена царствования, захватить власть в свои руки. У него масса своих людей, всюду организовано влияние. В его руках евреи, в его руках особые органы тайной полиции» (откровеннее не скажешь; курсив мой. – В.К.).

³ Военный министр, генерал от инфантерии, «прославившийся» позорными поражениями под Ляояном и Мукденом во время русско-японской войны, когда он командовал Дальневосточной армией.

**«Протоколы» вылезают
из кокона**

В один из ноябрьских дней 1897 года дом великого князя Сергея Александровича, родного дяди Николая II, посетил друг семьи, действительный статский советник

и камергер Филипп Петрович Степанов. Он всегда был здесь желанным гостем. Сам же камергер питал особую признательность к великой княгине Елизавете Федоровне, родной сестре жены Николая II, за хлопоты, благодаря которым племянница Степанова Елена Озерова стала фрейлиной императрицы. На сей раз Филипп Петрович пришел не с пустыми руками. С заговорщицким видом он достал из портфеля гектографический оттиск рукописи, озаглавленной «Покорение мира евреями». Как пояснил Степанов, это были записи (протоколы) заседаний тайного еврейского правительства. Сей документ нашла в парижском доме своего еврейского приятеля одна его знакомая дама, тайком перевела на русский язык и привезла с собой в Россию. Всего рукопись содержала 24 протокола. Великий князь был настолько потрясен прочитанным, что немедленно распорядился издать ее брошюрой и ознакомить с ней узкий круг влиятельных людей. Так брошюра попала к Витте. Читая этот странный документ, Сергей Юльевич поражался, насколько некоторые части так называемого «плана евреев по достижению мирового господства» напоминают его собственные замыслы. Тонкая работа. Каждый русский антисемит, имеющий отношение к властям предрежающим, прочитав «Протоколы», придет к выводу, что Витте претворяет в России план сионских мудрецов. Цель писанины, совершенно очевидно, состоит в том, чтобы опорочить его, представить орудием в руках тайного правительства международного еврейства, пособником еврейских финансистов.

Хотя брошюра и разошлась среди высших государственных чиновников, но ожидаемого эффекта не произвела. Чиновник, даже самого высокого ранга, привык читать докладные, которые готовят ему помощники, и ставить на них резолюции. Если бы в брошюре прямо называлось бы имя Витте, тогда – другое дело, тогда брошюра имела бы хороший шанс стать великосветским бестселлером. А так надо напрягать мозги, да и уж очень странно они выглядели, эти «Протоколы», где еврейские «мудрецы» открытым текстом провозглашали планы, которые истинные мудрецы предпочитают держать в глубокой тайне. Брошюру по существу проигнорировали те, кому она

адресовалась. Не осталось даже ни одного экземпляра – за ненадобностью ее выбрасывали в корзину. Но Рачковский не опустил руки. Потерпев фиаско в прямой атаке на Витте, он решил ударить с флангов. Так «Протоколы» оказались у Крушевана. Тот немедленно напечатал их в издаваемой им в Петербурге газете «Знамя» под броским заголовком «Программа завоевания мира евреями».

Библия нацистов

Сегодня о «Протоколах» знает весь мир, точнее весь мир антисемитов, считая их главным доказательством всемирного заговора евреев. «Протоколы сионских мудрецов», как

теперь досконально установлено, были написаны, точнее сфабрикованы, еще на исходе XIX века. Но самое первое публичное упоминание их относится к 1 апреля 1902 г., когда в наиболее авторитетной и уважаемой петербургской газете «Новое время», принадлежавшей крупнейшему российскому издателю А.Суворину, появилась статья широко известного в то время публициста М.Меньшикова, яркого антисемита, между прочим, – «Заговоры против человечества».

В статье говорилось о том, что одна почтенная дама из высшего света предложила автору ознакомиться с небольшой брошюрой, содержащей некие «Протоколы сионских мудрецов». Меньшиков, не скрывая скепсиса по поводу подлинности последних, весь свой пафос публициста направил на тот представляющий реальную угрозу человечеству «волшебный круг страшных утопий», который действительно содержал в себе идеи мирового господства: от «панбританизма» и «пангерманизма» до «пантюркизма» и «панкитаизма».

Что же касается «Протоколов», то их сочинителей и распространителей Меньшиков отнес к категории «людей с повышенной температурой мозга». История полностью подтвердила удивительную точность диагноза, поставленного журналистом. Увы, точность и глубина оценки Меньшикова оказались гласом вопиющего в пустыне. Его просто никто не услышал, даже внимания никто не обратил. Да, собственно, и вопить было, по существу, не о чем. Для Меньшикова это был ничем не примечательный, за исключением своей бредовости, совершенно проходной материал, для читателей «Нового времени» – тем более. Время триумфа «Протоколов» пришло чуть позднее, когда они заполонили Европу и Америку, побив все рекорды своими поистине астрономическими тиражами, которые многократно превысили все самые значительные изда-

ния XX века. Еще обильнее была сопутствующая им литература, и это уже тогда, когда была доказана, как дважды два четыре, абсолютная подложность «Протоколов». Самое поразительное, что они переживают в наши дни настоящий ренессанс, хотя на них, как говорится, клейма негде ставить. «Повышенная температура мозга» оказалась болезнью неизлечимой. Ведьмины огни, погашенные в одном месте, тут же вспыхивают в другом.

Оказавшись на короткое время в тюрьме после опереточной попытки государственного переворота в Мюнхене в ноябре 1923-го, так называемого пивного путча, Адольф Гитлер, тогда еще совсем маленький фюрер такой же совсем маленькой национал-социалистической партии, дабы не терять времени даром, стал надиктовывать стенографистке в своей уютной камере, более походившей на гостиничный номер, «мысли вслух» – о времени и о себе. Отредактированные затем литографическими в соответствии с немецкой грамматикой и лексикой, они и стали той самой скандально знаменитой «Майн кампф» – сакральной книгой фашистов. Только вот источником ее вдохновения была небольшая брошюра под названием «Протоколы сионских мудрецов», или, как потом выяснилось ее подлинное название, «Диалог в аду»... Большая часть «Майн кампф» есть не что иное, как вольное переложение или комментариев к этой книге. О том, как евреи собираются добиться мирового господства и как их остановить; как они уже подчинили себе с помощью большевизма Россию и как теперь пытаются через финансовый капитал заставить правящий класс Германии служить их цели, одновременно манипулируя низшими классами с помощью прессы, которую они ловко прибрали к рукам. Капитализм, демократия, либерализм – вот те способы, с помощью которых евреи, согласно Гитлеру (и «Протоколам»), заставили сначала буржуазию свергнуть аристократию, а затем пролетариат – буржуазию.

«В соответствии с "Протоколами Сиона" еврейство должно подчинить себе людей голодом, – читаем мы у Гитлера. – Вторая революция под звездой Давида – такова цель евреев в наше время. Первая революция привела к установлению Веймарской республики. Распространение еврейского народа, на котором основано его существование во все времена, показано самым великолепным образом в "Протоколах сионских мудрецов". Еврейский разум хладнокровно разработал эти откровения. Главное состоит в том, что они раскрывают перед нами с ужасающей достоверностью природу и деятельность еврейского народа и обнаруживают внутреннюю логику и конечные цели [...] Когда эта книга ста-

новится хорошо известна народу, еврейскую опасность можно считать навсегда побежденной».

Ко времени написания, точнее надиктования, «Майн кампф» (писать Гитлер терпеть не мог в силу своей малограмотности) «Протоколы сионских мудрецов» уже были в Германии настоящим бестселлером. Но до «победы навсегда» над еврейской опасностью или, по-другому, «окончательного решения» еврейского вопроса оставалось еще более десяти лет. Однако немецкий народ уже созрел. Ведь главное что? Чтобы идея овладела массами, ну а уж когда она овладевает ими, то, как известно по Ленину, становится материальной силой.

В отличие от «Майн кампф», очень толстой, рыхлой и написанной тяжелым языком, «Протоколы» читались взахлеб. Сразу же после окончания Первой мировой войны их распространением в Германии занималось шесть организаций, две в Берлине, три в Гамбурге, одна в Лейпциге, и по меньшей мере 12 газет. И это еще тогда, когда и сам Гитлер, и его карликовая НСДАП находились в полной неизвестности. Уже к 1920 году Германию наводнили сотни тысяч экземпляров этой книги. Кроме того, нескончаемым потоком публиковались всевозможные комментарии. В 1920–1922 гг. шестью изданиями (!) вышел перевод книги Генри Форда, известного американского автомобильного магната, «Международное еврейство», в которой, как и в «Майн кампф», основной несущий стержень составляли все те же «Протоколы». В 1923 г. Альфред Розенберг выпустил книгу «Протоколы сионских мудрецов и еврейская мировая политика», которая в первый же год выдержала три издания.

На заре нацистского движения именно Розенберг был главным пропагандистом «Протоколов». Уроженец Ревеля, российский подданный, он несколько лет прожил в Москве, где изучал архитектуру и где в возрасте 25 лет встретил революцию. В Москве же он впервые ознакомился с «Протоколами», которые сразу же воспринял и умом, и сердцем. В 1918 году он с отступавшими из России немецкими войсками перебрался в Германию, где вступил в только что основанную нацистскую партию и стал одним из ближайших соратников Гитлера. Розенберг с привезенными из России «Протоколами» пришелся как нельзя кстати. Они превратились в своего рода связывающее звено между русскими антисемитами-черносотенцами и немецкими антисемитами-коричневорубашечниками. Большевицкая революция трактовалась как живое подтверждение еврейского заговора о мировом господстве, столь подробно расписанного в «Протоколах». Для обывателя, и без того отравленного традиционным германским антисемитизмом, это было так убе-

дительно и просто. Вожди большевизма – сплошь еврей⁴, да и среди прочих партийных функционеров евреев насчитывалось достаточно. Именно этот фактор послужил столь широкой популярности «Протоколов» в белых армиях, где были даже написаны адаптированные, то есть упрощенные, специально для солдат, варианты. Свою мистическую роль сыграло также и то обстоятельство, что среди вещей императрицы Александры, расстрелянной со всей своей семьей в подвале Ипатьевского дома, были три книги. Это первый том «Войны и мира», Библия и... «Протоколы», включенные в произведение религиозного писателя-мистика Сергея Нилуса «Великое в малом». А на оконном проеме комнаты, которую занимали супруги, Александра нарисовала свастику: она трепетно почитала этот древний индуистский символ Солнца. Могла ли тогда бывшая первая дама империи предвидеть и свой трагический конец, и то, что и свастика, и «Протоколы» станут символом нацизма?

Розенберг знал, какое мощное идеологическое оружие привез он с собой из ненавистой для него России: славян, как и евреев, он считал неполноценной расой. Его памфлеты, публиковавшиеся в 1919–1923 годах в «Фёлькише беобахтер» и разоблачавшие «еврейские козни», имели бешеный успех, и многие высказанные там мысли легко прочитываются в «Майн кампф». В 1941-м Гитлер назначил заслуженного партайгеноссе министром оккупированных восточных территорий, то есть Польши, Белоруссии, Украины и западных областей России, где он осуществлял тотальное уничтожение евреев. В 1946 г. Розенберг был повешен по приговору Международного военного трибунала. Но вернемся к нашим «мудрецам». Ко времени прихода к власти Гитлера в 1933 году только в переводе цур Бека «Протоколы» были изданы 36 раз! Ну, а уж после 33-го – сами понимаете... Министр просвещения новой, теперь уже полностью нацифицированной Германии объявил «Протоколы» одной из главных книг для чтения в школах. По существу, они стали своего рода символом веры – то, о чем всего за каких-то десять лет до этого мечтал бесноватый автор «Майн кампф», которую правильнее было бы назвать «Майн кампф мит юден» – «Моя борьба с евреями».

⁴ В первое советское Политбюро входили, кроме Ленина, евреи Троцкий и Каменев, грузин Сталин и лишь один русский – Крестинский, а правой рукой Ильича был Свердлов – тоже еврей.

«Я прочитал "Протоколы сионских мудрецов" – и ужаснулся! – признавался Гитлер Розенбергу. – Это вкрадчивость вездесущего врага! Я сразу понял, что мы должны последовать их примеру, но, конечно, по-своему...» И действительно, последовал. План мирового господства, столь детально расписанный в «Протоколах сионских мудрецов», Гитлер полностью взял на вооружение... себе.

**«Повышенная температура
мозга»**

Итак, в Германию «Протоколы» попали из охваченной гражданской войной России. Как уже говорилось, впервые они были напечатаны в газете черносотенцев «Знамя». Но «Знамя» особой популярностью не пользовалось. У газеты был свой, весьма специфический, но немногочисленный читатель, точь-в-точь как у нынешней «Завтра». Поэтому приблизительно в то же время «Протоколы» окольным путем, через все ту же даму из высшего света, как будто случайно, попадают к Сергею Нилусу, известному религиозному писателю-мистика. Дамой этой, как выяснилось впоследствии, была Юстина Глинка – фрейлина императрицы и почитательница Блаватской, дочь крупного сановника, философа и дипломата, воспитателя великих князей Николая и Михаила Александровичей, преподававшего им и другим детям императорской фамилии русскую словесность. Дмитрий Григорьевич, отец Юстины, и его братья поэт-мистик Федор и публицист-прозаик Сергей составляли мощный клан ультраконсерваторов, в атмосфере которого сформировалось мировоззрение Юстины. С Нилусом она познакомилась через сестру императрицы Александры, великую княгиню Елизавету, которая с его помощью пыталась вытеснить некоего проходимца, французского оккультиста Филиппа – бывшего подручного лионского мясника. Его подсунили супруге Николая II ее ближайшие подруги – сестры Милица и Анастасия, дочери черногорского князя, заядлые спиритистки и оккультистки. Они же, кстати, впоследствии «раскопали» и Распутину.

Филипп приобрел такое влияние на царицу, что она, уже имевшая четырех дочерей и страстно желавшая родить сына – наследника престола, чего от нее ждала вся Россия, – поддавшись гипнозу шарлатана, стала на глазах полнеть. Радости Николая не было предела, но когда придворный акушер профессор Отт осмотрел его любимую Алекс, то пришел в ужас: имел место классический случай ложной беременности.

Русская императрица стала посмешищем всей Европы, а Филиппа пришлось спешно удалить.

К сожалению, Елизавета упустила момент, да и принцессы-черногорки сохраняли абсолютную духовную власть над императрицей, еще больше погружившейся в мистицизм. Они же Нилуса недолюбливали по причине весьма банальной: не хотели конкуренции, скорее, даже боялись ее. Сестры были большими мистиками, но еще большими прагматиками и цепко держали в своих руках императрицу.

Трудно сказать, как бы обернулась судьба евреев в России и в Европе, окажись на месте Распутина Нилус. Впрочем, она и так сложилась настолько горько, что горше трудно даже себе представить. Но тем не менее... Как истинно русский человек из народа, Распутин не только не был антисемитом, но относился к евреям скорее даже дружелюбно. Тогда как юдофобия императора Николая II и его жены Александры – немцев по происхождению – и обрусевшего шведа Нилуса носила, можно сказать, генетический характер. У последнего это превратилось в навязчивую манию: везде и повсюду видел он козни Антихриста, который ассоциировался у него с обобщенным образом Еврея.

Поскольку, несмотря даже на женитьбу на фрейлине императрицы Елене Озеровой по сватовству самой Елизаветы, Нилусу так и не удалось преодолеть «черногорский заслон», он удалился в Оптину пустынь – с законной супругой, а также с бывшей сожительницей Натальей Володимирской. Это, конечно же, не способствовало благорасположению к нему оптинских старцев, которые активно воспрепятствовали возведению его в священнический сан. А в 1911 году, когда новоявленный пророк стал проповедовать монахам Оптиной пустыни, что Антихрист явится в 1920 г., чем вызвал среди последних смуту, и вовсе был удален из монастыря.

Яркий и психологически сочный портрет Нилуса оставил Александр дю Шайла – француз, ставший истинно русским человеком. Влюбленный в русскую литературу, он приехал в Россию, принял православие и даже окончил в 1914 г. Петербургскую Духовную академию. Тогда же он написал ряд глубоких исследований по истории русской культуры и церковным вопросам. С первых же дней войны с немцами дю Шайла вступил в действующую армию и за мужество и героизм, проявленные в боях, удостоился четырех Георгиевских крестов и медали, то есть стал полным Георгиевским кавалером. В гражданскую войну он так же мужественно сражался на стороне белых в Донской армии и покинул Крым с последними ее частями.

Вернувшись во Францию в апреле 1921-го, он сразу же стал сотрудничать в газете «Последние новости», которую редактировал Павел Милюков⁵. И первой публикацией дю Шайла стала статья «С.А.Нилус и "Сионские протоколы"», напечатанная 12 и 13 мая, то есть за два месяца до сенсационных разоблачений в лондонской «Таймс». Обратился же к этой теме дю Шайла по той простой причине, что «Протоколы» наводнили не только Германию, но и Францию. Как человек, занимавший высокий пост в Белой армии, он был непосредственным свидетелем «раскрутки» пресловутых «Протоколов» Пуришкевичем⁶. «В Крыму при генерале Врангеле, – писал дю Шайла, – черносотенцы, субсидируемые правительством, говорили на всех перекрестках о "Протоколах" и жидомасонском всемирном заговоре». Он лучше других понимал, какую общественную опасность представляют «Протоколы», которые он с самого начала считал подделкой – с того самого дня, когда сам Нилус показал ему «подлинник».

Это произошло еще в 1909 году в Оптиной пустыни, где дю Шайла провел девять месяцев и близко познакомился с Нилусом. Тот настолько проникся к нему симпатией и доверием, что в один прекрасный вечер пригласил к себе домой и дал прочесть тетрадку, в которой содержались, как уверял хозяин, подлинники «Протоколов». Правда, написаны они были почему-то на французском языке, а не на иврите или хотя бы на немецком – языке I Сионистского конгресса в Базеле (1897). Тайные заседания верхушки конгресса – «Мудрецов Сиона» – якобы и были столь же тайно запротоколированы. Дю Шайла, отлично помнивший все перипетии дела Дрейфуса и инсинуации в отношении конгресса, знал, что никаких тайных собраний на нем не происходило и вообще вся работа сионистов была предельно открытой. По прочтении записок, предоставленных ему Нилусом, на что ушло более двух часов, у дю Шайла не оставалось сомнений, что перед ним – типичная антисемитская стряпня в духе Эдуарда Дрюмона.

«Нилус притащил из спальной небольшой сундук, названный потом мною "Музеем Антихриста"... В неопишемом беспорядке перемеша-

⁵ Крупный историк и публицист, более известный как основатель и лидер партии Конституционных демократов (кадетов) и министр иностранных дел во Временном правительстве первого состава.

⁶ Один из основателей «Черной сотни» и ярый антисемит, руководивший у Деникина отделом пропаганды и с невероятным рвением распространявший книгу Нилуса в войсках.

лись в нем воротнички, галоши, домашняя утварь, значки различных технических школ, даже вензель императрицы Александры Федоровны и орден Почетного Легиона. На всех предметах ему мерещилась "печать Антихриста" в виде либо одного треугольника, либо двух скрещенных. Не говоря про галоши фирмы "Треугольник", но соединение стилизованных греческих букв "Аз" и "Фита", образующих вензель царствовавшей Императрицы, как и Пятиконечный Крест Почетного Легиона, отражались в его воспаленном воображении как два скрещенных треугольника, являющихся, по его убеждению, знаком Антихриста и печатью Сионских Мудрецов.

Достаточно было, чтобы какая-нибудь вещь носила фабричное клеймо, вызывающее даже отдаленное представление о треугольнике, чтобы она попала в его музей. (Почти все эти его наблюдения вошли в издание "Протоколов" 1911 года.)

С возрастающим волнением и беспокойством, под влиянием мистического страха, С.А.Нилус объяснил, что знак "грядущего Сына Беззакония" уже осквернил все, сияя в рисунках церковных облачений и даже в орнаментике на запрестольном образе новой Церкви в скиту.

Мне самому стало жутко. Было около полуночи. Взгляд, голос, сходные с рефлексом движения С.А., – все это создавало ощущение, что ходим мы на краю какой-то бездны, что еще немного, и разум его растворится в безумии», – читаем мы у дю Шайла.

Заветная тетрадка не случайно попала именно к Нилусу. Еще в 1903 году он опубликовал свою книгу «Великое в малом», получившую признание в церковных кругах. А в кругах великосветских, в которых он в то время вращался, признание ему принесли не столько его сочинения, сколько фанатичная убежденность в близком пришествии Антихриста, чей образ он с такой же фанатичной убежденностью связывал с евреями. Поэтому «Протоколы» явились для Нилуса настоящей манной небесной. Но он даже и не подозревал, что сам оказался манной небесной, сущей находкой для настоящих хозяев тетрадки. В декабре 1905-го Нилус, уже претендовавший на роль духовника царской четы, выпустил второе издание своей книги. В нее-то и были впервые полностью включены «Протоколы», в примечании к которым автор так объяснил их происхождение: «Эти протоколы были тайно извлечены (или похищены) из целой книги протоколов. Все это добыто моим корреспондентом из тайных хранилищ сионской Главной канцелярии, находящейся ныне на Французской территории».

Книга была прекрасно издана, имела выходные данные отделения Красного Креста в Царском Селе, где, как известно, располагалась резиденция царя. Написанная в духе тех мистических сочинений, которые просто обожал Николай, она, собственно, на него и была рассчитана в первую очередь. Издатели точно попали в цель: царь прочел Нилуса вкупе с «Протоколами» внимательнейшим образом, о чем говорят его многочисленные пометки на полях: «Какая глубина мысли!»; «Какое точное выполнение своей программы»; «Наш 1905 год точно под дирижерством мудрецов!»; «Всюду видна направляющая и разрушающая рука еврейства»... Высочайший вывод был однозначен: «Не может быть сомнений в их подлинности».

Крушеван, Шмаков, Марков и другие руководители Союза русского народа, узнав об этом, обратились к Столыпину, недавно назначенному премьер-министром и министром внутренних дел, с предложением широко использовать «Протоколы» в борьбе с врагами самодержавия, к которым они причисляли в первую очередь евреев. Петр Аркадьевич, хоть и был человеком жестким и даже жестоким, самодержавию предан до мозга костей, к евреям особыми симпатиями не отличался, но зато отличался ясным умом и здравым смыслом. Ознакомившись с «Протоколами», он сразу понял, что это чистой воды бред, и немедленно дал поручение Охранному отделению, которое находилось в его непосредственном подчинении, разобраться, откуда «растут ноги». Ввиду важности задания и полной его секретности расследование проводилось высокопоставленными чиновниками Департамента полиции, которые и выявили, что авторами «Протоколов» являются не таинственные «сионские мудрецы», а... сотрудники отделения охраны в Париже. По вполне понятным причинам о деталях расследования знал очень узкий круг лиц: иначе могла «засветиться» вся агентурная сеть, созданная Петром Рачковским.

В Париже Рачковский был принят в лучших домах, пользовался особой благосклонностью русского посла барона Моренгейма, который ввел его в салон княгини Екатерины Юрьевской, где он познакомился с Юстиной Глинкой. Юрьевская была не просто княгиней, а женой покойного императора Александра II. Он прожил с ней в морганатическом браке, причем совершенно открыто, в Зимнем дворце целых 12 лет и незадолго до своего убийства, вскоре после смерти законной супруги, тайно обвенчался. Однако его наследник Александр III объявил в грубой форме мачехе, что она «обуза для царской семьи», и отправил ее вместе с тремя детьми в Париж, где она жила

отнюдь не как изгнанница, но как царственная особа и ей оказывались соответствующие ее статусу почести. В салоне августейшей вдовы Рачковский, будучи великолепным психологом, быстро разгадал внутренний мир Юстины и подsunул ей заветную тетрадку с «Протоколами», и уже от нее она попала к Нилусу. Великий комбинатор так ловко провернул очередную свою комбинацию, что никто из участников ее даже не заподозрил, что стал жертвой грубой мистификации. Впрочем, они так хотели прочесть то, что им всучил Рачковский, что с радостью проглотили наживку.

Когда Николай II узнал о подложности «Протоколов», он был страшно раздосадован и сделал последнюю пометку на книге Нилуса: «Протоколы изъять, нельзя чистое дело защищать грязными способами». Что имел в виду император под «чистым делом», догадаться нетрудно: он никогда не скрывал своей неприязни к евреям. Как тут не вспомнить анекдот, весьма популярный в конце перестройки, когда по всему СССР, но особенно в Москве, вдруг выплеснулся наружу какой-то совершенно «нутряной» антисемитизм. Приезжает в столицу украинец и видит плакат у самого Кремля: «Бей жидов, спасай Россию». Наш хохол усмехнулся в пышные казацкие усы и пробасил: «Цэ дило гарнэ, тильки цель погана...».

Несмотря на царское указание, никто, конечно же, изымать книгу Нилуса не стал. Более того, митрополит Московский и Коломенский Владимир (Богоявленский) не только сам прочел проповедь, содержащую полное изложение основных положений «Протоколов», но и велел повторить ее во всех церквах Белокаменной. Кроме того, проповедь полностью опубликовала крайне правая газета «Московские ведомости». Книга несколько раз переиздавалась под названием «Близ есть, при дверех», последний раз в старой России – в 1916-м. Сам Нилус пережил и революцию, и гражданскую войну и умер своей смертью в 1929 году во владимирском селе Крутец на 68-м году жизни, счастливо избежав карающей руки большевистского «правосудия». Хотя и был невольным виновником тех диких еврейских погромов, которые творились на Украине белогвардейцами и особенно гайдамаками и петлюровцами, вдохновляемыми нилусовскими пророчествами о скором пришествии Антихриста. То есть сионских мудрецов, чьи тайные «Протоколы» стали благодаря ему известны не только всей России, но и всему миру.

Разоблачение

Рачковский был, несомненно, талантливый мастером провокаций, но ни он, ни его сотрудники не обладали литературным даром. Между тем большая часть «Протоколов» написана блестящим французским языком. Лишь в июле 1921 г. выяснилось, кто был настоящим их автором. За год до этого влиятельнейшая лондонская газета «Таймс» напечатала редакционную статью в связи с выходом английского перевода «Протоколов». Отмечая, что «книга способствует развитию огульного антисемитизма, который бушует сейчас в Европе и который активно пропагандируют во Франции, Англии, Америке», редакция тем не менее считала, что «гипотеза, представленная в книге, слишком оригинальна, притягательна и сенсационна, чтобы не привлечь внимания нашей не особенно счастливой и довольной публики». И в заключение задавался сакраментальный вопрос: «Неужели мы все эти трагические годы вели борьбу за уничтожение и искоренение немецкого владычества лишь для того, чтобы обнаружить за ним другое, более опасное, поскольку более тайное? Неужели, напрягая все силы нации, мы избежали гнета "Всегерманского союза" только для того, чтобы попасть в тенета "Всеиудейского союза"?.. Предположительно, что они ("Протоколы". – В.К.) написаны евреями и для евреев. Если так, то при каких обстоятельствах они были созданы, для решения каких внутриеврейских проблем?»

И вот спустя ровно год в Стамбуле местный корреспондент «Таймс» Филипп Грейвс при обстоятельствах, совершенно детективных, приобрел у русского белоэмигранта, саратовского помещика Михаила Расловлева, за 337 фунтов потрепанный томик на французском языке, который тот предложил сопоставить с «Протоколами». Это был политический памфлет «Диалог в аду между Монтескье и Макиавелли». Он представлял собой замаскированную критику Наполеона III, ибо прямое обличение установленного императором диктаторского полицейского режима жестоко преследовалось и каралось. Автор «Диалогов» – парижский юрист и литератор Морис Жоли – издал свою книгу в Брюсселе (1864) и попытался тайно доставить во Францию. Однако он недооценил наполеоновскую охранку. Во время пересечения границы весь тираж был перехвачен полицией, а сам автор арестован, судим и приговорен к 15 месяцам тюрьмы: цензоры отлично разглядели, кого и что имел в виду Жоли. Но книга отличалась не только блистательным стилем: в своих размышлениях о деспотизме Луи Наполеона, вложенных в

уста Макиавелли, Жоли достиг такого предвидения, что они сохранили свою актуальность по отношению ко всем авторитарным режимам вплоть до нашего времени.

Все, что у Жоли говорит Макиавелли, составители «Протоколов», не мудрствуя лукаво, приписали... неким мифическим «сионским мудрецам». Грейвс, в совершенстве владевший французским языком, был изумлен беспардонностью литворов: «Поражает, – писал он в статье, опубликованной в "Таймс", – отсутствие со стороны плагиатора всяких усилий скрыть плагиат. Переложение текста выполнено чрезвычайно небрежно; куски предложений, а иногда и предложения целиком идентичны; ход мыслей одинаков». Действительно, при сличении текстов уже в редакции выяснилось, что более 160 отрывков в «Протоколах» (то есть две пятых их объема) один к одному взяты из «Диалогов», в девяти главах заимствования достигают более половины, в некоторых – до трех четвертей, а «протокол VII» списан полностью.

Грейвс первым обратил внимание и на идейно-политическую подоплеку «Протоколов»: «Они предназначались для того, чтобы внушить русским консерваторам, и особенно близким ко двору кругам, что главной причиной политического брожения в России является не принятая бюрократией политика репрессий, а всемирный еврейский заговор. Тем самым они служили оружием, направленным против русских либералов, настойчиво выступавших за то, чтобы царь пошел на определенные уступки интеллигенции». Возникает вопрос: на что рассчитывали плагиаторы? Их полнейшая уверенность в своей безнаказанности объясняется довольно просто. Книга Жоли стала раритетом, осталось всего несколько штук от основного тиража, уничтоженного еще в 1864-м. В Национальной библиотеке в Париже сохранился контрольный экземпляр. На его страницах остались карандашные пометки – те самые места, которые были списаны фальсификатором. Он был настолько уверен, что никому и в голову не придет просматривать эту всеми забытую книгу, что даже не потрудился стереть свои пометки. Только сам Жоли мог бы с первого взгляда опознать «Протоколы», но он, увы, разочарованный жизнью и своей несложившейся судьбой, покончил жизнь самоубийством еще в 1879 году.

Долгое время оставалось полнейшей загадкой, как и почему попала в руки Рачковского никому не известная и практически уничтоженная книга Жоли. Ответ на эти вопросы был получен совсем недавно. В 2002 году в Киеве вышла книга академика Вадима Скуратовского «Проблема авторства "Протоколов сионских мудрецов"». Проведя скрупулезней-

ший и обширнейший литературоведческий, исторический и лингвистический анализ русской трети «Протоколов», ученый доказал, что она принадлежит перу Матвея Головинского, второразрядного журналиста, волею судьбы заброшенного в Париж, где он пристроился в газете «Фигаро». Там его заметил Рачковский и привлек в 1892 году к сотрудничеству в качестве литературного редактора всех тех фальсификаций, что варганились на его резидентской кухне. Скуратовский обнаружил также одну маленькую, но такую существенную деталь, которая ставит окончательно точку над і. В начале 1902 года в «Новом времени», буквально за два с лишним месяца до статьи М.Меньшикова, появилось сообщение о пребывании в Петербурге корреспондента «Фигаро» Шарля Жоли – это был сын того самого бедного Жоли. Далее логично предположить, что Шарль и Головинский, сотрудничая в одной редакции, сблизилась и француз ознакомил своего русского коллегу с книгой отца. Какую все-таки порой великую роль играет в истории Его Величества Случай, подчас даже совершенно незначительный...

Правда против фанатизма Статьи Филиппа Грейвса в «Таймс» произвели эффект, увы, не разорвавшейся бомбы, как следовало бы ожидать, а лопнувшего воздушного шарика. Тот же Адольф Гитлер, еще когда диктовал свои откровения, уже знал о разоблачениях «Таймс», но что из этого? «"Франкфуртер цайтунг" постоянно плачется перед публикой, – ерничал он, – что "Протоколы" якобы представляют собой подделку; это как раз и является самым надежным доказательством их подлинности». Логика, ну, прямо-таки убийственная. Но в этом и заключалась сила нацистской пропаганды, суть которой предельно четко и цинично сформулировал сам же фюрер: «Чем чудовищнее ложь, тем скорее ей поверят».

Да что там «Таймс» и какой-то Грейвс! Ярым пропагандистом «Протоколов», как уже говорилось, был Генри Форд. Но, убедившись в их подложности, он опубликовал (1927) в американской прессе пространное письмо, в котором просил прощения у евреев «за вред, который ненамеренно им принес». Он приказал сжечь весь, не распроданный еще очередной тираж своей книги «Международное еврейство»; его хватило на пять грузовиков! И распорядился также о прекращении своих изданий за границей, отозвав издательские права. Но в Германии попросту проигнорировали это указание. Книга, украшенная фотогра-

фиями стоящих бок о бок Форда и Гитлера, продолжала издаваться как ни в чем не бывало, а после прихода нацистов к власти ее бесплатно распространяли в школах и государственных учреждениях рейха.

Придя к власти, нацисты направили свою оголтелую юдофобскую пропаганду на сопредельные страны, в первую очередь на Австрию и Швейцарию. Единственной серьезной попыткой хоть как-то остановить этот поток лжи и ненависти стал судебный процесс в Берне. Формальным поводом послужил нацистский митинг в местном казино 13 июня 1933 г. На нем лидеры Национального фронта⁷ произносили погромные речи, там же шла открытая продажа «Протоколов сионских мудрецов», и через громкоговорители их цитировали собравшейся толпе. Такое в Швейцарии произошло впервые.

Правление Швейцарской еврейской общины (ШЕО) 26 июня подало жалобу в суд, но не на организаторов митинга – в Швейцарии не было закона, запрещающего пропаганду и разжигание национальной розни, – а на издателей книги, которая на самом деле была фальшивкой, то есть, грубо говоря, за обман потребителя, в данном случае читателя. Судьей был назначен Вальтер Мейер, добропорядочный христианин, к тому же очень далекий от политики, – он даже не слышал о «Протоколах». Суд над фальшивой книгой стал, по существу, судом над фальшивой идеологией, которая коричневым туманом заволакивала Европу. Почти два года продолжался этот процесс, привлечший внимание всего мира. Он полностью разоблачил миф и о некоем мировом еврейском заговоре, и о «Протоколах», в которых «сионские мудрецы» якобы запротоколировали его. Оглашая приговор, в котором «Протоколы» были причислены к «непристойной литературе», судья Мейер заключил свою речь гневной отповедью мракобесам-расистам. «Я надеюсь, – сказал он, – что придет время, когда никто не сможет понять, каким образом в 1935 году почти дюжина умственно здоровых, ответственных людей⁸ смогла в течение четырнадцати дней издеваться над разумом Бернского суда, обсуждая вопрос о подлинности так называемых "Протоколов", тех самых "Протоколов", кои, при всем вреде, который они причинили и еще причинят, представляют собой не более чем смехотворный вздор». Мудрый и честный судья даже в кошмарном сне не смог бы предвидеть то кровавое и столь близкое будущее, в котором этот «смехотворный вздор» обер-

⁷ *Партия швейцарских нацистов, публично объявивших себя последователями Адольфа Гитлера.*

⁸ *Имелись в виду представители ответчика, то есть швейцарские и немецкие нацисты.*

нется уничтожением шести миллионов евреев, оказавшихся под пятою Гитлера.

Оставалось меньше двух лет до начала Второй мировой войны, когда нацисты, проигравшие процесс в мае 1935-го, но опьяненные теперь своей силой, обратились 1 ноября 1937 года в Апелляционный суд Берна с просьбой отменить решение суда первой инстанции. Вся Европа взирала со страхом и смутным предчувствием на вздыбившийся в последней готовности к прыжку и хищно оскалившийся Третий рейх. Его зловещая тень нависла как над Швейцарией, так, естественно, и над тремя апелляционными судьями. И тем не менее они не дрогнули, подтвердили вердикт Мейера в отношении «Протоколов». И принятое ими решение председательствующий судья Петерс завершил такими словами: «Это лживое сочинение содержит неслыханные, ничем не оправданные выпады против евреев и должно быть без каких бы то ни было ограничений сочтено аморальной литературой. Распространение сочинений такого рода должно быть, из государственных соображений, запрещено другой ветвью власти».

Перед судом прошла огромная вереница свидетелей, среди которых были и представители прежнего высшего света России, и сотрудники Рачковского, которые теперь уже могли рассекретить всю правду, и даже... Керенский. Сам он, правда, в Берн не приехал, но прислал письменные показания из Америки, где проживал в эмиграции. Александр Федорович, в частности, сообщал, что никакой он не еврей⁹ и что род Керенских насчитывает несколько поколений священников. Стал известен и тот хитроумный путь, которым были подсунуты Нилусу сфабрикованные Рачковским «Протоколы», чтобы он ни на йоту не усомнился в их подлинности. Ну и так далее...

«Трагический факт состоит в том, – считает Хадасса Бен-Итто, – что книга Жоли была использована не только для создания Библии антисемитов, но стала также, на самый дьявольский манер, руководством для диктаторов. Жоли хотел показать миру, насколько опасным может оказаться абсолютное правление; он хотел показать своему народу, насколько непрочной может быть демократия и как легко диктатору воспользоваться ее слабостью – все, что ему требуется, это экономический кризис, удобный враг, на которого легко направить общество, и дикта-

⁹ *Нацисты упорно муссировали слух, что на самом деле настоящая фамилия бывшего главы Временного правительства Кибрис. Как тут не вспомнить, что нынешние наши неонацисты перекрестили Ельцина в Эльцина.*

тор, изображающий из себя спасителя этого самого общества. Жоли не создал, что неумышленно создает не столько оружие для борьбы с диктатурой, сколько схему построения опаснейшей теории и практики... Фальсификаторы воспользовались ею для создания "Протоколов", Гитлер прибегнул к столь подробно изложенному Жоли рецепту Макиавелли, чтобы выработать собственный план достижения мирового господства...».

Мне же представляется, что трагический факт состоит в том, что, несмотря на все разоблачения, начатые еще Столыпиным, продолженные Грейвсом и систематизированные Бернским судом, несмотря на превосходную книгу Хадассы Бен-Итто, «Протоколы» продолжают издаваться в демократической России. Им по-прежнему верят, и не только у нас.

Россия отнюдь не лучше и не хуже в этом отношении многих цивилизованных государств, в том числе и США. Именно в Америке во время скандально знаменитого марша, на который лидер черных расистов Фаррахан вывел миллион своих сторонников, «Протоколы» раздавались бесплатно среди прочей расистской литературы.

Все те же «Протоколы» бесплатно раздавали на... антирасистской конференции в Дурбане. Вот вам самый что ни на есть настоящий парадокс: конференцию организовала Комиссия по правам человека ООН, во главе которой стояла всемирно известная правозащитница Мэри Робинсон, бывший президент Ирландии. Второй парадокс заключается в том, что именно в ЮАР в 1934 году проходил знаменитый Грейамстаунский процесс, на котором было в судебном порядке доказано, что «Протоколы сионских мудрецов» – провокационная фальшивка, написанная не евреями, а, наоборот, антисемитами.

Наконец, не так уж давно, в 1998 году, когда в Юго-Восточной Азии разразился финансовый кризис, премьер-министр Малайзии публично заявил, что курс национальной валюты рухнул по вине евреев. «А почему, – сказал он, – читайте "Протоколы"».

В Бразилии за последние полвека «Протоколы» издавались около ста раз! В Бухаресте, Варшаве и Будапеште, как и в Москве, их можно купить запросто в книжном магазине. А в Египте даже сняли 40-серийный фильм (!) по мотивам «Протоколов». Можно представить эти самые «мотивы»! В арабском мире эта антисемитская фальшивка используется противниками Израиля с таким же размахом, как в свое время в гитлеровской Германии в пропагандистской войне против евреев.

В начале 90-х¹⁰ в России вышли в свет работа известного английского ученого Нормана Кона «Благословение на геноцид» (посвященная истории превращения «Диалогов в аду» в «Протоколы сионских мудрецов»), обстоятельное исследование Савелия Дудакова «История одного мифа» и, наконец, книга известного в свое время русского журналиста Владимира Бурцева «В погоне за провокаторами. Протоколы сионских мудрецов – доказанный подлог».

О последней следует сказать особо. Она была издана впервые в Париже (1938), но сами «Протоколы» попали в руки Бурцева еще в 1906-м, когда он был редактором очень популярного в то время петербургского исторического журнала «Былое» и ему предложили напечатать их. Бурцев наотрез отказался сделать это, в чем его единодушно поддержала вся редколлегия. Почти тридцать лет собирал он потом по крупицам все, связанное с историей этой величайшей фальсификации, сфабрикованной в недрах царской охранки, в связи с чем и проходил как один из главных свидетелей на Бернском процессе. Бурцев в равной степени был противником как царского режима, так и революционного экстремизма. Поэтому, несмотря на демократические убеждения, он был арестован большевиками в первый же день прихода их к власти – 25 октября 1917 года – и просидел в петроградских «Крестах» до мая 1918-го.

Однажды его сокамерником оказался бывший директор Департамента полиции Белецкий, хорошо знакомый ему по старым временам. О чем только не говорили они в долгих беседах, коротая время, томительно и медленно текущее в неволе! Естественно, не обошли и еврейский вопрос. Так Бурцев узнал, что Белецкий принимал активное участие в подготовке процесса Бейлиса, ложно обвиненного в ритуальном убийстве христианского мальчика Андрюши Ющинского в 1911 году. Он не делал тайны из того, что дело было от начала и до конца сфабриковано. Рассказал и о том, почему организаторы этого самого значительного процесса из серии «кровавого навета» за всю 200-летнюю историю евреев в государстве Российском не воспользовались «Протоколами»: «Мы прекрасно понимали, что это значит наверняка провалить все дело. Ведь "Протоколы" – явная подделка». Дело все равно было провалено, Бейлиса оправдал суд присяжных. Но интересен тот факт, что те, кто потом так активно «раскручивал» «Протоколы» в ходе Гражданской войны, были полностью в курсе того, что это фальшивка, считая при этом, что участие евреев в революции (а до

¹⁰ Тогда, когда «Протоколы» были вновь взяты на вооружение нашими доморощенными неочерносотенцами, или, как они себя называют сами, «национал-патриотами».

того – в революционном движении) оправдывает любые средства их дискредитации, даже сознательную ложь. Если бы эти признания Белецкого слышал Макиавелли! «Вот уж поистине, – воскликнул бы он в восторге от самого себя, – цель оправдывает средства!»

Сведения, полученные от Белецкого, Бурцеву потом подтвердили в Добровольческой армии, в которой он сражался в 1919 году. Как бывший узник большевиков, он пользовался особым доверием. Новые подробности, которые сообщили ему бывшие работники охраны тогда, а затем уже в Париже, в эмиграции, легли в основу книги, которая и по сей день остается непревзойденной по собранным в ней фактам. И что, это хоть как-то остановило наших антисемитов? В такой же степени, как в свое время Гитлера. Более того, в 2000 г., когда вышло второе издание книги Кона, появились на свет сразу два издания книги Нилуса «Близ есть, при дверех». Причем Санкт-Петербургское издание, осуществленное северо-западным центром православной литературы «Диоптра», вышло «по благословию архиепископа Пермского и Соликамского Афанасия», о чем указано на титульной странице книги и что означает официальное ее освящение со стороны Русской Православной Церкви. Трудно поверить, что почтеннейший иерарх не ведал, что творил, давая благословение проделкам дьявола, а именно таковыми и являются «Протоколы», которые целиком включены в книгу Нилуса. Но Нилуса ввел в заблуждение Рачковский, а вот как мог поддаться искушению многоопытный архиепископ, считающийся одним из наиболее образованных иерархов в Русской Православной Церкви?

Впрочем, не он один впал в искушение. Уже в 2002 г. другим петербургским издательством, «Царское дело», был выпущен сборник «Тайна беззакония», в котором основную часть занимает все та же «Близ есть, при дверех». На сборнике – благословение епископа Владивостокского и Приморского Вениамина, известного своим твердым убеждением в существовании всемирного заговора против России, горячего сторонника восстановления монархии и... канонизации Распутина. Страстным поборником «Протоколов» был митрополит Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев), несколько лет назад почивший в бозе. По его благословию и при его поддержке было создано общество «Православный Санкт-Петербург», которое учредило литературную премию имени Сергея Нилуса. В Положении о ней, в частности, отмечено в качестве главной заслуги писателя-мистика то, что «православным русским людям Нилус известен прежде всего как публикатор "Протоколов сионских мудрецов"»... Вот так, ни больше и ни меньше.

Учредители премии не могут не знать, что «Протоколы» были сфабрикованы охранкой, что они есть фальшивка! Что именно эта величайшая ложь, возведенная на евреев, стала идеологическим обоснованием геноцида еврейского народа, осуществленного Гитлером. По существу, благословение архиепископа Афанасия и епископа Вениамина книги Нилуса есть не что иное, как новое благословение на новый геноцид евреев.

Но хочу напомнить и преосвященным владыкам, и господам из «Православного Санкт-Петербурга»: в огне Холокоста были уничтожены не только шесть миллионов евреев. Вторая мировая война, развязанная немецкими нацистами, унесла также жизни около 50 миллионов немцев, русских, поляков, французов, итальянцев и других европейских народов всех вероисповеданий. Не об этом ли сказано в Священном писании: *«Вот нечестивый зачал неправду, был чреват злобою, и родил себе ложь; Рыл ров, и выкопал его, и упал в яму, которую приготовил»* (Псалтирь, 7:15–16).

Кто остановит Антихриста, который вновь «близ есть, при дверех»? Один раз Сергей Нилус, которому Антихрист чудился за каждым углом и для которого борьба с ним стала смыслом жизни, словно по иронии судьбы, сам же и стал его невольным пособником. Как он сам признавался, при чтении «Протоколов» в сердце его «огненными буквами зажглись страшные слова: "Антихрист близко, при дверех"», и... открыл ему эти двери, можно сказать, распахнул. Но, повторяю, Нилус не ведал, что творил. Нынешние же реаниматоры «Протоколов» все отлично ведают, тем самым сознательно превращаясь из слуг Христовых в прислужников Антихриста...

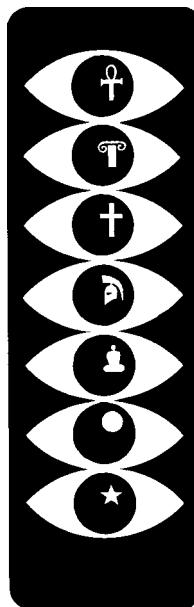
Список использованной литературы:

1. *Норман Кон. Благословение на геноцид. М., 2004.*
2. *Сергей Нилус. Близ есть, при дверех. М., 2000.*
3. *Владимир Бурцев. Протоколы сионских мудрецов – доказанный подлог. М., 1992.*
4. *Александр дю Шайла. С.А.Нилус и «Сионские протоколы». Париж, 1921.*
5. *Хадасса Бен-Итто. Ложь, которая не хочет умирать. М., 2001.*
6. *Александр Солженицын. Двести лет вместе. М., 2002.*
7. *Арон Симанович. Распутин и евреи. М., 1990.*
8. *Сергей Витте. Воспоминания. М., 1960.*
9. *Адольф Гитлер. Моя борьба. М., 1992.*
10. *Феликс Кандель. Книга времен и событий. В 4-х томах. Т.3. М., 2004.*

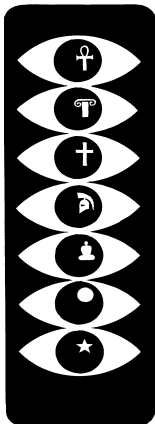
Первым, с чем сталкивается человек в своей сознательной деятельности и что он имеет в качестве исходного материала для своего мышления, являются отнюдь не вещи и предметы практико-мыслительной деятельности, а именно значения, связанные со словами используемого им языка, и те смыслы, которые эти слова приобретают в разных контекстах речи. По сути дела, вещи и предметы мысли в их объектном

натуральном существовании являются не чем иным, как определенным видом культурных значений. И этот вид культурных значений возникает лишь в определенных условиях и предполагает строго определенные средства и процедуры человеческой деятельности.

Г.П. Щедровицкий

Дмитрий Антонов

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

ОБЪЯСНЕНИЕ И «ПАРАДОКС» В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

The article is dedicated to an interesting phenomenon of the contemporary Russian historiography – the phenomenon of «paradox»; it is focused on the methodological principles of historians who study consciousness (notions, «mentality») of medieval people. The strategies which are applied here are based on totally different assumptions: while some historians insist on the idea that categories and concepts of people remain unaltered through centuries, the others ground the theory of «fundamental difference» between «the way of thinking» of medieval people and our contemporaries. Nevertheless historians of both trends agree on the idea that we can find many «paradoxes» in medieval sources and in «the medieval way of thinking» itself. As a result, we may speak of a peculiar explanatory theory that is being created in history. The author of the article seeks after finding the non-verifying suppositions (hypothetical knowledge) in the works of historians who not only see «paradoxes» in sources but accept their objective status. Finding out «paradoxes» in medieval texts and «mentality» is the result of certain guess-works that are taken by historians in the process of investigating sources or even before opening them. Studying these problems on the ground of some well-known researches the author comes close to the relevant issue of «understanding» and «explaining» methods in history and methodological principles that are necessary for the verified study of self-consciousness of a man and an epoch.

Объективизм в истории

На вопрос «Что изучает история?», казалось бы, легко ответить. История изучает прошлое. Однако простой ответ при ближайшем рассмотрении теряет ясность. Что такое «прошлое» и как можно исследовать феномен, недоступный человеческому восприятию? Эта проблема становится краеугольным камнем исторической науки: в попытках понять, как и что изучает историк, рождаются новые направления и методологии.

«История – эмпирическая наука; она строится на наблюдениях за фактами», – утверждал Яков Соломонович Лурье¹. Идея может показаться парадоксальной: как можно «наблюдать» то, что давно ушло в прошлое? Ведь у историка, по словам самого Я.С.Лурье, нет машины времени. И все же высказанная мысль ярко выражает основной принцип «традиционного» направления исторической науки. Факты, «наблюдаемые» историком, зафиксированы в источниках, – подчеркивает исследователь. Таким образом, эмпирический опыт историка не чист: «наблюдение за фактами» происходит «сквозь» исторические памятники. Однако все памятники имеют своего автора, а последний, в свою очередь, имеет свои цели и убеждения; рассказ книжника или летописца полон смыслов, с которыми его создатель обращается к читателям. Задачей историка оказывается отделить авторское начало от «объективной» информации, заключенной в тексте. Для этого необходимы многие специальные процедуры: определение «общей тенденции» источника и обнаружение не соответствующих ей «проговорок», свидетельствующих о реальности прошлого, соотнесение авторских сообщений с показаниями иных памятников и их разделение на «вымышленные», «правдоподобные», «отражающие действительность» и т.п. «Традиционная» историография, часто называемая позитивистской, на протяжении двух веков вырабатывала базовые принципы работы с источником. Целью этого важнейшего направления всегда было выведение знания об объективной реальности прошлого². Однако какова природа подобной объективности?

¹ Лурье Я.С. *Россия древняя и Россия новая*. СПб., 1997. С.24.

² С позитивизмом зачастую связывается общая тенденция исторической науки второй половины XIX в. – обращение историков к сбору источникового материала и его описанию, однако философия позитивизма (О.Конт) существует параллельно с исследовательской практикой, сложившейся в XIX столетии. В это время осуществляется характерный отказ от теорий и метафизических построений в духе Гегеля, от «учительной» роли истории, актуальной для эпохи Просвещения, в пользу установления «действительных

Ответы на этот вопрос не раз предлагались в XIX и XX столетиях: если изначально реконструируемые факты мыслились атомарными «кусочками реальности», то впоследствии представления о взаимоотношении подобных фактов и реальности прошлого изменялись. Особое – философско-идеологическое – обоснование объективности восстанавливаемых историком событий («теория отражения») было развито в советской исторической науке³.

фактов», реконструкции «объективной реальности» прошлого. (Как отмечает Н.Е.Копосов, знаменитая установка Л.фон Ранке «показать, как все было на самом деле» (*wie es eigentlich gewesen*), была связана с верой, основывавшейся на стремлении к «сопереживанию вселенной и внутреннему пониманию ее тайн», созерцанию Божественной мудрости (См.: Копосов Н.Е. Как думают историки. М., 2001. С.225–226, примечания). Методология, получившая название «позитивизма», основывалась на объективистской установке (признание «объективного» существования реконструированных фактов в прошлом); она часто отождествлялась с «традиционной» историей и столь же часто становилась предметом критики. Позитивистская историография, сформировавшаяся к XX столетию, неоднородна. Бенедетто Кроче выделял в ней три течения – «историков», «филологов» и «философов»; общей для них является установка на реконструкцию «эмпирических фактов» и противопоставление себя историкам-теоретикам, занимающимся «метафизическими спекуляциями» и искажающим объективную картину прошлого (См.: Кроче Б. Теория и история историографии. М., 1998. С.171–177). В рамках позитивистской историографии XIX в. складывается представление о фактах как об объективно существовавших в прошлом «кусочках» реальности, из совокупности которых «сама собой» складывается история ушедших эпох. Критический подход к материалу, всесторонняя проверка авторских сообщений позволяют историку признавать наличие тех или иных фактов в прошлом, отрицая совокупность других сведений. Однако подобная работа вынужденно предполагает принятие определенных установок исследовательской мысли; важную роль играет здесь взгляд на «социальный факт» «как на вещь» (Э.Дюркгейм) – «объективация» социального явления, значимого с точки зрения историка.

³ В советской исторической науке был обоснован своеобразный «третий» путь. Противопоставляя себя, с одной стороны, «буржуазной» философии позитивизма, с другой, – «идеалистическим» течениям, родственным неокантианству, советские исследователи утвердили в качестве единственно верной собственную теоретико-методологическую базу, основанную на марксистско-ленинской теории отражения («объективная реальность существует независимо от человека, она предшествует ему, она дана ему извне»; «идеальное – это материальное, пересаженное в голову», и т.п.) (См.: Иванов Г.М. Основные принципы марксистско-ленинской теории исторического источника // Источниковедение отечественной истории. М., 1979. С.5–12; Пушкарев Л.Н. Исторический источник в свете ленинской теории отражения // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970. С.67–75. Там же см. ссылки на специальные работы по теме). Статьи и специальные сборники, посвященные теории отражения и ее роли в исторической науке, предоставляли исследователю прочный идеологический фундамент для уверенности в объективном существовании в прошлом фактов, реконструированных историком (См. также: Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полное

И все же в самой объективистской установке заложена основа для серьезных противоречий, что не раз отмечали самые разные исследователи на протяжении всего XX века⁴. Мы не будем углубляться здесь в споры, которые заслуживают отдельного рассмотрения. Отметим два ключевых момента.

Невозможность прямого наблюдения за событиями прошлого и работа с письменными источниками накладывают свои особенности на конечный результат реконструкции: заглянуть «дальше» исторического памятника современному человеку не дано⁵. «История устанавливает не то, что могло произойти в прошлом, а то, что с достаточной... достоверностью вытекает из исторических источников», – подчеркивал

собрание сочинений. Т.18. М., 1961. С.346; Иванов Г.М. Указ. соч. С.14–17; Уваров А.И. Гносеологический анализ теории в исторической науке. Калинин, 1973). Ср. методологическую позицию В.С.Библера, основанную на марксистской теории труда (Библер В.С. Исторический факт как фрагмент действительности (Логические заметки) // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С.91–100), и позицию А.Я.Гуревича (Гуревич А.Я. Что такое исторический факт? // Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы. М., 1969).

⁴ *Позиция исследователей, признающих «объективное» существование в прошлом реконструированных ими фактов, критиковалась с самых разных сторон. Библиография вопроса обширна. Из последних работ отметим статью А.Л.Юрганова, специально посвященную методологическим проблемам источниковедения (Юрганов А.Л. Источниковедение культуры // Россия XXI. 2003. №3–4). А.И.Филюшкин рассматривает современное состояние исторической науки в России (Филюшкин А.И. Произошла ли методологическая революция в современной российской исторической науке? // Историческая наука и методология истории в России XX века: К 120-летию со дня рождения академика А.С.Лаппо-Данилевского. СПб., 2003. С.59–68). См. также характерную полемику Т.Л.Вилкул и А.В.Назаренко (Средневековая Русь. Вып.5. М., 2004. С.281–300).*

⁵ *В этом плане история не только не является эмпирической наукой, но во многом оказывается предметом веры. «Поскольку прошлое недоступно созерцанию, вопрос о существовании прошлого – это, в сущности, вопрос веры: ведь вера есть не что иное, как "уверенность в невидимом"», – отмечал Б.А.Успенский (Успенский Б.А. Вместо введения. История и семиотика // Этюды о русской истории. М., 2002. С.22). Подобную мысль высказывал в средние века автор европейской проповеди-«примера» (exemplum). Некий человек усомнился в существовании Бога на том основании, что никогда не видел Его, и знает о Нем лишь по книгам и по словам окружающих. Вступил в спор с сомневающимся, мудрый оппонент спросил, откуда тот знает, что ему принадлежит его собственный дом. Далее произошел диалог такого рода: «Мне его оставил отец». «Но откуда известно, что дом принадлежал твоему отцу?» «Он так говорил, и другие тоже, и существуют свидетельства». «Значит, иного доказательства у тебя нет», – заключил проповедник (См.: Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989. С.345–346).*

Я.С.Лурье⁶. Казалось бы, приняв такое ограничение, можно забыть о противоречиях и – с известными оговорками – изучать объективную реальность прошлого традиционными методами. Однако перед исследователем неизбежно возникает принципиальный вопрос: как быть с *иной – чужой* – объективностью, непреложно открывающейся в изучаемых памятниках.

Задачей историка-позитивиста является как можно более достоверная реконструкция событий, «в то же время считается, что историк способен понять исторические процессы лучше, чем их непосредственные участники», – отмечал А.И.Филошкин⁷. Подобная установка четко определяет подход к памятнику. В позитивистской историографии объяснительные процедуры книжников рассматриваются как субъективные воззрения, затемняющие картину происходившего и мешающие реконструкции прошлого: это помеха, от которой необходимо избавиться, очистив «правдивую информацию» от ее примесей. Факты, представляющие традиционную ценность для исторической науки, лежат в иной области. Обращаясь к изучению эпохи, современный человек прежде всего создает биографию ее основных деятелей, описывает политические и экономические процессы. Необходимая информация выводится из источников, систематизируется и осмысливается самим историком. Этот шаг позволяет получить немаловажное знание о минувшем, однако сущность такого знания редко оказывается предметом серьезной рефлексии.

Создавая выводное знание об эпохе, историк склонен полагать, что он решает основную, принципиальную задачу исторической науки. Получив нужную для себя информацию, исследователь отождествляет ее с прошлым как таковым⁸. В историографии доминирует представление о том, что лишь реконструкция подобной, «наиболее достоверной» картины – удел «историка в собственном смысле слова»; остальное – в лучшем случае «периферия» исторической науки. Установленные на основе памятников цифры и факты и есть объективная реальность прошлого в том виде, в котором мы вообще можем приблизиться к ней. Зная, что происходило «на самом деле», можно на втором этапе вернуться к источникам и посмотреть, что думали об *уже известных* собы-

⁶ Лурье Я.С. *О некоторых принципах критики источников // Источниковедение отечественной истории. М., 1973. Вып.1. С.92.*

⁷ Филошкин А.И. *Указ. соч. С.64.*

⁸ *Довея до совершенства технику внешней и внутренней критики источника, позитивизм останавливается на этом, считая, что результатом его труда стала «история на самом деле», – отмечал А.И.Филошкин (Указ. соч. С.65). Ср.: Савельева И.М., Полежаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. Т.1. СПб., 2003. С.67.*

тиях авторы памятников. Обогатив научное знание, создать картину эпохи «глазами современников»⁹.

И все же какими правами обладает «объективность» исследователя по сравнению с объективностью людей прошлого, создавших свои рассказы о происходящем и обосновавших собственные причинно-следственные связи? Важно, что «объективность» историка принадлежит сознанию современного человека, который оценивает феномены иной культуры в соответствии с собственными целями и установками. Логические построения автора научного труда особым образом сочетаются здесь с изучаемым материалом: «Оценочное знание входит в факт, его структуру, уточняет, расширяет, в определенной мере аргументирует и подтверждает информационное знание факта», – отмечал А.И.Уваров¹⁰. Объяснения источниковеда-позитивиста, критически подходящего к памятнику, всякий раз *противоречат* имманентным объяснениям, заключенным в источнике; логические процедуры историка подавляют внутреннюю логику произведения, не оставляя места пониманию автора и на «первом», и на «втором» этапе работы.

Безусловный перевес объяснительной практики в истории сегодня очевиден. Однако подобный «крен» зачастую приводит к крайне одностороннему изучению эпохи, открывая простор для субъективных, не-верифицируемых интерпретаций авторских сообщений. К началу XXI века эти мысли стали уже тривиальными. Многие историки утверждают, что идеи, с которыми книжники обращались к своим современникам, – важнейший источник сведений об эпохе, ее самосознании. Однако далеко не всеми принимается при этом ключевое положение, необходимое, на наш взгляд, в методологической практике понимания: реальность источниковых смыслов автономна по отношению к исследователю – в рамках собственной оценки можно по-разному относиться к представлениям людей прошлого, но это не дает историку право объявлять реконструированную картину событий *объективной* по отношению к идеям и объяснениям иных людей. Когда дело касается

⁹ Анализируя книгу А.Л.Юрганова «Категории русской средневековой культуры» (М., 1998), П.В.Лукин упрекал автора именно в отходе от традиционной модели исследования: необходимо сначала восстановить «объективные факты», а уже затем изучать восприятие этих фактов людьми. При всей условности разделения источниковых феноменов на «факты реальности» и «факты сознания», историк считает его единственно возможным, приводя в пример Марка Блока, который «не стеснялся» называть «суеверия» суевериями (Лукин П.В. Рецензия на книгу: Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры // Средневековая Русь. Ч.3. М., 2001. С.243–244).

¹⁰ Уваров А.И. Указ. соч. С.31.

человеческого сознания, «реальность» и «вымысел» оказываются сугубо оценочными категориями¹¹: то, что представляется неправдоподобным одному человеку, зачастую является непреложной истиной даже для его современника. Переносить собственную «объективность» в область смыслополагания иной культуры значит гипостазировать свою логику и мировидение. Изучая сознание книжника на основе исследовательского предзнания об «объективности» прошлого, историк обречен на «смотрение в зеркало», постоянную оценку «необъективных» авторских сообщений на основании современных (а зачастую личностных) представлений об эпохе.

Кризис позитивизма в начале XX столетия привел к утверждению новой практики работы с памятником, где на первое место был поставлен не источник, но исследователь. Субъективистская установка потеснила объективистскую. Представители «неклассической» парадигмы (неокантианство, Школа «Анналов») четко осознали, что реконструируемый «факт» во многом зависит от самого историка¹². «Оказывается,

¹¹ В точных науках возможна эмпирическая проверка утверждений в рамках системы (оставляя в стороне вопрос о сменяемости описательных систем науки); при исследовании самосознания человека подобная процедура невозможна: попытки ее проведения приводят к некорректным по отношению к изучаемому феномену выводам.

¹² В рамках французской Школы «Анналов», представившей важнейшую оппозицию позитивизму в прошлом столетии, происходит принципиальное переосмысление субъект-объектных отношений: «рабское следование» изучаемому тексту заменяется принципом свободного конструирования самого предмета исследования (См., напр.: Копосов Н.Е. Указ. соч. С.270–271; Медушевская О.М. Становление и развитие источниковедения // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 1998. С.56–59, 63; Юрганов А.Л. Источниковедение культуры // Россия XXI. 2003. №3. С.59–74). Опыт историков-«анналистов» оказался очень широк: под знаменем школы творили самые разные исследователи. В то же время «субъективистский» подход сам по себе не предполагает специального изучения памятника и заключенных в нем смысловых связей: материал «оживает» лишь тогда, когда исследователь подходит к нему с набором собственных требований и вопросов, при этом субъективность, обусловленная личными предпочтениями историка, отрицается (См.: Анкерсмит Ф.Р. Историография и постмодернизм // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С.143; Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993. С.153; Про А.С. Двенадцать уроков по истории. М., 2000. С.87). Настаивая на закономерности такого подхода для изучения культуры прошлого, А.Я.Гуревич еще в 1960-х годах утверждал: историк не совершает насилия над фактами – работа исследователя проявляется «только лишь» в том, что он **оценивает** изучаемые явления, **интерпретирует** их, **включает** в систему закономерных связей, зависимостей, которые **наука считает существенными** (Гуревич А.Я. Что такое исторический факт? С.81–82). Уже из такого описания становится очевидно, что установка на понимание сочетается здесь с «агрессивным» подходом к материалу, который значительно раньше обосновывали представители Баденской нео-

что факт неисчерпаем как из-за множественности подходов к нему, так и из-за непрерывно меняющейся перспективы, в которой рассматривается прошлое», – отмечал А.Я.Гуревич¹³.

Изначальная установка «неклассического» направления справедлива: возможных объяснений существует множество; однако это не устраняет необходимость понимания как реконструкции имманентных смыслов и причинно-следственных связей источника. Гетерономный и имманентный подходы¹⁴, существующие сегодня в гуманитаристике, разнонаправлены по своей природе. В основе первого – представления о наличии в истории той или иной «объективной» сущности, детерминирующей сознание субъекта культуры и реконструируемой на основе созданного им источника; в рамках второго подхода признается самоценность и необратимость реальности авторских смыслов. Вторжение исследовательских теорий и гипотетических допущений в область источниковой реальности приводит к гипостазированию первого подхода и его экстраполяции на изучение культуры, самосознания эпохи. Многие объяснительные процедуры, распространенные в гуманитаристике XX века и латентно подчиняющие изучаемый материал, делают невозможным полноценное раскрытие авторских интенций и смыслополагания. Устранение этих процедур – востребованная и в то же время крайне непростая задача исторической науки¹⁵.

кантианской школы (См.: Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С.151). Характерно, что А.Я.Гуревич не раз ссылался на Г.Риккерта, утверждая мысль о том, что «диалог» между историком и человеком прошлого «вовлекает в историческое исследование систему ценностей историка» (Гуревич А.Я. Исторический синтез. С.16. Ср.: Он же. Историк и история. К 70-летию Юрия Львовича Бессмертного // Одиссей. Человек в истории. 1993. М., 1994. С.215).

¹³ Гуревич А.Я. Что такое исторический факт? С.83.

¹⁴ См.: Юрганов А.Л. Источниковедение культуры // Россия XXI. 2003. №4. С.65.

¹⁵ Представление о том, что «понимание невозможно», стало крайне популярным в конце XX века. Общая критика методологии «понимания» как особой исследовательской практики гуманитарных наук распадается на две части. Первая связана с теоретическими установками постмодернизма, принятыми философской герменевтикой (П.Рикер, Х.-Г.Гадамер), и восходит к постхайдеггеровской эволюции феноменологии. Герменевтическая практика постмодерна основывается на представлении об изначальной многозначности высказываний, множественных смыслах символа, что соответствует общему развитию постструктуралистической мысли; в основе этой идеи – традиционная герменевтика с ее тезисом о над-сознательной «Жизни» и привлечение теорий Маркса, Ницше и Фрейда о «ложности» сознания (См.: Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995. С.16–17, 27). В конечном счете подобная исследовательская практика требует принятия на веру концепции «расщепленной личности», освобождения от «предрассудков», связанных с представлением о том, что человеческое сознание

Редукция подавляющих¹⁶ установок естественного сознания, открывающая путь к беспредпосылочной герменевтике, – основа исторической феноменологии как метода источниковедения культуры. Это направление в гуманитаристике постулирует новый подход к историческому памятнику: в прямых высказываниях человека прошлого историк открываются очевидности чужого опыта, не подлежащие внешнему объяснению и оценке в ходе исследования; источник всегда содержит в себе имманентную достоверность, которая лежит в основе *объективности* подобного знания¹⁷.

Разделение практик «объяснения» и «понимания» в истории – предмет отдельного рассмотрения. Однако очертить актуальные проблемы необходимо уже сейчас: из двух интересующих нас сегодня установок одна напрямую связана с принципами позитивистской историографии.

В статье, посвященной источниковедению культуры, А.Л.Юрганов выделял два принципиальных момента, принятых советским источниковедением: 1) человеческое мышление неизменно; 2) история выража-

способно продуцировать самодостаточные и осознанные смыслы (Рикер П. Указ. соч. С.30–31. – О концепции «теоретического антигуманизма» см.: Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия. М., 1998. С.42). Гипотетические основы этой позиции требуют отдельного рассмотрения. Вторая часть критики связана с анализом «понимающих» методов, предложенных в науке конца XIX – XX вв. Методологии «понимания», обоснованные в рамках неокантианства, неогегельянства и «классической» герменевтики, в действительности представляют собой объяснительные теории, роль которых в конечном счете заключается в определенной систематизации «фактов», восстановленных историками, на основании «общих понятий», идеальных «ценностей», «неизменных психологических актов» и т.п. (Г.Риккерт, М.Вебер и др.) либо в создании своеобразной процедуры «вчувствования» во «внутренний мир» автора, которое позволяет понять его «лучше, чем он понимал себя сам (Шлейермахер, Дильтей). Выводное знание лежит в основе подобных методов: «понимание» переносится здесь из области источниковых смыслов в область реконструированных «объективных фактов», в результате чего превращается в субъективную объяснительную теорию. Именно в этом случае «понимание» нередко становится предметом критики. Характерный пример поверхностного анализа теории понимания (сведенной к принципам традиционной герменевтики) обнаруживается в известной книге Поля Вена, где на новом этапе обосновывается безупречное разделение наук на номотетические и идеографические и отрицается возможность каких-либо понимающих методов (Вен П. Как пишут историю: Опыт эпистемологии. М., 2003. С.195, 201–203). В подобной работе усматривают, однако, «вполне серьезную» критику «понимания» в гуманитаристике (См.: Кром М.М. «Зрячий миф», или парадоксы исторической феноменологии // НЛЮ. М., 2004. №68. С.310).

¹⁶ Чужое объяснение в его смысловых и причинных связях.

¹⁷ Подробнее см.: Юрганов А.Л. Источниковедение культуры // Россия XXI. 2003. №4. С.76–85.

ет себя целостно в политической области¹⁸. Первый тезис представляет особый интерес. Именно он дает конечное оправдание второму положению и во многом подкрепляет уверенность историка в том, что реконструкция и систематизация важных для современного человека политических, экономических и биографических фактов помогает воссоздать *объективную реальность* эпохи.

Конфликт интерпретаций

«Говоря о современном восприятии истории прошлого, историки и литературоведы часто противопоставляют ментальность людей древних и Средневековья мышлению современных людей. Автор отнюдь не склонен к такому противопоставлению. Несомненно, что сведения о мире и воззрения людей прошедшего времени отличались от тех, которые свойственны нам ... **однако их основной понятийный аппарат, судя по всем источникам, принципиально не отличался от нашего**»¹⁹ (выделено мной. – Д.А.). Утверждение это сделано Я.С.Лурье. Высказанная мысль заслуживает пристального внимания: по мнению историка, понятийный аппарат средневековых авторов *идентичен современному*.

Несмотря на уверенность автора, согласиться с подобной идеей крайне непросто. Если предположить, что на протяжении веков люди оперируют одними категориями, то это, в свою очередь, породит массу проблем и противоречий. Затруднительно будет объяснить многие феномены. Изученный к настоящему моменту комплекс средневековых представлений, выраженных словесно (понятийно) и принципиально отличных от современных. Многочисленные случаи, когда за вполне «ясным» для историка словом (понятием) в процессе реконструкции открываются совершенно иные смысловые связи. Саму эволюцию языка, непосредственно выражающего понятийный аппарат человека...

О том, что общезначимые понятия и важнейшие мифологемы изменяются со временем, причем изменяются глубинно, качественно, свидетельствуют труды многих историков культуры; этот феномен непременно открывается при анализе средневековых памятников. Даже в современном мире люди говорят на принципиально разных языках: атеисты мало понимают верующих, нацисты – либералов, европейцы –

¹⁸ Там же // *Россия XXI. 2003. №3. С.88.*

¹⁹ *Лурье Я.С. Россия древняя и Россия новая. С.16–17.*

аборигенов Африки и Австралии. Тем более глубокой и строгой реконструкции требует понятийный аппарат средневекового человека. Что же имеет в виду Я.С.Лурье, утверждая, что *во всех источниках Средневековья (!)* «основной понятийный аппарат» был идентичен современному, о каком «основном» аппарате идет речь?

Четкого ответа на этот вопрос исследователь, к сожалению, не дал. Мнение подкреплено отсылкой на антропологов, утверждающих, что человек всегда думал «одинаково хорошо». Однако между «одинаково хорошо» и «одинаково» разница все же есть. Большую ясность в позицию историка вносит сделанное им уточнение: «Люди Средневековья не всегда различали предания и *действительные факты*. Они с доверием принимали *легенды*» (курсив мой. – Д.А.).

Древнерусские книжники действительно не были склонны проводить проверку своих утверждений теми способами, которые предлагает современная наука. Но значит ли это, что они «с доверием принимали» любые «легенды» и «предания»? Очевидно, что это не так: в средневековом обществе были собственные критерии оценки достоверности тех или иных фактов. Утверждение Я.С.Лурье полностью соответствует позитивистским представлениям об открытии «объективной реальности» историком. Отбрасывая все «недостоверное», исследователь извлекает из памятников то, что кажется ценным и значимым ему самому, и в результате не видит принципиальных отличий в «основном» (по его мнению) понятийном аппарате средневековых людей. В свою очередь, то, что являлось самоочевидной истиной в рамках изучаемой культуры, представляется легендарным и недостоверным современному человеку. Очевидность собственного опыта переносится на прошлое и становится критерием оценки *чужих очевидностей* – очевидностей другого. Не делая шагов к пониманию, историк-позитивист так или иначе *определяет* прямые высказывания субъекта культуры в соответствии со своими представлениями о «действительных фактах». В результате единственным способом изучения прошлого, изучения источников, становится их современное *объяснение*. Иной путь, по мнению Я.С.Лурье, недостижим: «Исследователь, который предположил бы существование у людей прошлого "особого мышления", в сущности, закрыл бы для себя возможность понимания сочинений средневековых авторов»²⁰.

И все же «опасное» предположение оказывается продуктивным: иное мировидение средневекового человека не является непреодолимой преградой для историка. Более того: понимание возможно *лишь* в том случае,

²⁰ Там же.

когда исследователь предполагает наличие инаковости другого, не объявляя собственный понятийный аппарат универсальным и надвременным. «Особое мышление» древних авторов раскрывается через изучение их смыслов и интенций, реконструкцию объяснительных процедур субъекта культуры, выраженных словесно в историческом памятнике.

В рамках объективистской установки практика понимания не мыслится как особая и принципиальная для истории задача. В силу того, что понятийный аппарат людей неизменен в веках, воспринимать сообщения книжника можно «напрямую», без специальной работы, проводя лишь «оценку достоверности» авторских сообщений²¹. «Для понимания достаточно прочитать» – таково широко распространенное мнение. Результатом этой установки становится *конфликт интерпретаций*, возникающий между противоречащими друг другу объяснениями средневекового автора и современного человека. Конфликт интерпретаций порождает два важнейших историографических феномена:

иллюзию понимания, основанную на последовательном объяснении отдельных сообщений источника;

иллюзию «парадокса», основанную на *невозможности* объяснить сообщения авторов с помощью современного логико-понятийного аппарата.

Обнаружение этих феноменов в конкретной исследовательской практике представляется сегодня особенно важным.

«Понимание» в объективизме: «дополняющий» этап

Один из ярких моментов русской истории – Смутное время, открывшее «переходный» XVII век. О причинах, сущности и хронологических рамках этой эпохи было написано немало. Доскональное изучение источников позволило в деталях восстановить предполагаемую картину событий рубежа веков, прояснить историю памятников этого периода. В то же время реконструированные современными исследователями факты требовали осмысления и систематизации.

Феномену Смуты было предложено немало объяснений. Причины драматических событий видели в неравномерном распределении доходов, противоречиях между служилым и тягловым населением, пресече-

²¹ Основой для оценки будет при этом выступать та или иная теория об «объективной» над-сознательной сущности в истории (отраженная «эмпирическая реальность», «неантропная действительность бессознательного», отчужденные силы рынка и т.п.).

нии правящей династии. Сущностью Смуты в разное время оказывались крестьянская война, интервенция и гражданская война. Однако участники событий имели собственные представления о происходившем. Имманентные причинно-следственные связи широко используемых источников оставались малоизвестными науке. В рамках позитивистской историографии проводились попытки изменить эту ситуацию.

Одна из первых работ, посвященных причинам Смуты «по взглядам современников», – статья А.И.Яковлева, о которой нам уже доводилось писать²². Обратимся к этому немаловажному опыту и посмотрим, каким путем идет историк к пониманию текстов.

Рассматривая сочинения начала XVII в., А.И.Яковлев приводит цитаты, говорящие о всеобщей ответственности людей за бедствия, поразившие страну. Первый шаг к пониманию, таким образом, сделан: автор привлекает для изучения прямые высказывания современников. Пространно цитируя книжников, исследователь суммирует их высказывания о причинах Смуты. Это ценный опыт. Создатели памятников видели причины бедствий не в политических и экономических факторах: Смуту вызвали грехи всего общества, – заключает А.И.Яковлев, подчеркивая, что игнорировать такое видение эпохи нельзя²³. С подобными утверждениями можно лишь согласиться. Однако действительно ли историку удалось раскрыть представления современников о причинах ниспосланных «кар»? Отвлекаясь от убедительных на первый взгляд выводов и вернувшись к началу статьи, мы увидим, что принцип исследовательской работы с памятниками не вполне соответствует сформулированным задачам.

Цитирование источников, пусть самое пространное, само по себе не гарантирует понимание их внутренней логики: без специального изучения авторских сообщений их смысл будет восприниматься каждым человеком сквозь призму собственного жизненного опыта и представлений. Когда речь идет о сочинениях, принадлежащих иной культуре, раскрытие имманентных смысловых связей памятника оказывается крайне важной задачей. Для историка, стремящегося к пониманию причин того или иного явления «по взглядам современников», подобная задача оказывается уже ключевой. Однако принятие тезиса о «неизменном общечеловеческом» понятийном аппарате надежно скрывает эту,

²² См.: Антонов Д.И. Борис Годунов. Гордость и смирение в средневековой Руси // *Россия XXI*. 2004. №1. С.169–170.

²³ Яковлев А.И. «Безумное молчание» (причины Смуты по взглядам современников) // *Сборник статей, посвященных В.О.Ключевскому*. Ч.II. М., 1909. С.678.

казалось бы очевидную, мысль. В основе работы А.И.Яковлева обнаруживается характерная объяснительная стратегия: если в заключении автор дает современникам право на «инаковость» и признает восстановленную им систему представлений ценной и значимой, то в ходе *самого исследования* интерпретация авторских сообщений производится на основе логики, *чуждой* изучаемым книжникам. В результате «картина происходящего глазами современников», представленная в статье, начинает терять былую убедительность.

Приводя аргументацию средневековых авторов, А.И.Яковлев не переходит к реконструкции их объяснительных процедур. Вместо этого историк утверждает, что у книжников Смуты «нарождаются» новые категории: общественной ответственности и общественного права. Категории эти взяты отнюдь не из русских памятников XVII века – вывод сделан Яковлевым на основании собственных идей о рациональном устройстве государства. Объяснение историка настолько глубоко растворено в материале, что читателю зачастую сложно отделить его от самого предмета изучения. Имея готовое представление о том, что происходило в начале XVII столетия, и о том, какую *объективность* должны «отражать» слова публицистов, А.И.Яковлев незамедлительно оценивает все приводимые цитаты. Понимание выглядит в результате несколько странно.

По поводу идеи Божьего батога, играющей важную роль в сочинениях эпохи, автор статьи однозначно заявляет: «Такая философия истории развивается и приспосабливается к фактам туго»²⁴. Подлинно живая сущность, которую книжники «задавливают» своими малопонятными рассуждениями, – «общественное сознание» (в том значении, которое вкладывает в него исследователь начала XX века). Язык современников «ищет новых формул», но размышление о «свойствах общества», вызвавших Смуту, отсутствуют, – утверждается в статье. Очевидно, что незнакомые книжникам «свойства» хорошо известны самому историку, который стремится обнаружить их в привлекаемых источниках. Однако заставить средневековых авторов заговорить на нужном языке крайне непросто: «неясная речь» и «странные термины» (!) мешают им четко выразить идеи, которые формулирует в конечном итоге сам А.И.Яковлев²⁵. В «Видениях», активно распространявшихся с 1606 года, нет еще «логического фронта и логической твердости». Иван Тимофе-

²⁴ Там же. С.653.

²⁵ Там же. С.678.

ев²⁶, казалось бы, «определенно высказывает» важную с точки зрения исследователя мысль: в Смуте виновато все русское общество. Однако, – подчеркивает историк, – «нельзя сказать, чтобы на всем протяжении "Временника" Тимофеев держался на уровне мысли, столь отчетливо развитой им в заключении». И о Палицыне²⁷ «нельзя сказать, что он усвоил себе эту новую мысль прочно и твердо». И все же видимое «сопротивление» книжников не смущает автора; подводя итог, можно констатировать: их рассуждения все же «приводят к идее общественной организации»²⁸. (В ее отсутствии сложно упрекнуть любое общество, тем более государство с многовековыми традициями, – вывод вновь основан на представлениях исследователя о «правильном» социальном устройстве.)

Из религиозно-нравственных понятий в начале XVII века постепенно вырабатывались понятия общественно-политические, – читаем в заключении. Очевидно, что это внешний взгляд на происходившее. Что же известно о самих «взглядах современников»? Цитирование авторских сообщений о «грехах» и о «карах» завершается яркой характеристикой: «вся эта философия "греха" столь же неуклюжа и примитивна, как орудия их хозяйства»²⁹ ...

Задумаемся, что же понял историк, изучавший Смуту «по взглядам современников»? Работая в рамках позитивистской методологии, Яковлев пришел к характерному выводу: средневековые люди «недостаточно твердо» усвоили *его представления* об организации общества. В словах книжников историк ищет объективные для себя истины – «строптивые» авторы говорят о своем. Редкие фразы, не противоречащие исследовательским интенциям, – самое ценное, что можно обнаружить в памятнике. «Это уже не заученная фраза, а не совсем ловкое и

²⁶ Дьяк Иван Тимофеев – создатель «Временника», известного памятника Смутного времени.

²⁷ Авраамий Палицын – келарь Троице-Сергиевой Лавры, активный участник событий начала XVII века, автор сохранившейся во многих списках истории о Смуте («Сказание» Палицына).

²⁸ Яковлев А.И. Указ. соч. С.659–665. Ср. схожие выводы об идеях казней Господних и «всеобщей ответственности» в памятниках Смуты (Кузнецов Б.В. Грех как историческая причина в представлениях современников Смуты // Менталитет и политическое развитие России. М., 1996. С.45, 48; Логинова А.С. Летописцы первой половины XVII века о самозванцах Смутного времени // Россия и Запад. Проблемы истории и филологии. Ч.1. Нижегородск, 2002. С.37). Л.Е.Морозова полагает, что вопрос о «карах» как причине Смуты рассмотрен у А.И.Яковлева «очень хорошо» (Морозова Л.Е. Смута начала XVII века глазами современников. М., 2000. С.161).

²⁹ Яковлев А.И. Указ. соч. С.674, 676.

удачное усилие мысли. Они стали размышлять!» – восклицает автор статьи, отказывая в этой способности средневековым людям³⁰.

Исследовательский опыт А.И.Яковлева резко противоречит выводам Я.С.Лурье: мышление древних людей все же отлично от современного. Однако современный понятийный аппарат действительно неизменен и универсален – средневековый человек просто *не умеет* логично рассуждать!

Конфликт интерпретаций не сразу выявляется в рассмотренной статье. Скрытый за пространным цитированием и логичными обобщающими выводами, он тем не менее определяет работу и в конечном итоге порождает *иллюзию* понимания. Объяснительные процедуры современников не раскрыты в полной мере, но признаны «темными». Несмотря на уверенность в достижении цели, акт понимания не состоялся на методологическом уровне: ключевые утверждения историка «туго приспособляются» к материалу.

В конце XX века проблема понимания источников Смуты вновь оказалась актуальной. Появился ряд новых публикаций, посвященных Смутному времени «глазами современников». Особое место занимают здесь работы Л.Е.Морозовой. Изучение памятников эпохи и анализ *представлений современников о Смуте* – такие цели ставит перед собой историк в двух книгах: «Смутное время в России» (М., 1990) и «Смута начала XVII века глазами современников» (М., 2000).

Исследование 1990 года – опыт комплексного анализа источников Смутного времени. «В настоящей работе читатели могут проследить, как воспринимали бурные события Смуты их участники, как они осмыслили их по прошествии времени...», – пишет автор во вступлении³¹. Таким образом, цель историка – понять природу Смуты «в восприятии» современников. Задачей исследования должен в этом случае являться именно анализ *авторских* представлений и причинно-следственных связей, что предполагает определенную герменевтическую работу со средневековым текстом. Однако содержание первой главы полностью игнорирует область авторских смыслов. Задаваясь вопросом «Что такое Смута?», историк отвечает на него, не обращаясь к произведениям этого периода, но описывая *фактологию* – систематизированные наукой сообщения о событиях, происходивших от смерти Ивана Грозного до заключения Деулинского перемирия. Сами временные рамки никак не обоснованы источниками; дальнейшие сведения о том, «что такое Сму-

³⁰ Там же. С.655.

³¹ Морозова Л.Е. *Смутное время в России*. М., 1990. С.4.

та», читатель также получает не из описаний ее современников, а из фактологических представлений исследователя. Подобным образом решается и проблемный вопрос о конце «великого смущения». «Обстановка в стране нормализовывается. Смутное время закончилось», – утверждает Морозова³².

Изучая «восприятие» Смуты книжниками XVII в., историк идет традиционным путем. В начале книги – научное видение эпохи. Сделан «первый шаг». За ним должен последовать второй (восприятие «объективных событий» их участниками).

Показать Смуту «глазами современников» призвана вторая глава («Что думали о Смуте участники событий?»): здесь автор переходит к последовательному рассмотрению одиннадцати публицистических произведений начала XVII столетия. Посмотрим, каков метод исследования и насколько он соответствует поставленной цели.

Обращаясь ко второй главе, обнаруживаем, что в ее основе – пересказ текста источников без особого изучения сказанного древнерусским книжником, фактически, без какой-либо герменевтической работы. Общий рассказ о содержании памятника дополняется цитированием. Однако читатель не найдет здесь реконструкции имманентных источниковых смыслов: пересказ предполагает дословное прочтение. В тех случаях, когда историк все же анализирует авторские сведения, способ анализа определяется позитивистским подходом к тексту. Этим вызвана и узнаваемая оценочность при рассмотрении фактов самосознания древнерусских книжников: так, по мнению Морозовой, «автор Сказания, вероятно, *не совсем объективно* описал обстоятельства свержения самозванца»³³ (курсив мой. – Д.А.). Рассказ автора «Повести како отместил...» «вряд ли соответствует истине», книжник «несомненно ... сгущал краски», историк «думается», что все сказанное им – «явное преувеличение», и т.п.³⁴ Казалось бы, подобные утверждения явно противоречат сформулированным задачам: рассматривая прямые высказывания средневековых людей сквозь призму современного знания об эпохе (критически анализируя сведения), исследователь ищет «правды» об «объективной реальности», называя это изучением *представлений современников* о Смуте. Однако проблема заключена отнюдь не в «плохой работе» историка – перед нами традиционная позитивистская стратегия изучения авторского самосознания как «авторской субъективности».

³² Там же. С.13.

³³ Там же. С.23.

³⁴ Там же. С.27.

Оценочность характерна для всей книги Л.Е.Морозовой. Пересказав непростые для понимания описания царя Бориса, тщетно пытающегося справиться с пришедшим в страну голодом, автор вполне трезво – с точки зрения современного человека – заключает, что предпринятых царем мер «было, конечно, мало». Утверждение продиктовано логикой историка XX века, но мнение современников о причине неудач Годунова остается невыясненным. Говоря же о природе Смуты, исследователь приходит к выводу, соответствующему как по содержанию, так и по стилистике заключениям А.И.Яковлева: «Автор Истории отчасти /! – Д.А./ понял причины, приведшие страну к многочисленным бедам...»³⁵. При таком подходе Морозова не углубляется и в изучение важной идеи казней Господних, непосредственно входящей в объяснительные процедуры книжников, – слова о «ниспосланных карах» лишь постоянно *фиксируются* (пересказываются) в книге.

Интересно, что знаменитый памятник Смуты – «История» Авраамия Палицына³⁶ – представляет, по мнению автора, всего лишь «краткую хронику событий конца XVI – начала XVII вв.» Вывод в определенной степени закономерен: не проводя герменевтический анализ того, *что* собственно говорит книжник, действительно сложно увидеть в его произведении что-либо иное, кроме «краткого изложения событий».

Практически неизменными те же заключения переходят в следующую книгу Л.Е.Морозовой – «Смутное время начала XVII века глазами современников». Меры Бориса все так же «недостаточны» (с точки зрения историка), сложный эпизод клятвы Годунова при венчании на царство, к анализу которого подходил Я.Г.Солодкин, свидетельствует лишь о том, что «автор был противником каких-либо нововведений»³⁷ и т.п. Однако вторая книга соединяет элементы позитивистского анализа с новейшими методами компьютерной «макротекстологии». Анализируя источники, автор стремится проследить складывание целого комплекса сочинений о Смуте, взаимосвязи между этими сочинениями и обстоятельства создания каждого³⁸. Проводится компьютерный стилевой анализ, основанный на количественном методе, и «серия» иных «экспериментов» (в определении Морозовой). Все это безусловно ново

³⁵ Там же. С.31, 32.

³⁶ «История... како грех ради наших» – Окончательная редакция первых шести глав «Сказания». Создание Изначальной редакции Л.Е.Морозова приписывает неизвестному человеку из круга Дионисия Зобиновского: Палицын переделал это сочинение, превратив его в «краткую хронику» событий (См.: Морозова Л.Е. Смутное время в России. С.40).

³⁷ Морозова Л.Е. Смута начала XVII века... С.158.

³⁸ Там же. С.21.

для советского источниковедения, однако способ изучения авторских смыслов остается неизменным. Текст источников по-прежнему пересказывается. Современники «глядят» на Смуту глазами автора научного труда. Часто отклоняются от истины и приводят «необъективные» сведения³⁹.

Иллюзия понимания – опасное явление в исторической науке. Полагая, что понятийный аппарат современного человека универсален и для понимания источника достаточно прочесть его дословно и пересказать, историк склонен думать, что он осуществил целостное рассмотрение темы, реконструировав «объективную реальность» и очертив «субъективные оценки» современников. Однако результатом подобной практики становится подменяющее объяснение: логика исследователя гипостазуруется, не оставляя места смыслополаганию изучаемых людей.

Между высказываниями средневекового книжника и «реальностью прошлого», реконструированной историком, постоянно существует «ззор», порождающий противоречия. Когда «недостовверные сведения» обнаруживаются в одном источнике, их легко приписать субъективности автора; когда они совпадают в ряде памятников, найти объяснение может быть не столь просто.

Описания Годунова в сочинениях Палицына, Тимофеева, Хворостинина полны тяжких обвинений. Борис поражен первогрехом – гордыней, в результате чего все начинания царя приходят к краху⁴⁰. Реконструкция объяснительных процедур авторов, писавших о Годунове, проясняет многие малопонятные сообщения источников, в том числе утверждения о «неначитанности» царя и о *незнании* им самих букв⁴¹. Современная оценка подобных высказываний может быть только одна: создатели памятников противоречили истине – Годунов *умел* читать и писать. «Царь Борис, которого современники обвиняли в незнании священного Писания и даже безграмотности, многое сделал для развития и просвещения в России, – пишет В.И. Охотникова, – многие отмечали его ум и восхищались его даром красноречия. Упреки в безграмотности

³⁹ *Игнорирование смысловых связей источника приводит, помимо прочего, к весьма спорным выводам о заимствованиях. Если Палицын и Хворостинин делают сходные утверждения о том, что «вознесшийся» Борис плохо знал Писание, причем он сравнивается в одном случае с «Иосифом во Египте», а в другом – с Василием Македонским, это вряд ли дает основания для серьезных выводов о взаимоотношении двух памятников (Морозова Л.Е. Смута начала XVII века... С.154, 342).*

⁴⁰ *Подробнее см.: Антонов Д.И. Указ. соч. С.142–168.*

⁴¹ *Временник Ивана Тимофеева. СПб., 2004. С.67. В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте.*

Бориса несправедливы, сохранились грамоты, подписанные его рукой»⁴². Объяснение приводит исследователя к тупику: *не понимая* книжников, остается только *обвинять* их в загадочной «несправедливости». «Основной» понятийный аппарат историка явно далек в этом случае от древнерусского. Пример отнюдь не единичен: «иное мышление» средневековых людей безусловно предполагает иное прочтение созданных ими текстов. Рассмотрим характерную ситуацию.

Повесть о преставлении патриарха Иосифа, написанная Алексеем Михайловичем и адресованная Никону, – известный памятник XVII века⁴³. Сочинение примечательно во многих отношениях. Описывая кончину пастыря русской Церкви, автор сохраняет почтительный тон, непрестанно прославляя и восхваляя «государя» и «святителя». В благочестивом произведении, как кажется на первый взгляд, нет и тени упрека в адрес усопшего. В то же время Повесть полна реалистических описаний, нехарактерных для русской средневековой книжности: подробно описана болезнь и «агония» патриарха, а также неприятные подробности «разложения» его тела после смерти. Исследователи не раз подчеркивали эту особенность памятника, отмечая, что патриарх описан с «точки зрения обыденного, мирского», без «средневековой абстрактности», с «излишней детализацией» и т.д.⁴⁴ Подобные комментарии изначально предполагают, что *понимание* состоялось при прочтении текста и историк должен переходить к оценке произведения. Однако действительно ли это так?

Обратившись к источнику, мы увидим, что перед нами отнюдь не традиционная для средневековой книжности картина успения духовного лица. Используя широко распространенные в агиографии символы, топосы, понятные современникам, автор «выворачивает» их «наизнанку», превращая кончину праведника в «злую смерть» грешника. Несмотря на отсутствие прямых порицаний и восхваление усопшего пастыря, символический план Повести необыкновенно ярко свидетельствует о греховности патриарха, осужденного на вечные муки.

⁴² Охотникова В.И. Комментарии к «Временнику» И.Тимофеева // Памятники литературы Древней Руси (ПЛДР). Кон. XVI – нач. XVII в. М., 1987. С.581.

⁴³ ПЛДР. XVII век. Кн.1. М., 1988. В дальнейшем ссылки на это издание Повести приводятся в тексте.

⁴⁴ Шунков А.В. «Повесть о преставлении патриарха Иосифа» царя Алексея Михайловича как литературный памятник. Стиль повести // Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999. С.176–185. Ср. комментарии к изданию памятника С.А.Семячко: ПЛДР. XVII век. Кн.1. С.666.

Традиции описания смерти благочестивых и святых людей известны по многим памятникам. Праведный муж знает о близкой кончине, он видит перед смертью ангелов, чаще всего отходит тихо, будто уснув, и сохраняет дар речи до самого конца; после успения лицо праведника просветляется, а от мощей исходит благоухание. Грешники, напротив, плачут и скорбят на смертном одре, так как видят посмертный Суд, и чаша их весов склоняется в пользу бесов⁴⁵. Для древнерусского человека, хорошо знающего этот канон, смерть патриарха Иосифа выглядит весьма своеобразно.

Прежде всего, патриарх несколько странно «пророчесствует» о своей кончине: восторгаясь посмертной славой Иова, он просит погresti себя в его ногах вместо того, чтобы положить туда мощи Гермогена. Как и предполагает канон, автор Повести восхищается «прозрением» Иосифа о скорой смерти. Однако дальнейший рассказ утверждает мысль о том, что пастырь не столько предсказывал свой уход из мира, сколько возносился гордыней. Сразу после «пророчества» на патриарха нападает болезнь. Однако Иосиф «чаёт», что врагуша (лихорадка) оставит его, как прежде, и – даже «обманув» этими словами царя – не оставляет посмертных распоряжений, что уже противоречит канону (С.504). Заболев, патриарх жестоко «кручинится» на окружающих и перестает служить. «А за столом весел таков был...», – как бы между делом замечает царь (С.503). Когда к пастырю приходит смерть, он теряет дар речи и гонит своего духовного отца. Когда того заставляют исповедать Иосифа, патриарх, по словам священника, «горазда, де, тупо понавливалься. Чуть, де, намечал». Далее следует драматический эпизод: умирающий «гораздо быстро» смотрит на левую сторону, поводит очами вверх и начинает жаться к стене (С.506–507). Автор Повести прямо напоминает читателям о посмертном Суде, когда человек видит перед собой все совершенные дела, злые и добрые. Что именно увидел патриарх, не вызывает сомнений: немного погодя он начинает кричать и плакать, закрываться руками и жаться в угол, – «как стену ту не выломит»?! «Рыча великим гласом», Иосиф являет картину человека, которого *избивают* невидимые силы. Наконец, после смерти у положенного в церк-

⁴⁵ См., напр.: Волоколамский Патерик // *Древнерусские Патерики*. М., 1999. С.86, 87; Молдован А.М. *Житие Андрея Юродивого в славянской письменности*. М., 2000. С.318, 342; Слово о Житии великого князя Дмитрия Ивановича // *Библиотека литературы Древней Руси (БЛДР)*. Т.6. СПб., 2000. С.216; *Житие Кирилла Белозерского* // БЛДР. Т.7. СПб., 2000. С.190, 192; *Рассказ о смерти Пафнутия Боровского* // Там же. С.278, 280, 282; *Описание кончины Федора Ивановича по Хронографу XVII в.* (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф.256. №461) и др.

ви патриарха начинает шуметь в утробе, лицо пухнет, чудовищно искажается и лопается. От тела начинает исходить *зловоние*, которое не может перебить даже ладан; всю ночь из него реками льется «нежид», который прекращается лишь после того, как в церкви отслужили дневные часы. Погребают патриарха *без звона*, забыв все от страха (С.507–510).

Обличительный пафос произведения очевиден в контексте канонических рассказов о смерти праведников и грешников. Известные описания Суда и бесов не оставляют сомнения в том, что происходило с владыкой перед смертью и что ждет его в посмертной жизни. Как умирал патриарх Иосиф, узнать сейчас невозможно, однако очевидно, что, описывая подобные «детали» его смерти, Алексей Михайлович свидетельствовал о *греховности* усопшего пастыря.

Казалось бы, теперь истинный смысл памятника раскрыт в полной мере. Однако задумаемся, осуществилось ли понимание? Несмотря на обилие нового материала, говорить об этом пока невозможно: верифицированного знания по-прежнему нет. Историк, хорошо знающему древнерусские традиции описания смерти праведников и грешников, очевиден обличительный план произведения. Именно в этом кроется опасность: остановившись на данном этапе, исследователь, вместо реконструкции имманентных смыслов источника, осуществит характерную подмену – «здорового смысла» современного человека «здравым» же «смыслом», принадлежащим современному специалисту. Очевидно, что механистическая экстраполяция общего знания об эпохе, символах и категориях, существовавших в изучаемый период, на конкретный изучаемый памятник недопустима. Общезначимые представления, необходимые для понимания текста, должны не «подбираться» историком, но постулироваться самим книжником. Сделаем следующий шаг и обратимся к верифицируемому знанию – области прямых авторских высказываний.

Произведение, созданное в середине XVII столетия, существенно отличается от памятников Средневековья: раскрыть имманентные смыслы в тексте, полном символических топосов, оказывается особенно сложно, так как значительная часть авторских утверждений свидетельствует в данном случае о благочестии умершего, в то время как символический план представляет, как кажется, совершенно иную картину. И все же обличительная направленность описаний находит доказательство в рамках памятника: автор сам направляет мысль читателя в нужное русло, прямо утверждая известные представления о посмертном Суде и сразу же вслед за этим описывая страх умирающего и муки, принятые

им от невидимых сил. Указав, что патриарх был «избиваем» на смертном одре, Алексей Михайлович ярко свидетельствовал о том, что душа Иосифа оказалась беззащитной перед нечистыми духами. Словами «не упомяну, где я читал: перед разлучением души от тела видит человек вся своя добрая и злая дела...», и далее (С.507) автор Повести дает читателю важнейший ключ для понимания всего рассказа.

В сочинении Алексея Михайловича порицание очень необычно объединено с восхвалением духовного владыки: по собственным словам, до и после кончины патриарха государь ведет себя как человек, свято чтущий духовных владык и не смеющий осудить их даже в мыслях. И все же уникальное произведение оказывается **характерно** непростым памятником «переходного» столетия.

Порицание духовного владыки или светского правителя – важная проблема для средневековых книжников: на этом пути можно впасть в немислимую гордыню и самому оказаться во власти греха. Именно в XVII веке необходимость борьбы с «первогрехом» оказалась актуальной для многих авторов. Создатели обличительных памятников отнюдь не ограничивались традиционными «формулами самоуничужения», в сочинениях Аввакума, Хворостинина и др. роль смирения очень велика; представления о важнейшей добродетели каждый раз особым образом входят в ключевые описания источников.

Однако остановимся и на этом этапе. Очерченные проблемы особенно важны для авторов XVII столетия, и все же, постулировав, что в основе Повести лежат представления о смирении, которые заставляют книжника уметь скрывать осуждение за благочестивым рассказом, мы вновь пришли бы к *гипотетическому* знанию. В «сложном» произведении, где многие прямые утверждения разнонаправлены и где не обнаруживается прямая авторская рефлексия по поводу собственного труда, верифицированная реконструкция общей идеи книжника не выполнима. Алексей Михайлович мог решать проблему смирения, он мог оставаться до конца не уверенным в посмертной участи патриарха; многие детали могут выражать личностный опыт книжника, а не являться следствием анти-канонического представления событий и т.п. Основываясь на привлеченном материале, при отсутствии прямых высказываний, восстановить авторское целеполагание невозможно. В данном случае мы можем говорить лишь об имманентных смыслах памятника, реконструированных на основе прямых утверждений его создателя, но естественное искушение сделать обобщающий вывод «за» автора будет неизбежно относиться к разряду предположений, которые нельзя *смешивать* с верифицированным знанием.

Пример Повести ярко показывает, насколько непросто путь понимания средневекового текста и как легко отклониться на этом пути в сторону гипотетических допущений, препятствующих реконструкции имманентной источниковой объективности. Игнорируя символический язык книжников и воспринимая их рассказы на основании «универсального понятийного аппарата», историк совершит первую из возможных ошибок, результатом чего станет череда бездоказательных утверждений. То, что для современного человека представляется *«интересным описанием агонии»*⁴⁶, для средневековых людей – *«прямое осуждение в грехах...»*

Иллюзия понимания – следствие вторжения исследовательской логики в область причинных связей средневекового автора. Какими бы категориями ни оперировал историк, подменив объяснение субъекта культуры собственной очевидностью, он – заведомо или неосознанно – оставляет себе лишь путь современной трактовки авторских сообщений. Однако объяснить удастся далеко не все. Именно тогда конфликт интерпретации приводит к «парадоксу».

«Парадокс» как следствие объяснительной практики

Историография Смутного времени хорошо знакома с проблемой «нелогичных» высказываний книжника. Рассмотрим характерный пример такого «противоречия».

В литературе, посвященной «Временнику» Ивана Тимофеева, хорошо известен «парадокс», привлекавший внимание как русских, так и зарубежных исследователей⁴⁷. «Характеризуя Грозного, Тимофеев явно впадает **в противоречие с самим собою**», – писала, в частности, О.А.Державина⁴⁸ (выделено мной. – Д.А.). Речь идет о достаточно «популярных» утверждениях Тимофеева об Иване Грозном. Обратимся к источнику.

«Временник» начинается с рассказа о царском роде. Тимофеев утверждает идеи, сложившиеся в царствование Грозного: «превысочайший и преславнейший» из всех бывших правителей государь Иван Ва-

⁴⁶ Шунков А.В. Указ. соч. С.182.

⁴⁷ Державина О.А. Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник // Временник Ивана Тимофеева. С.376; Свобода М. Образ царя во «Временнике» Ивана Тимофеева // Труды Отдела древнерусской литературы ИМЛИ РАН. СПб., 2001. №22. С.396.

⁴⁸ Державина О.А. Указ. соч. С.376.

сильевич, восславляемый из конца в конец небес, происходит от царского корня, неискоренимого вовеки, восходящего через Рюрика к самому обладателю вселенной, императору Августу. Представления о богоизбранности рода особенно важны в этих рассуждениях: «благочестивых благочестивейши, законно же и святолепно сынови от отец доднесь происхождаху» (Временник, 11). Иван IV «причтется» прежним царям не только по родству, но и по своему благочестию, утверждает автор «Временника». Впоследствии книжник упомянет и о благоверии государя, твердого в православии (Временник, 16). И все же именно правление «преславнейшего и благоверного» царя становится прологом будущих бедствий.

Закончив повествование о высоком роде Рюриковичей, Тимофеев отмечает, что сам Иван был «к ярости удобь подвижен», и вслед за тем обращается к описанию опричнины. По словам автора «Временника», возникла она в результате «ярости» государя, который возненавидел собственные города и разделил страну надвое, чем разжег на себя Божий гнев. Сотворив такое в собственной земле, «на ню руку не благословя наложи», Грозный приводит все государство к беде, «даже оно и доньне неутверженным от грех колеблемо» (Временник, 12). Описания опричников крайне интересны: царь полагает на них «тьмообразные знаменья», одев воинов с головы до ног в черное и повелев иметь черных коней; «по всему воя своя яко бесподобны слуги сотвори» (Временник, 12–13). Средневековое значение слова «бесподобный» очень далеко от современного: как *преподобные* праведники уподобляются своей жизнью Христу, так «бесподобные» слуги – слуги сатаны, бесы. Дав воинам Ивана такой эпитет, Тимофеев заключает, что по образу опричников можно судить и об их сущности (Временник, 13). Опричнина – богопротивное и зловещее дело, основа будущих бед.

Дальнейшие порицания относятся к Новгородскому походу Грозного (1569/70 г.). Погром, в результате которого весь город утонул в крови, описан красочно. Происходящее уподоблено 78 и 79 Псалмам, в которых идет речь о разрушении Иерусалима язычниками; к Господу возносятся молитвы покарать неверных, проливших кровь как воду. Кара действительно не заставляет себя ждать: разгром города влечет за собой казнь свыше – нашествие татар на Москву (Временник, 14).

Книжник, как видим, явно порицает царя Ивана и описывает греховность его дел. Однако затем автор «Временника» рассказывает несколько иное: после смерти Грозного бояре и знатные люди начали творить «волю свою» и вскоре погибли, прельщенные Борисом (Временник, 16). Как подлинный православный государь, Иван не допускал греховного

своеволия в подданных, спасая их от греха гордыни. Сразу вслед за этим Тимофеев рассуждает о том, что не его «худости» дело говорить плохо о православном царе – не только из-за «величества» сана, но и из-за благочестия правителя, крепкого в православии, начитанного творений Отцов Церкви. Не подобает подданным злословить на царей, «лепотнее бо есть царьско безобразие жития молчанием покрытии, якоже ризою» (Временник, 17). Впоследствии книжник повторит такое утверждение (Временник, 23), а затем вновь напишет, что книжникам следует говорить о правителях лишь хорошее, но никогда не обличать дурное (Временник, 33).

Описания автора «Временника» непросто понять: написав о «ризе», которой необходимо покрывать дурные дела государей, автор «Временника» еще не раз поднимает ее покров, обнажая страшные злодеяния Грозного. В главе об Иване Ивановиче Тимофеев утверждает, что наследник был женат трижды, но не из-за смерти супруг, а в результате гнева правителя, насильно постригшего жен сына в монахини. Сам царевич умирает с муками, избитый отцом за то, что хотел удержать его от «некоего неподобства» (Временник, 19). Убив своего двоюродного брата Владимира вместе с женой и сыном, Грозный, «яко лов некий уловив сладок, || вкупе со убийцы воскликну, гласу на воздух вознесше», а затем мученической смертью умерщвляет всех рабов и отдает на поругание девушек-служанок. Оставшуюся в живых дочь Владимира Андреевича царь выдал замуж за худородного короля; несчастная живет среди еретиков, и лишь Федор Иванович возвращает неповинную девушку «от тамо суцаго нечестия ... во свет сего благочестия» (Временник, 23–24). Наконец, к своему приближенному Богдану Бельскому царь пылал нечестивой страстью (Временник, 46).

Все подобные рассказы мало соответствуют намерению Тимофеева не говорить о правителе худого. Еще более яркими оказываются те описания, где автор «Временника» говорит о грядущем воздаянии. Кровь погубленных государем родственников «до века яко Авеля вопиет на Каина» (Временник, 23). «До века» означает до конца времен и до Страшного суда, когда дела каждого, а среди прочих и царя Ивана будут судимы Господом: именно тогда, по утверждению Тимофеева, станет известно и точное количество убитых Грозным в Новгороде (Временник, 13). Читателю становится очевидно, что злодеяния царя будут обличены на Страшном суде. Однако сам Тимофеев не только не утверждает, что царю уготована преисподняя за его дела, но даже не называет его грешником – мы не встретим здесь слов, столь обычных для обличительного средневекового произведения.

Казалось бы, «парадокс» источника налицо. Подходя к этой проблеме, канадский историк М.Свобода предложила особое разрешение противоречию «Временника».

В центре внимания Тимофеева, по словам М.Свобода, оказывается богопоставленность не царской власти как таковой (она не вызывает сомнения у книжника), но богопоставленность отдельных государей⁴⁹. Рассматривая понятия, несколько раз встречающиеся во «Временнике», исследователь утверждает, что все цари разделяются в памятнике на **сущих**, **первосущих** и **не сущих**. В основе подобного разделения лежит, по мнению историка, не легитимность, но моральные качества правителя. Сущий царь – «получивший власть в соответствии с существующими законами престолонаследия»; «первосущим» оказывается государь, не только обладающий законным правом на престол, но и соблюдающий определенные этические нормы. Правитель, который ведет себя неверно, может превратиться из «первосущего» в «не сущего». Именно это, по словам М.Свобода, и происходит с Иваном Грозным: будучи «сущим» по рождению и «первосущим» по жизни, он в результате «моральных изъянов» и недостойных действий становится «не сущим»⁵⁰. Такое предположение разрешает «парадокс» «Временника»: слова Тимофеева о том, что порицать государей недопустимо, относятся только к «первосущим» царям. Тимофеев осуждает Грозного уже как «не сущего»⁵¹.

Многие замечания М.Свобода об отношении книжника к государям справедливы, однако в предложенных построениях есть существенная слабость. Привлекая отдельные авторские понятия и оценивая материал на их основе, исследователь вынужденно отдаляется от имманентных смысловых связей памятника. Четкой системы разделения царей на «сущих», «не сущих» и «первосущих» у Тимофеева нет («не сущими» царями, что вполне естественно, называются здесь самозванцы). «Увле-

⁴⁹ По утверждению М.Свободы, Тимофеев сформулировал основы богопоставленности царя, переосмыслив определение этого понятия, взятого из Агапита, «снизив наличие "тленного" начала в монархе и определив праведность поведения как предпосылки Божьего предназначения» (Свобода М. Указ. соч. С.390, 393). Несмотря на уверенность исследователя в «существенном отличии» идей Тимофеева от концепции Агапита, разница не представляется столь радикальной; приведенные цитаты максимально близки по смыслу (Там же. С.389). Книжник утверждает, что царь – человек по естеству, властью же подобен Богу; царский сан, которым государь уподобляется Всевышнему, неотъемлем от его человеческой природы: «но ни единому же без другаго, яко ни души мощно бе без тела ... ниже телу кроме душа» (Временник, 107, 106).

⁵⁰ Свобода М. Указ. соч. С.390–391, 394.

⁵¹ Там же. С.394–396.

чение системой», лишь частично основанной на источнике, приводит к тому, что верные заключения (о Годунове, Михаиле Романове, Лжедмитрии) смешиваются в статье с недоказуемыми утверждениями. Предположение о том, что Иван IV, по мнению Тимофеева, предтеча антихриста, основано не на прямых высказываниях (историк прямо подчеркивает, что их нет во «Временнике»), но на «демоническом» описании опричнины и на том факте, что действия Грозного подготавливают приход в страну «сына погибели» – Лжедмитрия. Оба наблюдения справедливы, однако «предтеча антихриста» – слишком характерное и значимое наименование человека, чтобы исследователь делал его сам, при молчании источника. Ключевая идея, призванная разрешить «парадокс» памятника, – о том, что в результате неправильного поведения и «отрицательных черт характера» Грозный теряет как статус «первосущего», так и *наследственное право на престол*⁵² – представляется абсолютно необоснованной. Автор «Временника» не говорил ни о чем подобном. Между царем, падшим во грех, и человеком, не имеющим прав на престол, – принципиальная разница. Грозный, безусловно, остается для Тимофеева истинным государем, хотя его прегрешения обличены книжником.

И все же попытаемся разобраться, почему возникает «несоответствие» между восхвалениями и обличениями царя и действительно ли оно столь парадоксально.

В полной мере восстановить отношение книжника к описанным правителям возможно лишь проведя реконструкцию имманентных смыслов всего Временника в их непосредственной взаимосвязи. Попытаемся сформулировать здесь лишь основное⁵³.

Полностью положительный и полностью отрицательный образы существуют в памятнике: это, прежде всего, образы благого царя Федора Иоанновича и антихриста Лжедмитрия. Однако иные описания Тимофеева представляют куда более сложную картину: даже говоря о великом грешнике и цареубийце Годунове, книжник подчеркивает положительные качества этого правителя. Более того, несмотря на яркие описания грехов избранного царя, которые повлекли за собой страшные беды, Тимофеев в конечном итоге замечает, что никто не знает, какая сторона – добрая или злая – возобладает на посмертном суде: «и кая страна мерила претягну дел его: благая, ли злая», ибо Господь может воздаты

⁵² Там же. С.394. Ср.: С.391.

⁵³ Благодарю А.В.Караваикина за ценное замечание относительно «Временника» Тимофеева.

человеку в день смерти и против его пути (Временник, 64). Это очень важно. Тимофеев прямо утверждал, что, даже если бы Борис принес себя «в жертву», отдав свою жизнь за смерть Дмитрия, это не искупило бы грех царубийства, так как весь мир не стоит волоса с царской главы (Временник, 64). Описания Годунова полны страшных обвинений. Тем не менее книжник не решается прямо сказать, что Борису уготовлена преисподняя: как истинный христианин, автор «Временника» не осмеливается судить о путях Господних и «вершить суд», принадлежащий лишь Христу. Мысль о неисповедимом Божьем промысле очень важна для Тимофеева: именно в ней обнаруживается причина смерти самого Грозного и его сыновей – Дмитрия и Ивана Ивановичей (Временник, 15, 20, ср.: 22 и др.); через нее многие однозначные характеристики, казалось бы, *логично вытекающие* из слов книжника, оказываются *невозможными*.

Осуждение правителя, чья власть дана от Бога, – особая и непростая проблема, по-разному решавшаяся средневековыми авторами. Иосиф Волоцкий утверждал, что обличать прямо можно – и нужно – лишь государя, отступившего от веры. Иван Тимофеев обосновывает иную идею: порицать необходимо самозванцев, «через подобство наскакавших» на царство. Более того: «сицевых яве от благих по всему **отделися суд: необличнаго же умолчания ради, еже о тех нечестивых писателе, мню, с сими равнее истяжутся**» (Временник, 34. Здесь и далее выделения в тексте источников мои. – Д.А.) Таким образом, книжник, не осуждающий самозванцев, будет судим вместе с ними на специально уготованном для подобных грешников Суде. Отметим, что избрание Годунова и Шуйского представляется автору неверным: Борис «лукавством» восхитил престол, а Шуйский воцарился «самоизбранно», «самоизволне» и «самодвижно» (Временник, 100, 113). И все же обличение обоих «наскакавших на царство» правителей соседствует во «Временнике» с признанием их положительных черт, или «жалостными словами» (Временник, 107). Речь о конечной гибели грешников, занявших царский престол, не идет.

Однако, помимо «не сущих» царей, Тимофеев осуждает Ивана Грозного – природенного государя, твердого в вере. Такое обличение очень рискованно в представлениях Средневековья; в самом «Временнике» оно не получает каких-либо оправданий. Напротив того, Тимофеев утверждает, что, говоря об истинном правителе, до конца дней сохранявшем православие, необходимо не выставлять напоказ, но покрывать «ризой» его грехи, как некогда Сим и Иафет покрыли наготу Ноя (Временник, 17). Книжник действительно не допускал прямых утверждений о греховности царя и не раз возвеличивал его как человека,

облеченного Божественной властью. Описывая Грозного, Тимофеев сформулировал важную для себя идею: «**лишше не глаголю – сам себе наветник быв**» (Временник, 12).

Проблема осуждения духовного или светского владыки актуальна для многих писателей XVII века; идея смирения пред несправедливым правителем оказывается без преувеличения ключевой для некоторых авторов Смуты⁵⁴. В то же время для создателя «Временника» особую роль играет мысль о неисповедимости Божьего промысла, препятствующая «конечному» осуждению грешника. Рассказывая о благих и злых делах правителя, Тимофеев осознанно не претендует на то, чтобы создать единую картину и вынести окончательное суждение о государе (Временник, 17–18): судить царей – «**ниже человеческия силы бысть дело, понеже таковых судити един весть Бог ... Той сведый и всех вся**» (Временник, 33). Благое и злое может самым причудливым образом сплетаться в человеке – эта идея существенно отличает памятник XVII века от традиционных обличительных сочинений Средневековья. Важная для Тимофеева мысль о неисповедимых путях Господних определяет многие «непростые» описания, в которых нет «однозначных» выводов; обобщающие заключения автора оказываются совсем *иными*, чем мог ожидать исследователь XX века.

Глубокое изучение памятника способно открыть еще многое в представлениях книжника о государях, правивших на рубеже XVI–XVII веков. Однако подобный анализ не приведет к обнаружению «противоречий самому себе», неосознанно-нелогичного объединения идей и т.п.: поверхностные предположения, основанные на современной оценке авторских утверждений, «тают как дым» при реконструкции имманентных смыслов источника.

Найти действительный парадокс в средневековом памятнике – крайне непростая задача: для этого необходимо, прежде всего, восстановить авторские смыслы и интенции и лишь затем обоснованно судить о наличии внутреннего противоречия. Изучение иных случаев, когда в источнике обнаруживались «парадоксы»⁵⁵, свидетельствует о том, что без проведения подобной работы исследователь попадает в «ловушку» собственных объяснительных процедур. Рассмотрение отдельных примеров этого рода требует специальной работы. Однако говорить о самой

⁵⁴ См.: Антонов Д.И. *Клятва на кресте как феномен русской средневековой книжности // Источниковедение культуры. М., 2006 (в печати).*

⁵⁵ См., напр., о «противоречиях» в *Житии Авакума: Робинсон А.Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974. С.371–383.*

проблеме «противоречий» невозможно без учета особой, характерной позиции. В историографии было предложено теоретическое обоснование идеи о том, что *парадокс* является *неотъемлемой чертой* средневекового мышления.

Объективация «парадокса»: теория «неосознанных противоречий»

Мнение Я.С.Лурье о «неизменности» человеческого сознания в веках имеет своих оппонентов. Принципиально иная теория была выдвинута А.Я.Гуревичем: историк утверждает, что мышление средневекового человека качественно отлично от мышления современных людей. Манифестируемое отличие оказывается очень интересным. Последуем за рассуждениями автора.

Исследуя проблему «большой» и «малой» эсхатологий (Страшный Суд в конце времен и после смерти человека), А.Я.Гуревич приводит массу примеров, свидетельствующих о сосуществовании обоих представлений в культуре Средневековья. Опровергая мнение о постепенной «смене воззрений» на Суд (Шартье), историк подводит читателя к мысли о том, что само сосуществование подобных идей *противоречиво*. Все возможные решения этой «дилеммы», созданные средневековыми теологами (после смерти человек уходит из мира и принадлежащего ему времени и переходит в вечность, где нет понятий «до» и «после» и др.), Гуревич считает неудовлетворительными. «Простой человек» не мог разбираться в богословских вопросах, – утверждает историк, – в его сознании царили противоречивые воззрения на мир.

Необычную гипотезу необходимо проверить источником. Гуревич приводит в качестве доказательства интересный памятник (проповедь-ехемплум), рассказывающий о канцлере Филиппе, который вернулся в земной мир после смерти и поведал своему другу-епископу о том, что душа его предстала на Суде. Удивленный друг возразил: Страшный Суд (как было известно самому Филиппу) должен произойти лишь в конце времен. В ответ канцлер, демонстрируя следы адских мук на своем теле, сказал, что от его былой образованности не осталось «ни йоты»⁵⁶.

⁵⁶ Гуревич А.Я. «Время вывихнулось»: поругание умершего правителя // *Одиссей. Человек в истории*. М., 2003. С.234; Он же. *От истории ментальностей к историческому синтезу // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской Школы «Анналов»*. М., 1993. С.19.

Пример, несомненно, красочен, однако задумавшись, можно ли считать его прямым *доказательством* важной идеи исследователя? К сожалению, сделать это весьма затруднительно. Прежде всего, проповедь записана отнюдь не «простым и некнижным» человеком. Кроме того, нам не ясна цель создания подобного рассказа. Проповедник мог стремиться поразить воображение слушателей быстротой осуждения за грехи. Он мог выражать свою, вполне определенную позицию по вопросу о Суде. В Средние века существовали разные идеи о посмертной участи души, проповедь очевидно полемизирует с идеей воздаяния, «отложенного» до Конца света. Если не реконструировать смысл сказанного автором на основе текстов, бытовавших в культуре, толкования его слов могут быть самыми разными. Можно увидеть в источнике «отражение» «противоречий», существовавших в головах «простецов», можно предлагать иные объяснения – дальше предположений *на этом этапе* дело очевидно не пойдет. Таким образом, прямого доказательства «парадоксальности» мышления древнего человека пока нет – есть лишь проблема, которую необходимо решать историку, поставившему перед собой задачу понимания средневекового текста.

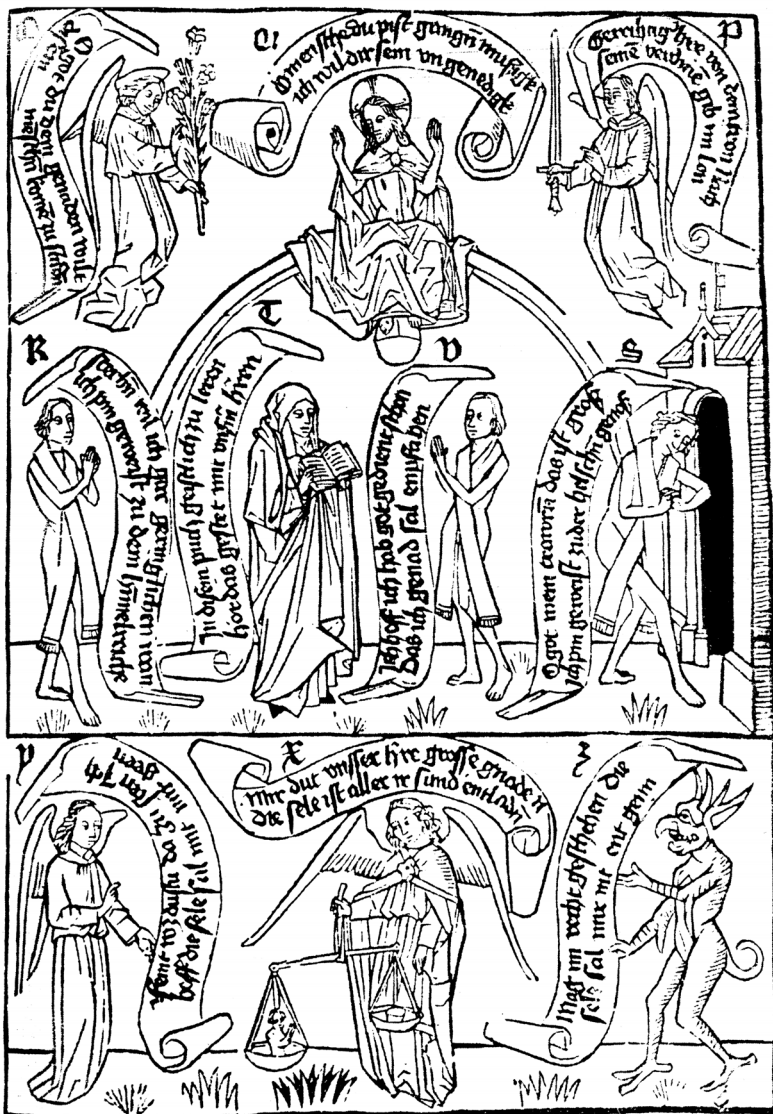
Доказательства найдены Гуревичем в иной области – изобразительного искусства. Самым ярким примером, подтверждающим «парадоксальность средневекового мышления», исследователь считает западный портал церкви Сен Лазар, на котором представлена скульптурная композиция Страшного Суда. Интересно то, что воскресающие фигуры уже *до Суда* оказываются разделены на праведников и грешников. Что же имел в виду Гислеберт – мастер, создававший подобную картину Второго Пришествия?

Изучать смысловое наполнение иконографических образов, символических изображений – особая, зачастую крайне непростая задача. Верификация предположений возможна здесь через письменные источники, содержащие объяснения современников эпохи и прямо соотносимые с изображенным или высеченным в камне сюжетом. Характерно, что в случае с порталом церкви Сен Лазар подобные тексты *существуют*. «Если толковать творение Гислеберта в качестве реализации заказа церкви, то в подобном подходе есть определенный резон», – подчеркивает историк⁵⁷. Богословские сочинения, проясняющие взаимоотношения Судов, известны науке. Однако посмотрим на дальнейшие утверждения Гуревича.

⁵⁷ Гуревич А.Я. *Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Ехептла XIII века)*. М., 1989. С.125, 355.

Посмертный Суд. Гравюра XV века

Страшный Суд. Гравюра XV века

«Простецы» жили в стихии устной культуры, сознание их не было «отягчено» богословскими знаниями, – предполагает исследователь. А следовательно, «простецы», глядя на изображение, созданное Гислебертом, не могли логически объяснить картину. Однако они понимали, что изображено перед ними. Следовательно, их мышление органично включало в себя парадоксальные вещи, противоречащие друг другу. Это и есть принципиальное отличие средневекового мышления от мышления современного: в головах «простых людей» господствовали «безразличие к парадоксам» и «невнимание ко времени», свойственные бессознательным пластам человеческой психики⁵⁸.

Отметим, что к «простецам» незаметно оказывается отнесен и мастер, творивший тимпан, и контролировавшее работу духовенство. Необходимо предположить, что все они *целенаправленно* и *осознанно* воплощали в работе свои *неосознанные* образы. «Скульптор, **видимо, сам того не сознавая**, выразил указанную двойственность восприятия загробного Суда», – утверждает А.Я.Гуревич⁵⁹ (выделено мной. – Д.А.). Допустив, что такое возможно (хотя допущение кажется несколько странным при наличии текстов, объясняющих взаимоотношение Судов), мы придем к новым вопросам. В «Видении» конца XII века, которое приводится в качестве второго примера, посмертная участь людей выглядит вполне логичной: в то время как грешники до Суда подвергаются мукам и очистительным процедурам, праведники спокойно ждут Второго Пришествия⁶⁰. Даже если отказаться от источников, прямо объясняющих такую картину, увидеть в ней «противоречие» непросто. Более того. Если Видение и тимпан Гислеберта были созданы в XII веке, то третий памятник, привлекаемый А.Я.Гуревичем для доказательства «парадоксальности» средневекового мышления, относится... ко второй половине XV столетия⁶¹. Отметим, что это не единственный случай: известная картина Страшного Суда, написанная Петрусом Христусом (Petrus Christus) в 1452 году, – еще более яркий пример того же рода. Если следовать логике Гуревича, «безразличие к парадоксам» и «невнимание ко времени» царили в умах не только средневековых «простецов», но и мастеров эпохи Возрождения...

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. С.129.

⁶⁰ Там же. С.128.

⁶¹ Там же. С.129.

Страшный Суд (фрагмент). Петрус Христуc, 1452 г.

Остановимся на более логичной мысли: создатели памятников все же знали, что они творят. Возможно, сказанное Гуревичем справедливо по отношению не к самим художникам, но к «зрителям» из народа. Зададимся, однако, простым вопросом: откуда историку известно все то, что он утверждает о восприятии упомянутых картин «не начитанными» людьми? Ни один источник не подтвердит предположений Гуревича о том, как понимал определенное явление человек, не оставивший после себя записей. «Простецам» могли специально объяснять изображение, созданное мастером. Их сознание могло быть все же «отягчено» знанием о взаимоотношении Судов благодаря специальным проповедям. Наконец, они могли находить свое – неизвестное науке за неимением адекватных источников – объяснение увиденному, если не каноническое, то вполне логичное. Никаких «парадоксов», существовавших, по мнению исследователя, в головах «простецов», на основании имеющихся памятников доказать невозможно. Зачем же нужно такое – заведомо бездоказательное – предположение?

Как ни странно, идея о «парадоксах» кажется историку убедительной уже на том основании, что она позволяет легко решить все проблемы. По словам самого Гуревича, подобный шаг необходим для «преодоления трудностей», связанных с интерпретацией источников. В том случае, когда современная логика не может объяснить тексты или изображения, созданные в Средние века, необходимо принимать во внимание «специфические особенности средневекового сознания», которое «не боится парадокса и способно объединять, **казалось бы**, совершенно непримиримые представления и суждения»⁶² (выделено мной. – Д.А.). «Казалось бы» – пожалуй, ключевые слова этого утверждения: противоречие видится историку, но фактически не обосновывается на основе средневековых памятников.

И все же собственная гипотеза представляется А.Я.Гуревичу закономерной и не требующей особых доказательств. Как ни странно звучит мысль о том, что люди с XII по XV век осознанно воссоздавали свои «парадоксальные и неосознанные» образы, а тексты, логично объяснявшие их творения, не имели прямого отношения к их трудам, именно эта череда допущений становится подлинным *итогом* исследования. «"Не сознавая..." Не в этом ли все дело?» – восклицает историк. «Ведь именно эти специфические черты – отсутствие противоречий и вневременной характер – с точки зрения современной психологии, суть коренные признаки бессознательного!» Дальнейшие утверждения поражают

⁶² Там же. С.124.

своей красочностью. На «глубинном уровне» общественной психологии доминировали «неосознанные, спонтанные мыслительные структуры»... «Психолог сказал бы: "Мы вступаем в сферу бессознательного с его специфической логикой, отличной от логики Аристотеля"»...⁶³ Возможно, «спонтанные структуры» действительно доминировали в сознании средневековых «простецов» – проблема заключается в ином. *Ни одна* из высказанных историком в заключении мыслей не подтверждается источником, не вытекает из него и не является сколько-нибудь доказанной. Однако гипотеза незаметно перерастает в нечто иное. Будущее и настоящее «сливались» в головах людей, – утверждает А.Я.Гуревич, – и это **«несомненное доказательство /! – Д.А./ индифферентности в отношении ко времени»**⁶⁴.

Внеисточниковое знание, принятое как своеобразный «ключ» к пониманию текстов, заставляет исследователя-медиевиста сделать весьма сомнительный шаг: отбросив существующие объяснения «ученых богословов», автор сам *сталкивает* обнаруженные идеи, объявляет их противоречивыми и *вкладывает* «парадокс» в головы «простецов». Череда гипотез складывается в неоднозначную «психоаналитическую» теорию⁶⁵. Однако в результате такой процедуры парадоксы не исчезают, но

⁶³ Там же. С.129–130.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Если историки-«анналисты» преимущественно отвергают объяснительную теорию марксизма, то различные модификации теории бессознательного традиционно играют важную роль в их трудах (См., напр.: Ионов И.Н. Историческое бессознательное и политический миф // Современная политическая мифология. Содержание и механизмы функционирования. М., 1996. С.12; Юрганов А.Л. Источниковедение культуры // Россия XXI. 2003. №3. С.57–78). Интересно, что как марксизм, так и фрейдизм, по мнению К.Поппера, оказываются псевдонауками, базовые установки которых не подлежат фальсификации (См.: Савельева И.М., Полетаев А.В. Указ. соч. С.279). Многие историко-антропологические труды ориентированы на изучение подсознательных пластов психики, «неосознанных автоматизмов» людей прошлого. Именно эти «потаенные мыслительные структуры», недоступные самим современникам (историк вновь «понимает лучше») и, соответственно, не наши дни прямого отражения в источниках, оказываются здесь предметом изучения. «Потаенные структуры» принципиально важны: по мнению ряда исследователей, они являются «объективными императивами», определяя поведение и мышление людей, осуществляя регулятивную функцию. Борьба с глобальной объяснительной теорией марксизма осуществляется в работах некоторых антропологов путем «замены идеологем»: историк не должен нарушать «верную марксистскую стратегию» исследования, «которая имеет целью изучать объективные императивы, управляющие мыслями и поступками» (Шартье Р. Одна четверть свободы, три четверти детерминизма // Споры о главном... С.42–43. Ср.: Гуревич А.Я. От истории ментальностей к историческому синтезу. С.21, 26). Эта теория полностью соответствует попу-

множатся. Поставленные вопросы требуют реконструкции объяснительных процедур самих субъектов культуры, но этого не происходит в работе: *объяснение* на новом этапе претендует здесь на понимание.

Что же приводит историка к столь неоднозначным выводам, заставляя его идти путем предположений – от гипотезы к гипотезе, «минуя» смыслы и объяснения, существовавшие в культуре Средневековья? В основе этой стратегии лежит исследовательское *предзнание*. Обратившись к Введению, мы обнаружим здесь важное допущение, принятое автором. В источниках, которые послужили основой работы, А.Я.Гуревич *заведомо* готов увидеть своеобразное «отражение» идей, принадлежащих людям из «безмолвствующего большинства»: **«Я исходил ... из предположения**, что в житии, «примере», рассказе о посещении загробного мира и т.п. **отраженном** и, следовательно, отчасти **искаженном** звучании тем не менее можно расслышать речи средневекового "простеца" ... и "докопаться" до таящегося здесь пласта обыденного сознания» (выделено мной. – Д.А.). А.Я.Гуревича изначально интересует тот «социально-психологический пласт», который не был «скован» и «угнетен» (!) богословской ученостью⁶⁶. Таким образом, историк *заранее* знает, что он должен найти в памятнике. Представления самих людей Средневековья не могут стать здесь предметом реконструкции: объяснение исследователя, не редуцировавшего собственные идеи, но, напротив, положившего их в основу работы, подавляют смыслы, присущие изучаемой культуре.

«Теория парадоксов» играет значительную роль в трудах А.Я.Гуревича: рассматривая феномен разграблений, происходивших в

лярным в XX столетии представлениям о «ложности» сознания. Лидирующими «надсознательными» системами на протяжении столетия оказывались отчужденные силы рынка, «неантропная действительность подсознания» и неконтролируемая стихия языка, которые в конце века зачастую связываются в единое целое (См., напр.: Пигалев А.И. «Деконструкция» и «диалог» как стратегические альтернативы культурологического исследования // Выбор метода: Изучение культуры в России 1990-х годов. М., 2001. С.63). В.И.Молчанов остроумно описывал специфическую позицию сторонников теории «ложного» сознания, возмнившего, что оно свободно, но на деле встроенного в систему внешнеположных ему отношений и обусловленного ими: «При этом подразумевается, что они-то, авторы этой фразы, знают, ибо парят над сознанием, что эта автономия иллюзорна, ибо они, авторы, представляют не точку зрения (!) сознания, а общественного бытия, практики и т.д.» (См.: Молчанов В.И. Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания. М., 2004. С.43). Общий вектор развития объяснительных теорий XX столетия находит логическое завершение в постструктуралистской концепции «теоретического антигуманизма».

⁶⁶ Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы... С.6.

средневековом Риме после смерти понтифика, автор вновь обращается к этой идее. Основываясь на материале скандинавских памятников, историк утверждает, что власть короля (а также и римского папы) простиралась не только над людьми, но и над временем. Следовательно, смерть главы церкви знаменовала «своего рода /? – Д.А./ Конец света», «вывих времени» и апокалипсис. Средневековые люди, в головах которых торжествовали «парадоксы», приходили в ужас и начинали громить все подряд; «безотчетное самоощущение» (?) средневекового человека служило источником «катастрофических ситуаций»⁶⁷. Этим, по мнению Гуревича, объясняется известный феномен «поругания» умершего понтифика и разграбления его имущества.

М.А.Бойцов – исследователь, чья работа послужила основой столь яркой теории, – выступил со статьей, название которой говорит само за себя («"Вывихи времен" и сопротивление источников»)⁶⁸. Историк отмечает, что в памятниках обнаруживается настолько мало материала, способного хоть как-то подкрепить построения Гуревича, что остается лишь «завидовать» известному специалисту, уверенному в правоте своих выводов. Указывая на отсутствие каких-либо упоминаний о мистическом (или прагматическом) «ужасе», охватывавшем грабителей, критик остроумно демонстрирует *научную значимость* теории, выстроенной на «общих соображениях». Смерть государя «порождала невыносимую ситуацию, когда время оказывалось разорванным и аннигилированным», – утверждает Гуревич. «Возможно, действительно порождала, – комментирует М.А.Бойцов, – а возможно, и нет»⁶⁹.

Построения, основанные на допущении и гипотезе и верифицируемые через логику самого автора исторического труда, не выдерживают такой простой процедуры, как обычное человеческое *сомнение*. Ценность всей работы во многом зависит от того, насколько «доверчив» ее читатель. Характерно, что в рамках как субъективистского, так и объективистского подходов подобная аргументация оказывается вполне закономерной⁷⁰.

⁶⁷ Гуревич А.Я. «Время вывихнулось»... С.236, 238–239.

⁶⁸ Бойцов М.А. «Вывихи времен» и сопротивление источников. Ответ А.Я.Гуревичу // *Одиссей. Человек в истории*. М., 2003. С.241–250.

⁶⁹ Там же. С.248.

⁷⁰ Справедливо критикуя оппонента за принятие «изначального допущения» при подходе к материалу, М.А.Бойцов видит основную проблему не в стратегии подобной работы с источниками, но в допущении, принятом А.Я.Гуревичем, предлагая вместо него новое, «более жизненное». Представляется, однако, что любое «допущение», выдвинутое историком до или во время непосредственного изучения памятников, – залог субъективности последующих построений (См.: Бойцов М.А. Указ. соч. С.242).

Завершая статью, А.Я.Гуревич открыто манифестировал свои методологические позиции. Исследователь не должен быть «рабом» источника, – читаем здесь, – он «не обязан» следовать логике средневекового автора; изучение памятника «неизбежно влечет за собой его **деконструкцию**»⁷¹ (выделено мной. – Д.А.) Это не новое и не случайное утверждение: А.Я.Гуревич не раз подчеркивал, что историк должен «не верить» средневековому книжнику, что «внеисточниковое пред-знание» современного человека необходимо входит в основу исследования, что историк сам выстраивает причинно-следственные ряды, которые ни в коей мере не вытекают из анализа памятников, и т.п.⁷² В результате «деконструкции» источника исследователю открываются «потаенные пласты психики», которые, по мнению ученого XX века, определяли поведение людей *помимо* их воли и желания. Таким образом, *деконструкция* ведет к *объективному* знанию «сквозь» сопротивление материала. Возможно, эта процедура в конкретном применении позволяет открыть нечто новое и ценное для науки? Посмотрим на результат подобной работы.

А.Я.Гуревич предполагает, что после смерти понтифика средневековые люди ожидали Конца света и Второго пришествия. В этом утверждении нет ничего парадоксального: науке известны многие факты резкого нарастания эсхатологических ожиданий в средневековой Европе и России. Эти периоды, как известно, характеризовались массовыми покаяниями и пламенными проповедями. Однако перед читателем статьи предстает несколько иная картина. По утверждению Гуревича, многочисленные христиане средневековой Италии, поняв, что «время кончилось» и в любой момент они могут предстать перед грозным Христом-Судией... «перевертывали с ног на голову все установившиеся порядки». Верующие люди незамедлительно предавались «разорению и разграблению» «всего, что попало» им под руку⁷³.

Парадоксальный способ доказательства приводит историка к поистине парадоксальному выводу. Поняв, что их земная жизнь подходит к концу, прихожане католических церквей начинают... в исступлении грешить! Более того, они явно стараются запастись награбленным –

⁷¹ А.Я.Гуревич прямо отмечает, что толкования историков не могут выйти за пределы гипотез и предположений (См.: Гуревич А.Я. «Время вывихнулось»... С.226–227, 238; Он же. *Конец света или карнавал? Ответ М.А.Бойцову // Одиссей. Человек в истории. М., 2003. С.254.*

⁷² Гуревич А.Я. *Историк и история. С.216; Он же. Исторический синтез. С.60, 219.*

⁷³ Гуревич А.Я. «Время вывихнулось»... С.236.

видимо, намереваясь унести его с собой в загробный мир (или подкупить им Самого «неумытого»⁷⁴ Судию?).

Отметим, что столь фантастическая картина ни в коей мере не вытекает из источников: она (в полном соответствии с утверждаемой методологией) конструируется самим исследователем, проведшим «деконструкцию» текстов. Субъективность историка не сдерживается здесь ничем. Любое рискованное сравнение или «безумная идея»⁷⁵ оказывается значимым вкладом в науку. Подобная стратегия представляется настолько верной самому А.Я.Гуревичу, что он не считает нужным прислушаться к замечаниям оппонентов: называя критику М.А.Бойцова «несправедливой», историк приводит новое доказательство «по аналогии» – на этот раз с «дикарями тихоокеанских островов» – и завершает ответ спокойной констатацией: «Мой караван будет продолжать свой путь»⁷⁶. Куда ведет эта дорога, очевидно: от «узкой тропы» понимания широкий путь устремлен в бескрайние просторы исследовательских интерпретаций.

Подводя итоги, хочется подчеркнуть, что проведенная критика обращена не на упомянутые теории и предположения, выдвинутые историками, но на определенные установки исследовательской мысли, заставляющие авторов в ходе непосредственного изучения материала удаляться от верифицируемого знания в область гипотетических допущений. Именно поэтому подобная критика представляется сегодня оправданной и необходимой. Предпринятый нами опыт историографического анализа затронул всего несколько конкретно-исторических работ, и все же уже на этом материале он свидетельствует об очевидных слабостях объяснительной парадигмы в той области, где необходимо понимание. О недопустимости смещения двух важнейших направлений гуманитарной мысли и невозможности позитивно заменить одно направление другим. Судить о том, является ли понимание в истории «мифом» или «реальностью», можно (и нужно) не только на основании теоретических споров, но и на основе конкретных исследований. Именно в них видится будущее новой методологии, направленной на изучение по-прежнему малоизвестной нам объективности – самосознания человека и эпохи, раскрывающихся в реальности источниковых смыслов.

⁷⁴ «Неподкупного» Судию, как называли Христа древнерусские книжники.

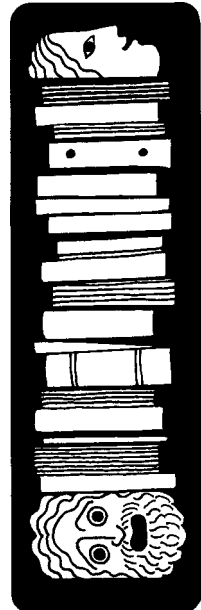
⁷⁵ Гуревич А.Я. «Время вывихнулось»... С.237. Ср.: Он же. Историк и история. С.214.

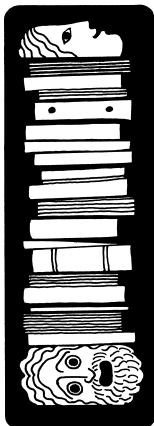
⁷⁶ Гуревич А.Я. Конец света или карнавал? С.252–255.

Ни один прогноз не может быть безусловным. Он означает открытую возможность. Я ищу его, чтобы изменить ход вещей. Чем ближе прогноз, тем он релевантнее, так как дает повод к действию; чем дальше, тем безразличнее, так как не имеет отношения к действию. Прогноз – это спекулирующее предвидение человека, который хочет что-либо совершить; он видит не то, что неотвратимо происходит, а то, что может произойти, и ориентируется на это.

Будущее становится предвидением, которое может быть изменено волей человека. Прогноз по своему смыслу соотносится с ситуацией в настоящем. Он не парит в пустом пространстве.

Карл Ясперс

Альберт Ненароков

АКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ВЗГЛЯДЫ
В.С.ВОЙТИНСКОГО¹**

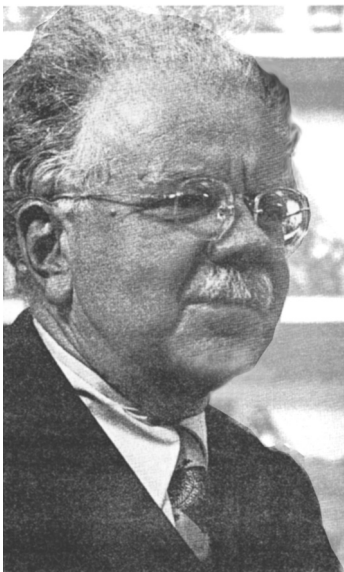
It is a publication of «Paths of struggle against the world crisis», the report delivered by V.S.Voitinski, a famous Russian Social-Democrat and economist, at the meeting of the Berlin club of the Russian Social Democrats in November, 1931. The world economic crisis of 1929–1933 made the Social Democrats to ponder the issue of new tasks that new conditions set for the Social Democrats. In particular, it was the moment to decide whether the Russian Social Democrats had to battle against the crisis or not and whether they had to consider the crisis as the crisis of the capitalism. Theoretical propositions, conclusions and suggestions Voitinski expressed, inter alia, in the report published here remain to be of current concern.

¹ Публикация подготовлена в рамках гранта РГНФ №05-01-01241а.

Мировой экономической кризис 1929–1933 гг. заставил многих задуматься об особенностях государственной политики в период катастрофического падения промышленного производства и массовой безработицы. Для социалистов этот вопрос вплотную соприкасался с тем, как оценивать в целом само понятие кризис капитализма и как новые реалии влияют на определение задач социал-демократии. Неоценимый вклад в разработку этих сюжетов внес Владимир Савельевич Войтинский (1885–1960) – экономист, статистик, публицист, известный общественный и политический деятель России первой четверти XX века. В эмиграции (в Германии, Франции, Швейцарии, США) он стал видным ученым-практиком в области социальной политики, экономики и статистики. Основные вехи его жизни таковы.

Сын почетного потомственного гражданина, профессора математики Петербургского электротехнического института, Войтинский еще гимназистом (в 1903–1905 гг.) подготовил книгу «Рынок и цены», изданную в 1906 г. с предисловием М.И.Туган-Барановского. В годы первой российской революции он примкнул к большевикам, был председателем Совета старост Санкт-Петербургского университета (1905), председателем Совета безработных (1906). В 1908 г. работал в Екатеринославской партийной организации, после ареста, за революционную деятельность приговорен к четырем годам каторги. Первые два года наказания отбывал в Александровском каторжном центральном, затем – в Сибири. В 1912–1916 гг. на поселении в Иркутске сблизился с И.Г.Церетели, участвовал в литературных изданиях т.н. «сибирских циммервальдистов». В мае 1917 г. обратился в Бюро меньшевистской фракции Петроградского Совета с заявлением о полном разрыве с большевизмом, который, по его словам, «потерял всякую связь с идеями революционного марксизма». В РСДРП (о) входил во фракцию революционных оборонцев. Член ЦИК Советов, один из редакторов газеты «Известия», комиссар Временного правительства на Северном фронте. После октября 1917 г. – один из активнейших организаторов антибольшевистского вооруженного сопротивления, арестован, содержался в Петропавловской крепости. В январе 1918 г. после разгона Учредительного собрания вместе с Церетели перешел на нелегальное положение, бежал в Грузию, где редактировал газету «Борьба», а в 1919 г. выехал за границу. Один из друзей и доверенных лиц П.Б.Аксельрода. В 1922–

1934 г. принимал активное участие в работах меньшевистской заграничной организации. В 1929–1933 гг. заведовал отделом статистики Генерального Совета профсоюзов Германии. В 1933–1935 гг. в Международном Бюро Труда при Лиге Наций в Женеве. В 1935-м эмигрировал в США. С 1936 по 1947 год работал в Вашингтоне в учреждениях по социальной политике, Центральном Управлении Статистики (1935–1936), комитете Совета исследований по социальной безопасности (1935–1941), до 1955 возглавлял ряд новых научно-исследовательских направлений. Его перу принадлежит огромное число научных исследований энциклопедического характера на десяти языках².

Владимир Савельевич Войтинский.

Ряд теоретических положений, выводов и предложений этого талантливого ученого и замечательного человека не потерял своего значения до сих пор.

Публикуемый ниже доклад, с которым В.С.Войтинский по просьбе руководителей РСДРП выступил на собрании Берлинского клуба российских социал-демократов имени Ю.О.Мартова 6 ноября 1931 г.³, имел продолжение. 7 июня 1934 г. уже в аналогичном парижском клубе Войтинский еще больше заострит тему. Его новый доклад назывался «Кризис капитализма или кризис социализма?». Сохранились тезисы – четыре страницы по три четверти листа, и еще одна такая же страница, сложенная пополам, – ответы на вопросы⁴.

² Все рукописи и публикации В.С.Войтинского, согласно воле его вдовы, депонированы в Колумбийском и Мичиганском университетах (США), а также в лондонской Высшей школе экономики. На родине, к сожалению, его научные труды не издавались.

³ См.: *International Institute of Social History (Amsterdam)*.

⁴ *Hoover Institution Archives. Boris I. Nicolaevsky collection. Series 44. Box 84. Folder 6.*

Хорошо отточенным простым карандашом Войтинский запишет для себя:

«Два определения современного кризиса:

1) он является одной из очередных стадий капиталистического цикла,

2) это – кризис капиталистического строя.

Как одна, так и другая точки зрения неверны:

1) еще никем, несмотря на все старания, не была научно доказана цикличность капитализма – указания на периодичность не выдерживают критики;

2) это не кризис капиталистического строя, так уже который год, как происходит перелом к лучшему и кривая кризиса падает.

Как одна, так и другая точка зрения предопределяют квиетизм⁵ в политике. В одном случае – надежда на то, что он само собой пройдет; в другом – расчет на социализм.

...Этот кризис особенный. Его особенность в продолжительности и силе (50%) – небывалая безработица. Социалистические партии, и главным образом марксистские, не были вооружены, прежде всего, идеологически для борьбы с кризисом. Установка Маркса – экономика, но не политика⁶. Да и сам марксизм – с его основными положениями – был создан в Германии в 50–60-е гг. прошлого века, когда не было и доли того мощного капитализма, какой существует сейчас (9% современного производства). Такие явления были неизвестны Марксу и Энгельсу. Не было статистики.

Если бы Маркс жил сейчас, то, пользуясь современной статистикой, он при своей гениальности сейчас бы пришел к заключению, что особенность капиталист[ического] производства отнюдь не его архаичность.

Партии не знали и не понимали, как бороться с кризисом».

Здесь же отмечено: «...Единствен[ная] партия, кот[орая] понимала и часть[ю] тоже не совсем точно, – это англ[ийская] раб[очая] партия, благодаря своим талантливым советникам экономистам. Они толкали отчасти хотя и консерватив[ное] англ[ийское] производство на ряд мер, успешно превозмогших кризис... Сейчас хорошая экономическая политика может быть только национальная».

⁵ Квиетизм (quietus – спокойный, лат.) – безучастное отношение к окружающей жизни.

⁶ Здесь и далее все подчеркивания В.С.Войтинского.

Из ответов на вопросы стоит выделить два:

1. «То, что я за социализм, не значит, что я отвергаю капиталистический строй целиком. Не нужны ни диктатура, ни рев[олюционные] методы».

2. «Роль соц[иалистической] партии сейчас – это новый фланг демократии, но это не социалистическая политика, за социалистов сейчас и мелкие буржуа. Сейчас социалистические партии социализма не делают. Тот факт, что в Евр[опе] теперь имеется демократия, еще не решает вопроса о нужности диктатуры.

...Никакого переходного момента⁷ нет и быть не может, ни в смысле политическом, ни в смысле тактики. Соц[иалистическая] партия не будет открывать завесу в будущее. Нет единого раб[очего] класса. Исторически есть движение рабочего класса, но конкретно в смысле поведения есть разница интересов.

Мы недостаточно оценили демократию. Демократия осуществляет то, что она может осуществить. Теперь мы вступаем в период развития индустриальной промышленной демократии... Готовиться к социализму не в виде резолюций, а в виде развития индустриальной промышленной демократии».

Оба доклада Войтинского – свидетельство того, что российская социал-демократия в первой половине 30-х годов ступила на путь нелегкой, порой весьма болезненной переоценки многих кардинальных представлений, связанных с обобщением собственного горького опыта. О соотношении реформ и революций. О диктатуре пролетариата и миссии «демократического социализма». О рабочем классе и международном рабочем движении. О природе капитализма и характере его кризисов. О государственном капитализме и тоталитарном государственном хозяйстве. О фашизме. О других не менее острых вопросах, интерес к которым лишь возрастает, ибо значительная часть из них остро дискутируется и в наши дни.

В конце жизни Войтинский стал последовательным либералом и отошел от революционного марксизма.

⁷ Имеется в виду переходный период от капитализма к социализму.

ПУТИ БОРЬБЫ С МИРОВЫМ КРИЗИСОМ

*Доклад В.С.Войтинского на собрании Берлинского клуба
российских социал-демократов имени Ю.О.Мартова 6 ноября 1931 г.*

Товарищи, прежде всего, должен сказать вам, что я не являюсь инициатором назначения в нашем клубе доклада на тему о путях борьбы с мировым кризисом. При обсуждении этой темы неминуемо приходится затрагивать и чисто политические моменты, по которым нет единомыслия в рядах рабочего движения, и в обоснование класть теоретические положения, которые сами по себе являются проблематическими. В этих вопросах я стою на несколько иной точке зрения, чем ряд других товарищей по немецкому рабочему движению, на точке зрения, отличающейся и от официальной позиции Германской социал-демократической партии.

Уже самая тема доклада: «Пути борьбы с мировым кризисом» – может казаться спорной.

Нужно ли и можно ли бороться с мировым кризисом?

Этот вопрос затрагивает самое существо нашего социалистического мировоззрения.

Тут возможны три ответа: первый ответ тот, который дается либералами: бороться с кризисом не нужно, так как кризис в рамках капиталистического общества назревает автоматически, и в рамках самого кризиса автоматически же намечаются условия для нового хозяйственного подъема. Всякая попытка извне воздействовать на развитие кризиса в целях его скорейшего преодоления может лишь осложнить и запутать положение.

На этой точке зрения стоит подавляющее большинство буржуазных экономистов, это точка зрения промышленников, но она проникает глубоко и в среду социал-демократов.

Вторая точка зрения может быть формулирована так: борьба с мировым кризисом вредна, так как такая борьба означает попытку лечить капитализм и только отодвигает нас от наших непосредственных задач борьбы за социализм.

Лет 60–70 тому назад эта точка зрения была господствующей в социал-демократии. Сейчас на этой точке зрения стоят большевики и лишь немногие левонастроенные социал-демократы.

Обе эти точки зрения, однако, находятся в прямом и непримиримом противоречии с эволюцией хозяйственных форм, как ее понимает мар-

ксизм. Мы живем в период позднего капитализма, когда внутри старого капиталистического общества начинают созревать новые хозяйственные и общественные отношения.

Развитие этих элементов нового и подготавливает торжество высшей хозяйственной системы. Когда и как произойдет окончательная победа новых форм – путем ли мирного вrastания или в результате революционной вспышки, – это не относится сейчас к существу дела. Нам важно установить, что капитализм не есть что-то статическое.

Нет сомнения в том, что капитализм 30-х годов нынешнего столетия не похож на капитализм 13-го года и на капитализм 80-х годов. Если же мы берем капитализм не статически, а в процессе его эволюции, то для нас не должно быть сомнения в том, что по мере хода развития меняются и противоречия капитализма, и способы их преодоления, в частности меняются проявления хозяйственного кризиса. Рано или поздно тот автоматизм, который в прежнее время характеризовал разрешение кризисов, должен исчезнуть.

Когда мы всматриваемся в то, как протекает нынешний кризис, то мы не можем не заметить, что закон автоматизма, с которым оперируют либералы, действует сейчас значительно хуже, чем это имело место раньше.

Промышленники признают это, но стремятся взвалить ответственность на то, что в рамках капиталистического хозяйства выросли новые формы, препятствующие его правильному функционированию: социальное страхование, коллективные договоры, обширное коммунальное хозяйство и т.д. Но ведь эти элементы нового не случайный зигзаг, а закономерное последствие перерождения капитализма. Все это те элементы развития, на которые мы будем опираться в борьбе за социализм.

В известных пределах мы можем согласиться с нашими противниками: на ранних ступенях развития капитализма хозяйственная депрессия не носила такого тяжелого характера, как теперь, потому что капитализм не был изъеден такими противоречиями, внутри его не находились чужеродные ему формы.

Но какой вывод диктует такое положение вещей?

Возможны два вывода: или признать, как это делают промышленники, что социальное страхование, арбитраж, высокая заработная плата рабочих – все это явления, которые затрудняют преодоление кризиса. Тогда борьба с кризисом должна идти под флагом социальной реакции.

Или другой вывод: признать, что зачатки новых, высших форм социально-хозяйственных отношений являются точками опоры для преодо-

ления пережившей себя системы хозяйства. Тогда борьба с кризисом должна опираться на наличные зачатки коллективизма и хозяйственной демократии.

И еще одно соображение методологического значения: мы верим, что в рамках капиталистического строя зреют элементы планового хозяйства и что рано или поздно плановое начало в хозяйстве победит. Вопрос стоит так: или в техническом аппарате капиталистического хозяйства имеются элементы планового хозяйства, тогда наша задача сводится к тому, чтобы эти элементы укреплять и пытаться подчинить их себе; или этих элементов вообще не существует, тогда утопическим является представление о том, что рабочее движение может овладеть хозяйством.

Я считаю, что нынешний кризис является экзаменом на зрелость мирового рабочего движения: задача рабочего движения сводится к овладению рычагами для управления хозяйственной стихией. Вот отчего я с самого начала болезненно остро воспринимал позицию германской социал-демократии в вопросах хозяйственной политики и борьбы с кризисом. Партия как бы колеблется в вопросе о мировом кризисе и путях борьбы с ним между двумя точками зрения, которые я в начале своего доклада характеризировал как неудовлетворительные.

Я стою на третьей точке зрения: мы должны бороться с мировым кризисом, искать методы воздействия на хозяйственную конъюнктуру, опираясь на те новые элементы, которые выросли в недрах самого капиталистического хозяйства и которые разрывают его рамки.

Как это осуществить?

Изучая этот вопрос, я нашел наиболее здравые мысли в английской хозяйственной литературе, в которой смешаны идеи лейбористов и близко стоящего к ним наиболее радикального крыла буржуазных демократов (я имею в виду Кейнса⁸). Чем внимательнее я проверял их положения, тем более убеждался, что в них много динамичности и активности и что теоретически и практически их идеи несравненно глубже и жизненнее, нежели те схемы, которыми все еще живет германская

⁸ Кейнс (Keynes) Джон Майнард (1883–1946) – английский экономист, основоположник одного из современных экономических учений – кейнсианства. Автор нескольких книг по злободневным вопросам, рано приобрел мировую известность. Уделил особое внимание проблемам конъюнктуры. Занимал высокие посты как в английских правящих кругах, так и в ООН. Среди его важнейших работ – «Трактат о деньгах» и «Общая теория занятости, процента и денег».

социал-демократия. За последнее время круг этих идей получил широкое распространение, он является предметом горячей дискуссии и вне рядов английского рабочего движения.

Прежде чем перейти к изложению существа этих идей, разрешите согласиться на одном: мы ищем путей выхода из кризиса. Он возможен лишь на пути политического воздействия на меновую область хозяйственных отношений: т.е., проще говоря, воздействия на уровень цен. Но, чтобы воздействовать на цены, надо исходить из определенного понимания механизма их изменения.

Здесь мы сталкиваемся с двумя крепко укоренившимися представлениями, не преодолев которые мы не можем идти дальше. Первое представление сводится к тому, что товарные цены подчинены одному закону технического прогресса. Технический прогресс удешевляет производство, стандартизирует его и тем самым понижает цены не только отдельных товаров, но и общий уровень цен.

Кое-что здесь, несомненно, верно. Верно, что технический прогресс расширяет и удешевляет производство – достаточно вспомнить о последней эволюции в сельском хозяйстве, о победном шествии алюминия, искусственного шелка и т.д. Но, странное дело, когда мы обращаемся к изучению общего уровня цен, то оказывается, что закон падения цен существует лишь в воображении. В действительности же общий уровень цен на мировом рынке (т.е. в Лондоне) в 1910 г. был точь-в-точь тот же, что в 1888 г. А в 1888 г. точь-в-точь тот же, что в 1850 г.!

Изучая внимательней уровень цен на мировом рынке с 50-х годов до всемирной войны, мы увидим, что сперва цены подымались (примерно до середины 70-х годов), затем они начали падать и падали вплоть до середины 90-х годов, потом вновь началось их движение вверх. Теперь же мы имеем уровень цен на мировом рынке, в общем, тот же, что и в 10-м году нынешнего столетия.

Я бы сказал, что уровень цен на мировом рынке развивался за последние 80–100 лет наподобие дрезжащей волны.

Это на первый взгляд неожиданное явление – возвращение общего уровня цен к старому уровню – станет понятным, если мы вспомним, что цена товара выражает не что иное, как количественное отношение обмена между ним и золотом. Золото же – такой же товар, как и всякий другой. Если существует технический прогресс в промышленности, то тот же технический прогресс действует и в области добычи золота.

Времена добычи, описанные Джеком Лондоном⁹ в Клондайке, миновали давно. Сейчас золотая промышленность работает при помощи сложных химических процессов и дорогостоящих машин, и нет никаких оснований предполагать, что технический прогресс в этой области должен действовать медленнее, чем в прочих отраслях хозяйства. Были периоды, когда он действовал здесь даже скорее, обгоняя другие области производства, и тогда золото дешевето по сравнению с другими товарами, что отражалось на повышении общего уровня цен на мировом рынке. А были и такие периоды, когда золото дорожало, так что общий уровень цен падал. Априорное предположение, что с техническим прогрессом цены должны обязательно падать, противоречит поэтому и фактам, и логике.

Такой же легендой является и другое представление: будто существует устойчивое соотношение между быстротой развития заработной платы и товарных цен во время кризиса и будто в этом отношении проявляется автоматизм «нормального» преодоления кризиса. В последние годы это представление в немецкой социал-демократической литературе было представлено Ледерером¹⁰ и с его легкой руки оно пошло по партийным газетам.

Дело изображается так, что во время кризиса цены падают, заработная плата хотя тоже падает, но в меньшей степени, так что реальная заработная плата при этом растет. Согласно этому изображается механика преодоления кризиса в капитализме: в момент кризиса склады

⁹ Лондон (London) Джек (1876–1916) – американский писатель. Испробовал в юности множество профессий, добывал золото на Аляске во время золотой лихорадки. Вернувшись в свой родной город Сан-Франциско, начал писать рассказы о своих приключениях. Автор более пятидесяти книг. Стал одним из наиболее популярных писателей на родине и за рубежом. Работал военным корреспондентом в Первую мировую войну. Его бурная жизнь неожиданно для всех окончилась самоубийством. Среди самых известных его произведений «Белый Клык», «Зов предков», «Сын волка» и др.

¹⁰ Ледерер (Lederer) Эмиль (1882–1939) – немецкий экономист, юрист и социолог, секретарь, позже автор и издатель «Архива Социальной Науки и Социалполитики». С 1918 г. – профессор национальной экономики Гейдельбергского университета. В 1919-м – лидер отделения народного хозяйства в австрийской Государственной Комиссии по социализации. В 1931–1933 гг. – профессор науки о государстве Берлинского университета. В 1933 г. через Париж и Лондон эмигрировал в Нью-Йорк, где стал деканом «Университета в изгнании» и одним из его духовных вождей. Интересовался главным образом развитием народного хозяйства, классовых структур, партийных систем и др.

наполнены товарами; так как сбыт товаров сокращается, то владельцы товаров понижают цены; так как заработная плата падает медленнее и в меньшей степени, то покупательная сила населения повышается, спрос на товары растёт, склады очищаются и является возможность нового расширения производства.

Этот благочестивый автоматизм в преодолении кризиса надо оставить.

Заработная плата есть доля социального продукта, приходящаяся на долю рабочего класса. Во время кризиса социальный продукт уменьшается, а условия раздела его между рабочими и предпринимателями изменяются не в пользу рабочих.

Каким же образом может в такое время происходить повышение реальной заработной платы?

Каким образом можно было додуматься до представления, что в силу автоматизма капиталистической системы во время кризиса капиталисты скармливают свою прибыль рабочим?

Вот теперь ADG¹¹ приходится вести борьбу за заработную плату, и мы знаем, как происходит вычисление заработной платы рабочим. Промышленники указывают, что хлопок подешевел на столько-то процентов. Но рабочие ведь не едят хлопок, а цены на предметы питания и потребления понижаются вовсе не так быстро, как на сырьё, вообще более чувствительное к конъюнктурным колебаниям. Поэтому для определения реальной заработной платы необходимо сравнивать денежную заработную плату не с уровнем оптовых цен на сырьё, а с расходами на содержание жизни.

Но это ещё не все.

В периоды конъюнктурного подъёма денежная заработная плата рабочих фактически выше тарифных ставок. Во время кризиса сперва исчезают или сокращаются сверхтарифные заработки, и лишь позже начинается снижение тарифной заработной платы. Что касается до реальной заработной платы, то её надо исчислять не по индексу оптовых цен, а по индексу дороговизны. Между тем движение обоих индексов почти никогда не совпадает между собой.

Представьте себе, что оптовые цены на сырьё упали, допустим, на 30%, в этом случае цены на готовые изделия упасть на 30% не могут, ибо многие издержки производства (наём за помещение, налоги, стра-

¹¹ *Allgemeiner Deutscher Gewerkschaftsbund – Всегерманский Союз Профессиональных Союзов.*

хование и т.п.) остаются те же, еще долгое время держатся и прежние оклады директорам и т.д.

Кроме того, цены на сырье более чувствительны к колебаниям конъюнктуры, так как сырье трудно долго держать на складе, а готовые изделия задержать легче. Таким образом, у нас получится, что в то время как цены на сырье упали на 30%, оптовые цены на готовые изделия упадут примерно на 20 %. Что касается розничных цен на предметы потребления, то здесь снижение будет еще больше замедлено, ибо тут задерживающе действует стоимость торгового аппарата, расходы на содержание которого долгое время остаются те же. Так получаются «ножницы»: при понижении оптовых цен на сырье на 30% цены на готовые изделия в розничной продаже понизятся только на 10%.

В настоящее время, благодаря успехам статистики, этот механизм достаточно выяснен. Но не подлежит ни малейшему сомнению, что так же точно обстояло дело и при прежних кризисах. Только тогда никто не вычислял индексов уровня жизни. А за неимением этих индексов Ледерер и его последователи делят тарифные ставки заработной платы на индекс оптовых цен на сырье, полученное отношение объявляют мерой реальной заработной платы и этим фантастическим путем приходят к своей теории автоматического изживания кризисов путем понижения цен и повышения реальной заработной платы. Такого автоматизма в действительности не существует.

Единственным выходом из кризиса такой остроты, как нынешний, может быть лишь воздействие на хозяйственные процессы.

Возвращаясь к развитию своей мысли, я повторяю, что плодотворное изучение методов борьбы с кризисом возможно лишь, если мы с самого начала откажемся от априорного представления об автоматическом непрерывном падении цен на товары как следствии технического прогресса. И от представления, что во время кризиса реальная заработная плата должна расти и что этим путем подготавливается преодоление кризиса.

Цены – вообще великий регулятор в капиталистическом хозяйстве. Когда падает цена на какой-нибудь товар, это является как бы сигналом, что отсюда, из этой отрасли, надо оттянуть капитал и рабочую силу. Но представьте себе положение, при котором все цены равномерно понизились, в том числе и заработная плата, цена рабочей силы. Представьте себе, что все цены упали всего на 10%. С первого взгляда может показаться, что это ничьих интересов особенно не нарушает. Но это кажется

только при поверхностном наблюдении. Ибо надо же отдать себе отчет в том, что современное хозяйство покоится на кредите.

Когда цены понизились на 10%, это значит, что все долговые обязательства, деньги, золото вздорожали, и не на 10%, а на 11%. Всего яснее это будет видно на сельском хозяйстве. Представьте себе фермера, который имеет определенный ипотечный долг. Чем выплачивает фермер этот долг? Продуктом своего хозяйства. Но цены на продукты упали. Это фактически означает, что долг его, который раньше выражался, допустим, в 20 центнеров пшеницы, сейчас вырос до 25 центнеров; если он выражался в скоте, то с 5 быков он вырос до 6 быков. То же происходит и с промышленными предприятиями.

Рост непроизводительных расходов, которые сковывают предприятие, неизбежно должен вести к сокращению производства и вместе с тем к падению доходности предприятия. А падение доходности предприятия означает неизбежно понижение его капитальной ценности. Падение цен нарушает функционирование производственного аппарата, ведет к увеличению безработицы и к сокращению емкости внутреннего рынка; а это, в свою очередь, вызывает новое падение цен, винт крутится все дальше.

Понижение капитальной ценности промышленных предприятий проявляется в падении курса на акции. Цены на акции в большинстве стран упали за последние месяцы на 30–40%, в Германии – даже на 75%. Необходимое для капиталистического круговорота превращение денег в производственный капитал становится при таких условиях невозможным, на смену ему приходит бегство денег из производственного капитала.

Двигательной силой капиталистического производства является прибыль. Так как деньги сами по себе прибыли не приносят, то они должны превращаться в капитал. Теперь этот закон поставлен на голову: деньги, не помещенные в капитал, растут – по сравнению с товарами – в цене, тогда как капитал обесценивается и разрушается!

Сейчас во всем мире наблюдается обилие денег, но эти деньги не ищут долгосрочного вложения, они лежат по $\frac{1}{2}$ % на текущем счету. Отсюда уже один шаг до того, что наблюдается в последние месяцы: ...прятанье денег в чулке, прятанье золота, серебра, бумажек.

Количество денег, которое таким образом сохраняется в Германии, исчисляется в $1\frac{1}{2}$ –2 миллиарда марок. То же самое происходит во Франции и других странах. Политические осложнения, кризис доверия, опасение новых международных осложнений и т.п. условия обострили

до крайней степени положение. В каждой отдельной стране выступили на сцену особые местные факторы депрессии. Вследствие этого кризис в Германии протекает иначе, чем в Англии, в Англии не так, как в Соединенных Штатах. Но для успешной борьбы с мировым кризисом надо попытаться сквозь пестрый переплет местных – порой чрезвычайно острых и драматических – явлений проследить общие линии процесса. Я думаю, что такой общей линией является небывалое падение цен, зашедшее гораздо дальше обычного при всякой депрессии удешевления товаров.

На каких путях возможна борьба с кризисом?

Над этим вопросом бьются многие.

Макмиллановский комитет¹² в Англии признал основной задачей в борьбе с кризисом прекращение падения цен и стабилизацию их на нормальном уровне. Если бы удалось действительно прекратить падение уровня цен и вызвать встречное движение – это, несомненно, облегчило бы положение.

Но как можно добиться этого?

Я считаю, что на уровень цен можно оказывать воздействие. Но надо отдать себе ясный отчет в том, что если цены падают, то это происходит не вследствие доброго желания товаровладельцев, а потому, что больше в данный момент они получить за товар не могут. Следовательно, воздействие на уровень цен возможно лишь через воздействие на покупательную силу, на спрос. И вот встает вопрос, возможно ли воздействие на покупательную силу мирового рынка?

Возвращаясь к истории прежних капиталистических кризисов, мы видим, что кризис преодолевался раньше за счет расширения рынков, вывода в колониальные страны. Сейчас эта возможность практически исключена, так как всюду в мире наблюдается попытка стран, живших за счет импорта, создать свою промышленность. Остается, стало быть, внутренний рынок.

¹² Макмиллановский комитет – Комитет по Финансам и Промышленности, существовавший при английском парламенте в 1929–1931 гг. Название получил от своего председателя – Харольда Макмиллана (1894–1986), шотландского судьи и политика. Цель комитета: «Исследовать банковское дело, финансы и кредит, принимая во внимание как внутренние, так и международные факторы, которые руководят их действиями. Рекомендовать шаги, которые дадут возможность этим учреждениям содействовать развитию торговли и использованию труда».

Но покупательная сила широких масс населения настолько ослаблена, что здесь нет надежд на расширение сбыта. В рамках самого капиталистического строя как будто нет сейчас возможности расширить спрос на товары.

Макмиллановский комитет отдавал себе отчет в трудности положения, но он предложил практический выход: расширение кредитов!

Пусть все банки расширяют кредит как в пределах своей страны, так и по отношению к загранице! Тогда появится новый спрос на сырьевые товары, оживится производство, выступит на сцену новая покупательная сила.

Идея по существу правильная и далеко не новая. Со времени Рикардо¹³ эмиссионные банки постоянно пользовались приемом расширения кредита (понижение дисконтного процента) в борьбе с кризисом. Новое в плане Макмиллановского комитета то, что он пытается поставить акцию на международную почву и вполне сознательно, путем расширения кредитно-денежного оборота, воздействовать на международный уровень цен.

К сходным выводам пришел Золотой комитет при Лиге Наций, рекомендовавший эмиссионным банкам всего мира заключить соглашение о понижении золотого покрытия банкнот, расширить эмиссию, на этой почве создать расширение объема кредита и таким образом вызвать к жизни новую покупательную силу и повышательное движение цен.

Слабой стороной этих планов представляется мне то, что они не указывают, каким способом вновь открываемые кредиты (и речь идет о миллиардах) вольются в хозяйственный круговорот. Если бы эти планы были приняты, случайные по составу группы предпринимателей поспешили бы использовать новые кредиты в своих интересах: правда, курсы акций и цены поднялись бы, но это явилось бы источником новых нецелесообразных инвестиций, в результате которых кризис стал бы еще глубже, чем сейчас. Поэтому, принимая основную мысль Мак-

¹³ Рикардо (Ricardo) Давид (1772–1823) – английский экономист. В первую очередь интересовался распределением продукции, о чем написал свое главное произведение «Начала политической экономии и налогового обложения». Впервые выразил мысль о социальной пользе налогов. Выступал за свободный товарообмен. Разработал теорию земельной ренты, сформулировал закон естественной цены заработной платы. Считал капитализм единственно возможным строем.

миллановского комитета и Золотого комитета при Лиге Наций, я считаю необходимым развить ее.

Лечение кризиса должно идти не со стороны инвестировок, а со стороны потребления. Эта мысль получила в последнее время довольно широкое распространение. Есть два признака кризиса: падение цен и безработица. Поэтому внимание должно быть направлено на оба момента. И из соединения обоих моментов возникает идея общественных работ, выдвинутая этой весной Международным Бюро Труда. Я представляю себе осуществление этой идеи в таком виде. Прежде всего – соглашение эмиссионных банков, обеспечивающее возможность расширения кредитов. Новые кредиты распределяются между различными странами для выполнения общественных работ. Через заработную плату вводится на рынок новая покупательная сила: люди, получившие работу, имеют возможность покупать, и это стимулирует сперва сбыт, а затем и производство. Допустим, здесь, в Германии, 1 миллион человек получит работу. Для удовлетворения их расширившегося потребления пришлось бы поставить на работу новые сотни тысяч рабочих и т.д. Это дало бы толчок для оживления всей хозяйственной деятельности.

Против этой политики воздействия на хозяйственные процессы имеются возражения. Первое возражение: говорят, что этим путем была бы понижена заработная плата, так как цены на товары возросли бы быстрее, нежели заработки рабочих. Это возражение неосновательно. Ведь заработная плата, как я говорил уже, есть доля рабочих в социальном продукте. Реальная заработная плата в Германии росла в период между 1924 и 1929 годами, т.е. в годы повышения цен; она падала с 1930 г. вместе с падением цен. То же самое наблюдалось и в других странах. Иначе обстояло дело, конечно, в 1922/23 гг., в период инфляции, но тогда не было ни нормальных цен, ни устойчивой заработной платы, все законы были поставлены на голову. В нашем случае речи об инфляции в смысле 1922/23 гг. быть не может, тем более, что в Германии имеется возможность регулирования цен (в частности на питательные продукты). Если же реальная заработная плата рабочих в результате этого плана и уменьшилась бы на 2–3 пункта, то это не имело бы большого значения. Ибо уменьшение безработицы и сокращенной работы с лихвой покрыло бы почасовое уменьшение зарплаты.

Второе возражение против нашего плана: говорят, что он принес бы лишь моментальное облегчение, ибо нельзя же без конца вкачивать миллиарды в общественные работы! Это возражение серьезное. Но в основе всего плана лежит попытка повернуть безнадежно закрутивший-

ся винт и заставить его крутиться в другую сторону. Важно дать сейчас толчок хозяйственной деятельности и ценам. Дальше уже явилась бы возможность воздействия на цены, чтобы удержать их на определенном уровне. В этих рамках было бы уже легче бороться с кризисом и прочими явлениями депрессии.

Делается еще третье возражение: вы хотите, мол, организовать общественные работы за счет государственных кредитов, но не внесет ли это полной дезорганизации в мировой товарный обмен? Этого опасения я не разделяю, так как вся операция в развиваемом мною плане ведется на началах международного взаимного контроля. Ни одно государство не может без большой опасности для всей своей хозяйственной и финансовой системы прибегнуть к печатному станку в целях организации общественных работ. Если бы Германия, например, выпустила с этой целью на 2 миллиарда марок новых банкнот, сохранив в то же время золотой паритет марки, то создалась бы теоретическая опасность повышения цен на 20–40%.

Это означало бы, что Германия не смогла бы продавать своих товаров на мировом рынке, отсюда уже один шаг до политики демпинга, настоящей инфляции (с отказом от золотого паритета) и т.д. Задача может быть разрешена лишь в международном масштабе, причем включение новых кредитов и новой эмиссии в хозяйственный оборот не нарушит ни валютных курсов, ни нормальных отношений между отдельными, участвующими в операции, странами.

План состоит в том, что на основе солидарности участвующих в операции стран, в сознании, что в данном вопросе не может быть противоречивых интересов, группа стран пытается организовать общественные работы и найти источники их финансирования. Путь финансирования указан работами Золотого комитета при Лиге Наций: соглашение банков о понижении границы золотого покрытия и расширение эмиссии.

Эксперты международных финансов единогласно пришли к выводу, что эта мера не таит в себе ни малейшей опасности инфляции, если только она будет проведена на основе планомерности и солидарности всех банков. Эмитируемые на основе понижения золотого покрытия новые суммы не должны поступать в непосредственное денежное обращение отдельных стран. Эти суммы должны быть в одном центре, являясь фондом специального назначения. Наиболее подходящим для этой роли центральным органом представляется мне Базельский Банк Международных Расчетов. Он мог бы выпустить международный заем

для целей борьбы с мировым кризисом, который был бы распределен по отдельным странам и покрыт новой дополнительной эмиссией. Каждый эмиссионный банк внес бы в Базельский Банк свои ноты, каждая страна получила бы отсюда кредиты для производства общественных работ.

О возражениях против этого плана я уже говорил. Вероятно, возможны и другие возражения. До осуществления его бесконечно далеко, и я не знаю, в каком виде выйдет изложенный план из горнила критической проверки его. Но я думаю, что некоторые основные идеи этого плана должны стать основой широкой международной акции рабочего движения, общий смысл которой заключается в воздействии на слепые силы стихии кризиса, на процессы мирового хозяйственного цикла.

Как видите, я в основном пункте солидаризируюсь с Макмиллановским комитетом – в необходимости и возможности воздействия на уровень цен путем вызова встречного движения. Но борьбу с падением цен мы должны соединить с требованием, чтобы вызываемые с этой целью к жизни чрезвычайные кредиты шли не через частные руки, а через международную организацию.

Как я уже говорил в самом начале доклада, вся эта тема о путях борьбы с мировым кризисом включает массу вопросов проблематических. Но одно, несомненно, ясно: на кризис нельзя смотреть как на слепой стихийный процесс, иначе это означало бы полное идейное банкротство социализма.

Если вы всмотритесь в резолюции о мерах борьбы с кризисом, которые до сих пор выносились социалистическими партиями, вы заметите, что все они стремятся, в лучшем случае, обеспечить жизнь, как немцы говорят, «из рук – в рот», но не дальше. Особенно это чувствуется в Германии. Коммунисты видят выход в том, чтобы «осоветить» Германию, национал-социалисты видят единственное спасение в Третьей империи, и то и другое указывает народным массам какой-то выход: «не ширше, так инше». Мы, социалисты, должны противопоставить этим утопиям широкий план по непосредственной борьбе с кризисом и добиваться теперь же проведения его в жизнь.

Наши авторы

Бялый Юрий Вульфович

кандидат технических наук,
вице-президент Международного общественного фонда
«Экспериментальный творческий центр»,
заместитель главного редактора журнала «Россия XXI»

Неклесса Александр Иванович

председатель комиссии по социокультурным проблемам
глобализации, член Бюро Научного
Совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН,
заместитель директора Института
экономических стратегий при ООН РАН, заведующий
лабораторией Института Африки РАН

Каджая Валерий Георгиевич

журналист

Антонов Дмитрий Игоревич

аспирант кафедры отечественной истории древнего мира
и средних веков Российского государственного гуманитарного
университета

Ненароков Альберт Павлович

доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Российского независимого института
социальных и национальных проблем, руководитель научной
программы Центра политической
и социальной истории России

Our authors

Byaliy Yuriy Vul'fovich

Ph. D. in technical sciences,
vice-president of the International Public Foundation
«Experimental Creative Center»,
deputy editor of «Russia XXI»

Neklessa Alexander Ivanovich

the chairman of the Committee
for Social and Cultural Problems of Globalization,
a member of the «History of the World Culture»
Scientific Council's Bureau at the RAS Presidium.

Mr. Neklessa is the deputy director
of Institute for Economic Strategies
at the Social Sciences division of the RAS,
chief of a laboratory at the Institute of Africa RAS

Kadzhaya Valeriy Georgievich

journalist

Antonov Dmitriy Igorevich

post-graduate of Early and Early Modern Russian History,
Russian State University for Humanities

Nenarokov Al'bert Pavlovich

D. Sci., historian,
head specialist of the Russian Independent Institute
of Social and National Problems;
the chief of scientific studies program
of the Center of Political and Social History of Russia

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2005 г.

Теория и практика политических игр

Кургинян С. Е., Бялый Ю. В.

Украина: вызов и урок для России. №1.

Кургинян С. Е.

Братиславская встреча – проходной эпизод или ключевое событие? №2.

Кургинян С. Е.

Точка сборки: победа как главный нервный узел всей российской духовной, культурной и политической проблематики. №3.

Кургинян С. Е.

«Чик» и «цык», или в чем реальное содержание обостряющейся властной коллизии. №4.

Кургинян С. Е.

Взрывы в Лондоне. Что они такое? Как повлияют на нас и на мир? №5.

Кургинян С. Е.

Осенний марафон. №6.

Бялый Ю. В.

Экономика инфляции и экспортно-сырьевой стагнации. №6.

Геоглобалистика

Конторер Д.

Враг у ворот: юбилейные размышления. №4

Дегоев В. В.

«Народ собрался в дорогу...». №5

Шевцов А. Л.

Вызовы и возможности строительства союзного государства России и Беларуси. №5.

Неклесса А. И.

Поражение России. №6.

Грани катастрофы

Сулакшин С. С.

Реальные механизмы российской экономической политики. №5.

Европейские параллели

Четверикова О. Н.

Ислам в современной Европе. №№1, 2.

Пути духовных исканий

Соболев А. В.
Русская философия: ориентация на гуманитарное познание. №1.

Ресурсы нации

Туманова А. С.
Добровольные организации и общественность города Москвы в начале XX в. №1.

Брэдли Дж.
Наука в городе: основание Московского политехнического музея. №2.

Ярлыки и мифы

Каджая В. Г.
Как воевали евреи: по Солженицыну и в действительности. №3.

Каджая В. Г.
«Программа завоевания мира евреями» или еще раз о тайне рождения «Протоколов сионских мудрецов». №6.

Страницы истории

Айрапетов О. Р.
Тупик рассредоточенного наступления. №1.

Аргенбрайт Р.
Веха на «скользкой дорожке» НЭПа. №№1, 2.

Тополянский В. Д.
Казус неблагонадежности. №2.

Марьина В. В.
К истории освобождения Праги (5–9 мая 1945 г.). №3.

Филюшкин А. И.
Первые выборы: избирательная кампания Ивана Грозного. №4.

Орлов А. С.
Японский фактор в европейской войне. 1941–1945. №4.

Ужанков А. Н.
Концепты «Русь» и «Русская земля» в мировоззрении древнерусских книжников XI–XV вв. №5.

Антонов Д. И.
Объяснение и «парадокс» в современной исторической науке. №6.

Россия в мире

Мяло К. Г.
Та война. №3.

Фридман Л. А.
О многовариантности международных экономических сопоставлений. №№4, 5.

Актуальный архив

Мальков В. Л.

Невыдуманная история начала II Мировой войны: Советский Союз и мир в 1939–1940 гг. глазами эксперта Госдепартамента США. №3.

Печатнов В. О.

Пейзаж после битвы: поверженная Германия глазами американцев. №3.

Ненароков А. П.

Экономические взгляды В.С.Войтинского. №6.

Редакционная почта

Чужакин А. П.

Тень лидера: взгляд на историю XX в. глазами переводчиков-дипломатов. №1.

Смирнов И. В.

Сага о том, как славянин Рюрик и прочая челядь на чистом вологодском санскрите преподавали российскую историю. №2.

Бородулин В. И.

«Не смотрели бы мои глаза на все это!» Об одном странном признании ученого и о некоторых проблемах формирования научных школ. №5.

The List of All Published Materials in 2005

Theory and Practice of the Political Games

Byaliy Yu., Kurginyan S.

Ukraine: A Challenge and a Lesson for Russia. №1

Kurginyan S.

Bratislava Summit: Insignificant Ephemeral Episode or the Key Event? №2.

Kurginyan S.

The Point of Assembling. №3.

Kurginyan S.

«ChiK» and «TsyK» or What is the Real Content of the Intensifying Power Collision. №4.

Kurginyan S.

Bombing in London: What are They? How Will They Influence Us and the World? №5.

Kurginyan S.

The autumn marathon. №6.

Бялый Ю. В.

Economics of inflation and of raw materials export stagflation. №6.

Geopolitics and International Policy Issues

Kontorer D.

The Enemy at the Gate: Jubilee Reflections. №4

Degoev V.

«People Got Ready to Move...». №5

Shevtsov A.

Challenges and Opportunities of Russian-Byelorussia Union State Building. №5.

Neklessa A.

Defeat of Russia. №6.

The Faces of Catastrophe

Sulakshin S.

Real Mechanisms of Russian Economic Policy. №5.

European Parallels

Chetverikova O.

Islam in Europe Today. №№1, 2.

Mentality. Strivings for Cultural Wealth

Sobolev A.
Russian Philosophy: A Focus on Humanitarian Studies. №1.

Resources of Nation

Tumanova A.
Moscow Self-organizations and the Public at the Beginning of the XXth Century. №1.

Bradley J.
Science in the City: The Founding of the Moscow Polytechnical Museum. №2.

Labels and Myths

Kadzhaya V.
How Jews Fought According to Solzhenitsyn and in Reality. №3.

Kadzhaya V.
«The Program of the Jewish Conquest of the World and the Mystery of «The Protocols of the Learned Elders of Zion» Emergence Revisited. №6.

Pages of History

Airapetov O.
The Failure of the Scattered Attack. №1.

Argenbright R.
Marking NEP's «Slippery Path». №№1, 2.

Topolyanski V.
A Case of Malicious Unreliability. №2.

Mar'ina V.
May 5–9, 1945: Liberation of Prague Revised. №3.

Filyushkin A.
The First Election: Electoral Campaign of Ivan the Terrible. №4.

Orlov A.
The Japanese Factor in War in Europe, 1941–1945. №4.

Uzhankov A.
«Rus» and «Russian Land» Concepts in the Mentality of Ancient Russian Scribes. №5.

Antonov D.
Explanation and «Paradox» in the Present-day Historical Science. №6.

Russia in the World

Myalo K.

That War. №3.

Fridman L.

On Multivariate of International Economic Comparisons. №№4, 5.

Topical Archive

Mal'kov V.

True Picture of the Beginning of the World War II. №3.

Pechatnov V.

The Landscape after the Battle. №3.

Nenarokov V.

Voitinski's Economic Opinions. №6.

Readers' Letters

Chuzhakin A.

Shadow of Leader. №1.

Smirnov I.

Saga of Slav Rurik and Other Valets Taught the Russian History in Pure Vologda Sanskrit. №2.

Borodulin V.

«I Wish My Eyes Would Not See All That!» On a Scientist's Strange Confession and on Certain Problems of Scientific Schools' Emergence. №5.

Готовится к печати

книга
Сергея Кургиняна

«ВЛАСТЬ И СМЫСЛ»,

**в которой известный политолог
анализирует в режиме on-line
ключевые процессы в России
«эпохи Путина».**

*Власть
и международные отношения...
Социальные, экономические
и идеологические коллизии...
Упущенные и еще сохраняющиеся
возможности в сфере
государственной стратегии...*

**Обо всем этом в новой книге
Сергея Кургиняна**

Учредитель
«Экспериментальный творческий центр»

Главный редактор

С.Е.Кургинян

Редколлегия:

Бялый Ю.В. (зам. гл. ред.),

Мамиконян Е.Р. (зам. гл. ред.),

Каравашкин А.В.,

Куриленкова А.А.,

Петрова И.Н.

Перепечатка допускается
по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются

Позиция редакции не всегда совпадает с мнением авторов

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года

Регистрационное свидетельство 011074

Юридический адрес редакции:

123001, Москва, Вспольный пер.,18

Редакция располагается по адресу:

Москва, Садовая-Кудринская, 22

телефон (495)291-74-79

факс (495)200-17-54

E-mail russia21@ecc.ru

<http://www.russia-21.ru>

© «Россия XXI» 2005

Цена свободная

ISSN 0869—8503

**Подписка на газеты и журналы по Москве
через Интернет: www.GAZETY.ru**

Подписано в печать 13.12.2005. Формат 60x88 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная 1. Объем 11,75 печ. л.

Тираж 2000 экз. Заказ

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ».

140010 Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-кт, 403.

Тел. 554-21-86

6. 2005 november-december

S o c i a l , P o l i t i c a l a n d

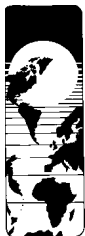
Theory and Practice of the Political Games

Sergey Kurginyan

The Autumn Marathon _____ **4**

Yuriy Byaliy

Economics of Inflation
and of Raw Materials Export Stagflation _____ **38**

Geopolitics and International Policy Issues

Alexander Neklessa

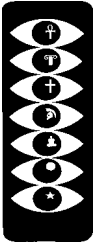
Defeat of Russia _____ **60**

Labels and Myths

Valeriy Kadzhaya

«The Program of the Jewish Conquest of the World»
and the Mystery of «The Protocols of the Learned
Elders of Zion» Emergence Revised _____ **84**

Pages of History

Dmitriy Antonov

Explanation and «Paradox» in the
Present-day Historical Science _ 116

Topical Archive

Al'bert Nenarokov

Voitinski's Economic Opinions _ 160